

7183

Н.А.Баскаков

**ИСТОРИКО-
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ФОНОЛОГИЯ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ**

• Наука •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Хусанов К. М.

23.03.89.

Н.А.Баскаков

**ИСТОРИКО-
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
ФОНОЛОГИЯ
ТЮРКСКИХ
ЯЗЫКОВ**

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

ББК 81.1

Б 27

Рецензенты:

доктор филологических наук *К.М. Мусаев*,
кандидат филологических наук *В.А. Виноградов*

Баскаков Н.А.

Б 27 Историко-типологическая фонология тюркских языков / Отв.
ред. Э.Р. Тенишев. — М.: Наука, 1988. — 208 с.
ISBN 5-02-010887-1

Книга представляет собой фундаментальное историко-типологическое исследование по диахронической фонологии тюркских языков — развитию и становлению типов фонологической структуры слова в целом, а также его элементов — корневой и аффиксальных морфем. Автором привлечен материал по фонологии всех современных и древних тюркских языков, на котором установлены типы фонологической структуры для каждого из 24 современных тюркских литературных языков.

Для лингвистов — тюркологов, специалистов по алтайским языкам и общем языкознанию.

4602010000-373
Б 042(02)-88 319-88-III

ББК 81.1

ISBN 5-02-010887-1

© Издательство "Наука", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является продолжением двух предыдущих монографий автора. Первая — "Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков" (1975 г.) — посвящена диахроническому анализу синтаксической структуры тюркских языков — исторической типологии предложения и словосочетания, а также развитию тюркских языков от древнего изолирующего до современного агглютинативного их строя. Во второй — "Историко-типологическая морфология тюркских языков" (1979 г.) — представлен анализ всех элементов, составляющих тюркское слово, т.е. его корневых и аффиксальных морфем в их системной связи и историческом развитии, а также закономерностей механизма агглютинации.

Настоящая монография посвящена анализу фонологической структуры тюркских языков в диахроническом аспекте ее развития и формирования. Последовательность изложения, равно как и исследования, от синтаксической структуры языка к морфологии и фонологии диктуется логикой развития всего языка в целом. Если выбор морфологических категорий и строение самого слова и его формы зависят от способа выражения мысли — словосочетания или предложения, — то фонологическая структура языка соответственно тесно связана с морфологическим составом слова. Необходимость последовательности анализа языка от синтаксиса к морфологии и от морфологии слова к фонологическому его составу диктуется еще и тем, что слово в тюркских языках по своему строению изоморфно словосочетанию, а фонологический состав слова изоморфен структуре самого слова.

Эта системная связь всех уровней языка в их диахронии прослеживается и в отношении фонематической структуры тюркских языков, которая в процессе своего формирования значительно видоизменялась. В данной монографии устанавливаются основные периоды ее развития от более древнего ее состояния до современного, отразившегося в конкретных тюркских языках.

В соответствии с этой концепцией в монографии представлены новые положения в изучении методом внутренней ретроспективной реконструкции процессов формирования основных периодов развития типов фонологического состава тюркских языков, дана характеристика конкретных моделей фонологической структуры современных тюркских языков, выдвинуты новые гипотезы о происхождении так называемых первичных долгих гласных, формировании специфического состава вокализма в татарском, башкирском, чувашском и некоторых других языках, в которых широкие гласные а, е, о, ö соответствуют узким у, і, u, ü, о соответствии по языкам широкого гласного а узкому у, а также выведены не-

которые закономерности в развитии тюркского консонантизма и, в частности, процессов фонематизации аллофонов фонем при образовании новых типов консонантизма (от древнейших типов до современных моделей).

Книга представляет собой обобщение многолетних наблюдений и исследований различных тюркских языков, их грамматического строя, лексического состава и фонетической и фонологической структуры. Для цельности описания фонологической структуры тюркских языков в данную монографию привлечены некоторые материалы автора, ранее опубликованные им в качестве докладов, статей, тезисов и проч., в частности материалы, касающиеся слоговой структуры слова, словесного и фразового ударения и интонации.

В книге использована единая фонетико-фонологическая транскрипция, принятая для большинства тюркологических исследований отечественных и зарубежных тюркологов.

Некоторые представленные в книге гипотезы являются спорными и, может быть, недостаточно аргументированными, но они вместе с тем отражают логическое развитие фонологической структуры тюркских языков как в более ранние, так и в более поздние исторические периоды. Все теоретические положения книги опираются на реально существующие в различных языках факты и закономерности, на которых и строятся гипотезы. И можно надеяться, что дальнейшее развитие этих положений поможет, путем их подтверждения или отрицания, установить истинный процесс развития фонологических типов и моделей тюркских языков и определить истинную типологию языков на всех этапах их развития.

Постижение истинной природы языка как целой системы заключается в раскрытии: а) структуры синтаксических единиц — предложения и словосочетания, б) морфологической структуры слова и в) фонологической структуры корня, т.е. в установлении всех существующих в данном языке или группе генетически родственных языков структурных типов и моделей каждого уровня в их органической причинной связи и взаимных отношениях (см.: Бодуэн де-Куртенэ, 1963, с. 65, 108 и др.).

Если историко-типологические исследования синтаксиса и морфологии тюркских языков имеют уже свою историю и представлены в тюркологии некоторым количеством специальных работ, то историко-типологическое изучение фонологии всей группы тюркских языков по существу находится еще в зачаточном состоянии.

Существующие специальные работы по фонетике и фонологии тюркских языков посвящены либо анализу фонологических систем конкретных тюркских языков, либо исследованию частных явлений фонетики и фонологии, характерных для того или иного тюркского языка и для отдельных групп тюркских языков. Некоторые успехи в изучении фонетики и фонологии тюркских языков представлены специальными трудами сравнительно-исторического характера, которые, как правило, имеют незначительную хронологическую глубину, редко выходящую за пределы близкородственных языков одной тюркской группы без привлечения данных других алтайских языков. Однако как в синхронных исследованиях фонологической структуры конкретных языков, так и в исследованиях диахронических, сравнительно-исторических, уже присутствуют выводы и заключения, касающиеся типологии фонологических структур тюркских языков как единой генетической общности.

Наибольшее значение для изучения типологии фонологических структур тюркских языков имеют два основных направления: а) сравнительно-историческая фонетика и б) типологическая фонология, т.е. фонология непосредственно связанная с установлением структурных фонологических типов, встречающихся в современных и древних тюркских языках.

Истоками сравнительно-исторического и типологического изучения фонологии тюркских языков были прежде всего труды В.Радлова — сравнительная фонетика тюркских языков, исследования по исторической фонетике (Radloff, 1882; 1901 и др.). Эти работы, в которых был привлечен материал по всем основным тюркским языкам и диалектам, послужил основой для последующих исследований по сравнительной грамматике и фонетике тюркских языков в России, главным образом в Казанской школе, представленной трудами В.А.Богородицкого (с 1927, 1933, 1934)

и Г.Шарафа (1927, 1930), и за рубежом, в трудах К.Фоя (Foy, 1900), В.Грёнбека (Grönbech, 1902), Х.Педерсена (Pedersen, 1903), Г.Ярринга (Jarring, 1933), А.Бомбачи (Bombaci, 1952), Г.И.Рамстедта (Ramstedt, 1957), Н.Поппе (Porpe, 1960) и некоторых других, представляющих собой очерки по сравнительно-исторической фонетике всех тюркских языков (он их см.: Rasanen, 1932; 1955; Emre, 1949).

Интенсивное развитие сравнительно-исторического исследования фонетики тюркских языков началось с пятидесятых годов. В Москве и Ленинграде появились труды Н.К.Дмитриева (1955) и его учеников — Ф.Г.Исхакова (1955), Дж.Киекбаева (1955; 1956) и др., а также работы Ф.Кязимова (1954) и Г.П.Мельникова (1962; 1963; 1970), в которых освещены исторические соответствия и чередования звуков в корневой морфеме, сущность и роль сингармонизма в фонологической структуре слова; последний вопрос особенно тщательно разработан Г.П.Мельниковым. Наконец, известный синтез всех сравнительно-исторических исследований был представлен А.М.Щербаком в "Сравнительной фонетике тюркских языков" и других его работах (1963; 1964; 1970), а также в коллективном труде Сектора тюркских и монгольских языков Института Языкознания АН СССР — "Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Фонетика" (М., 1984).

Перечисленные выше исследования составляют первое направление и относятся главным образом к сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, хотя и представляют весьма ценный материал для установления основных типов их фонологической структуры.

Второе направление — типологическое изучение фонологии тюркских языков в тесной связи со структурой слова, его строением и механизмом агглютинации — представлено исследованиями И.А.Бодуэна де-Куртенэ (1963), Е.Д.Поливанова (1927; 1933; 1968) и Н.С.Трубецкого (1960), определившими общую теорию типологического анализа, а также трудами А.Фишера (Fischer, 1920), Ж.Дени (Deny, 1938), И.ван-Гиннеке (Ginneken, 1939), И.Крамского (Kramski, 1956), установившими роль сингармонизма в формировании структуры слова, происхождение и функции сингармонизма, а также роль дихотомической альтернации гласных в реконструкции типов фонологической структуры тюркских языков, и, наконец, некоторыми частными исследованиями К.Томсена (Thomsen, 1957), Ю.Немета (Németh, 1964), К.Менгеса (Menges, 1964) и Л.Базэна (Bazin, 1961), а также некоторых других тюркологов, давших ценный материал, характеризующий исторически сложившиеся типы некоторых конкретных тюркских языков (Кононов, 1971; Кормушин, 1971 и др.).

Начиная с пятидесятых и шестидесятых годов, изучение фонологической типологии тюркских языков пошло по линии определения сущности фонемы как единицы звукового строя языка, характеризующейся взаимосвязью и единством материальной и функциональной ее сторон, и как элемента, формирующего реальную структуру слова, в свою очередь конструирующего тот или иной фонологический тип языка. Определение же типа фонологической структуры реализуется в тесной связи с единством морфологического и синтаксического типа. Так, специфика исторически сложившегося общего типа тюркских языков, в котором количество гласных фонем корневой морфемы — восемь, а аффиксальных морфем — четыре, заклю-

чается в агглютинативности языков этого типа, специфика же исторически предшествующего типа, который легко ретроспективно реконструируется и характеризуется наличием вокализма, состоящего из одной слогообразующей фонемы, заключается в изолирующем строе языков этого типа.

Первая попытка изложения этой концепции была предпринята мною в книге "Каракалпакский язык", т. II (М., 1952); более подробно говорится об этом в статье "Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика)" в книге: "Языки народов СССР", т. II (М., 1966), а также во "Введении в изучение тюркских языков" (М., 1969). К этому же направлению относятся работы, частично касающиеся фонологии тюркских языков А.А. Реформатского (1955, 1961, 1970), М. Молловой (1966), В.А. Виноградова (1970), и интересная статья узбекских фонологов Ш.Ш. Шаабдуррахманова и А.А. Абдуазизова (1976) и др.

Однако завершенные фонологические исследования пока не охватывают всех аспектов развития тюркской фонологической структуры и не определяют основные типы этой структуры как в диахроническом, так и в синхронном планах.

Историко-типологическая фонология в своем дальнейшем развитии, как самостоятельное направление, имеет своими задачами: во-первых, более углубленный и всесторонний анализ законов сингармонизма тюркского слова, позволяющий путем ретроспективного рассмотрения определить процессы развития всех моделей фонологической структуры древних и современных тюркских языков; во-вторых, изучение систем гласных и согласных в их развитии, определяющих как более ранние, так и более поздние фонологические структуры конкретных тюркских языков; в-третьих, — исследование взаимодействия фонологического уровня с морфологическим и синтаксическим, их изоморфизма и общих законов, определяющих типологический переход от изолирующего строя к агглютинативному строю современных тюркских языков; в-четвертых — установление древних типов фонологических структур в их диахронии в связи с развитием вокализма и консонантизма и констатация основных закономерностей их развития с учетом имманентных факторов и влияния различных субстратных и адстратных языков и их систем вокализма и консонантизма и, наконец, в-пятых, — определение и классификация всех типов и моделей фонологических структур современных тюркских языков с их полной характеристикой.

Задачи эти обширны и сложны и выполнение их возможно только последовательно в целом ряде специальных исследований, поэтому в данной работе мы намечаем только общие пути, и предлагаем некоторые рабочие гипотезы разрешения данной проблемы.

2

Предпринятая нами серия историко-типологических исследований, имеющая своей целью историко-типологическое сопоставление тюркских языков между собой и выделение основных типов важнейших категорий языка внутри группы родственных языков, т.е., в данном случае, внутри группы тюркских языков, установила на синтаксическом и морфологическом уровнях определенные исторически сложившиеся и имеющие

хронологическую последовательность в своем развитии типы основных синтаксических конструкций — словосочетаний и предложений, равно как и соответствующие хронологически соотнесенные типы морфологической структуры тюркского слова, характеризующие последовательный переход тюркских языков от древнего, близкого к изолирующему строю, до структурного типа агглютинирующих языков (Басакаов, 1975; 1979).

Все типы синтаксических конструкций и модели морфологической и фонологической структуры слова установлены методом ретроспективной, внутренней реконструкции от существующих конструкций и моделей к более древним, рудименты которых сохранились как в древних, так и в современных языках, т.е. исходя не из реконструированных праязыковых форм, как это принято в сравнительно-исторических исследованиях, а из существующих, сохранившихся закономерностей. Историко-типологическая ретроспективная внутренняя реконструкция, таким образом, заключается в сопоставлении существующих в конкретных языках структурных явлений и в выяснении их хронологической последовательности.

Если метод сравнительно исторического изучения языков заключается в следующих основных операциях: а) сопоставление идентичных по семантике единиц различных уровней языка; б) определении системных корреляций; в) установлении хронологических соотношений, т.е. соотносительной хронологии и, наконец, г) выведении праформ различных единиц различных уровней и их архетипов, то метод внутренней ретроспективной реконструкции архетипов заключается в том, что в синхронных структурах современных языков устанавливаются явления различных хронологических этапов развития языков и по этим рудиментным явлениям восстанавливается последовательная стратификация их развития.

Как показали эти исследования, все уровни тюркских языков тесно связаны между собой органическим изоморфизмом и зависят от синтаксического уровня, устанавливающего общий строй тюркских языков и определяющего его морфологическую структуру, которая, в свою очередь, служит базой, устанавливающей соответствующие фонологические закономерности и специфические для тюркских языков типы фонологических структур.

Если словосочетание и предложение определяют структуру слова, а слово изоморфно строению словосочетания, то слово определяет строение фонематического состава слова, и структура распределения фонем изоморфна строению слова. Так, если на морфологическом уровне мы различаем морфологию слова — словообразование и морфологию словосочетания и предложения — словоизменение, то на фонологическом уровне мы также дифференцированно подходим к фонологии корневой морфемы, с одной стороны, и фонологии аффиксов — с другой. Таким образом, фонология слова по своему составу изоморфна морфологии слова. Этот изоморфизм характеризуется тем, что морфология слова (словообразование) соответствует фонологии корневой морфемы, а морфология словосочетания и предложения (словоизменение) соответствует фонологии сочетаний корневой морфемы с аффиксами.

Для того чтобы изучить фонологическую структуру тюркского слова, необходимо было прежде всего определить строение слова, его основные смысловые элементы — морфемы, характер его корня и механизм агглю-

тинации аффиксальных морфем, а для того, чтобы понять смысловую строй слова и закономерности присоединения морфем, т.е. сущность морфологических категорий языка, необходимо было исследовать в историко-типологическом плане синтаксическую структуру словосочетания и предложения, изоморфизм которых заложен в морфологической структуре слова.

Такая последовательность в анализе уровней языка и дедуктивный методы исследования с большей эффективностью вскрывают сущность типологии тюркских языков в единстве и органической связи всех явлений и всех уровней, в то время как обратная последовательность анализа от фонологических исследований к грамматическим — морфологическим и синтаксическим — не позволяет установить и объяснить органическую связь уровней между собой.

Если при сравнительно-историческом методе исследователь исходит в своем анализе из реконструированных им архетипов праформ праязыка, объясняя современное состояние изучаемых им языков, то при ретроспективно-типологическом изучении структуры языка все факты и явления более древней структуры отдельных систем и подсистем определяются и объясняются реконструированием исходя из внутренних закономерностей структуры современных языков.

Считая необходимым и обязательным в историко-типологическом анализе в первую очередь учитывать тесную смысловую связь категорий языка и мышления, мы установили, что основные единицы языка, определяющие смысл и содержание человеческой речи, — слово, словосочетание и предложение — представляют собой реализацию трех основных мыслительных актов: 1) номинации, т.е. образование слов-понятий как простых, так и сложных; 2) атрибуции, т.е. образование словосочетаний, выражающих конкретизацию слов-понятий, и 3) предикации, т.е. образование предложений, выражающих интеграцию и обобщение слов-понятий по признаку, содержащему категории времени и модальности.

Определяя словосочетание как выражение акта атрибуции, как сочетание двух слов-понятий или групп слов, образующих две зоны — определенное и определяемое, — из которых в определении выражен признак, конкретизирующий абстрактное понятие определяемого, и устанавливая структуру тюркского слова как непрерывную цепь сочетающихся между собой морфем, исторически восходящих к трехзвучным корням самостоятельных слов, носивших конкретное реальное значение предметов и признаков, но в процессе морфологического развития абстрагировавшихся и в современных языках характеризующихся различной степенью фонетической редукции и выпадением отдельных корневых элементов из состава корней, образующих аффиксы (по схеме $ГС + (C) ГС + СГ (C) + (C) Г (C) + C (ГC) + (СГ) С$ и т.д.), мы приходим к выводу о полном изоморфизме слова и словосочетания, т.е. об общей структуре словосочетания и слова, которое состоит либо из одного корня, либо из: 1) сочетания корневой морфемы с одним или группой аффиксов, определяющих общее смысловое понятие слова, т.е. конкретизирующей части слова и 2) группы постпозиционных аффиксов, т.е. конкретизируемой части слова, выражающей абстрактное понятие; ср., например, каз. *žaz-uw-ŝy* 'писатель', в котором корневая морфема *žaz-* 'писать' и афф. *-uw*, образующий масдарную форму *žaz-uw*

'писание' несут функцию определяющей части слова, а морфема -*ъу* — функцию определяемой морфемы, выражающей отвлеченное понятие действующего лица. Иначе говоря, изоморфизм слова и словосочетания позволяет рассматривать слово как отношение двух его частей: 1) определяющей части, которая состоит из корневой морфемы или сочетания корневой морфемы с одним или с группой аффиксов, и 2) определяемой части, которая состоит из постпозиционных аффиксальных морфем, выражающих то или иное абстрактное понятие.

Таким образом, принимая гипотезу о полном изоморфизме слова и словосочетания и об исторической реальности лексического значения каждой аффиксальной морфемы, мы должны также признать и общие закономерности, а также и наличие общих смысловых и грамматических категорий для словосочетания и слова, во-первых, общих со словосочетанием синтаксических отношений между корневыми и аффиксальными морфемами, т.е. морфосинтаксиса, во-вторых, общих закономерностей для различных частей речи и соответствующих морфологических категорий морфем, т.е. морфоморфологии, в-третьих, общих со словами содержательных, семантически реальных лексических значений, абстрагированных в процессе семантического развития, т.е. морфосемасиологии и, наконец, в-четвертых, соответствующих фонологических выражений морфем, т.е. морфофонологии.

Итак, исходя из структуры слова как состоящего либо из одной корневой морфемы, либо из сочетания корневой морфемы с аффиксальными, которые исторически представляли собой такие же самостоятельные, но в процессе грамматикализации фонетически редуцированные слова, мы переходим к рассмотрению его фонологической структуры.

3

Из всех аспектов изучения звуковой сущности языка наиболее важное значение для вскрытия закономерностей его развития имеет изучение фонематической структуры, исторически развивающейся и совершенствующейся вместе с развитием языка, как результата труда и общественной деятельности человека.

Изучая структуру фонемы, реализующейся в системе звуков, мы сталкиваемся с понятием звука не как с физическим явлением или биологической функцией человека, а как с фонемой — значимой единицей человеческой речи, определяющей значение слова, т.е. имеющей смысловую функцию, как с лингвистическим понятием, составляющим структурную часть всей системы языка.

Существующие в языке гласные и согласные звуки группируются в определенное количество единиц, обладающих набором специфических дифференциальных признаков, которые возникают из-за различий в способах и месте образования этих звуков, формирующихся при определенных закономерностях соответствия и чередования. Эти единицы, представляющие собой совокупность формирующих их признаков и выступающие как элементы, определяющие значение слова, и являются фонемами, а реальные звуки, составляющие слово, — формой существования фонем (Трубецкой, 1960). Фонематическую же структуру конкретного языка, таким образом,

необходимо рассматривать как совокупность фонем в их неразрывной связи между собой и с другими структурными уровнями языка — структурой слова, словосочетания и предложения, являющимися изоморфными по отношению друг к другу.

Развитие фонематической структуры каждого языка представляет собой непрерывный процесс постоянного совершенствования звукового выражения языка, процесс дифференциации и интеграции фонем и их реализации — аллофонов, получающих в связи с развитием самого языка смыслоразличительное значение, определяющее семантику слова. Этот процесс становления фонем в языке происходит в связи с развитием мышления и языка и обогащением его новыми понятиями, новой лексикой.

Первоначально недифференцированные звуки — аллофоны одной фонемы — с обогащением лексики и возникновением необходимости дифференциации значений возникающих новых слов-понятий, либо расщепляются по какому-либо дифференциальному признаку и образуют новые дифференцированные фонемы, либо интегрируются, обобщаются, объединяются, образуя путем конвергенции из двух фонем одну интегрированную фонему.

Процесс возникновения новых фонем путем расщепления по какому-либо дифференциальному признаку виден на живых примерах, например современного алтайского (ойротского) языка. Еще совсем недавно, до массового проникновения в язык русских заимствованных слов, в литературном алтайском языке все губно-губные и губно-зубные звуки $p \sim b \sim f \sim v \sim w$ являлись аллофонами одной фонемы, т.е. представляли собой недифференцированное единство одной фонемы, которое в народном разговорном языке по существу сохранилось и в настоящее время. То же можно сказать об аллофонах фонем типа $s(z)$, $t(d)$, $k(g)$, $\check{s}(\check{z})$, которые совсем недавно не осознавались в языке алтайцев как самостоятельные фонемы, т.е. не имели функций смыслоразличения, и только в более поздней их реализации стали самостоятельными фонемами, различающимися дифференциальными признаками глухости-звонкости.

Специальный эксперимент, проведенный в 1939 г. в одной из алтайских школ, показал, что учащимися-алтайцами, начинающими изучать русский язык, звуки $p \sim b \sim f \sim v \sim w$, $s \sim z$, $t \sim d$, $k \sim g$, $\check{s} \sim \check{z}$ не осознавались как самостоятельные смыслоразличающие звуки, т.е. как самостоятельные фонемы, хотя как физические звуки и существовали в языке. В письменных работах этих учащихся они смешивались и замещались соответствующими парными звуками. Так, например, рус. *фуфайка* в данном эксперименте имело у различных учащихся различное написание: *пупайка*, *вуфайка*, *бупайка* и проч., слово *ребята* соответственно — *ревата*, *репата* и проч., сочетание *рыбу ловят* — *рыбу лобят*, *рыву лобят* и проч.; или: *зима ~ сима*; *разный ~ расный*, *дорогу ~ тороку*; *город ~ корот*, *жеребята ~ шереваты* и проч.

Только спустя много лет, вместе с проникновением в алтайский язык большого количества русской лексики, звуки $p \sim b$, $v \sim f$, $s \sim z$, $\check{s} \sim \check{z}$, $t \sim d$, $k \sim g$ дифференцировались по признаку глухости и звонкости, а некоторые и по спирализации в самостоятельные смыслоразличительные звуки, т.е. в самостоятельные фонемы как в письменном, так и в устном литературном алтайском языке, в то время как прежде они реализовались в языке только как позиционные (в интервокальной позиции) варианты

одной и той же фонемы; ср., например: köp 'много', köbi 'его множеств-во'; bař 'голова', bažu 'его голова'; kös 'глаз', közi 'его глаз'; at 'лошадь', ady 'его лошадь'; söök 'кость', söögi 'его кость' и проч.

Обратным примером конвергенции и интеграции звуков может служить хотя бы конвергенция гласных $y \sim i$ в некоторых диалектах туркменского языка, в новотуркменском языке, а также еще более сложные процессы конвергенции в вокализме узбекского языка.

Процессы дифференциации и интеграции звуков как значимых смысло-различительных единиц реализуются противопоставлением по какому-либо из дифференциальных признаков, например в отношении гласных по ряду, тембру и лабиализации, а в отношении согласных по звонкости (глухости), соноризации, спонантизации и проч. в ходе совершенствования языка и развития его лексики в связи с необходимостью закрепления семантической дифференциации слов фонетическим их различием.

Вместе с тем дифференциация и, реже, интеграция звуков и образование новых фонем происходит неравномерно для начала и конца слов, для корня слов и аффиксов. Так, например, в большинстве современных тюркских языков количество нормальных гласных фонем в корневых морфемах колеблется между 8—11 фонемами (если не считать долгих гласных в некоторых языках), в то время как в тех же языках в аффиксах различаются всего две, реже три фонемы.

Итак, фонема — изменяющаяся в процессе развития языка единица звуковой речи, имеющая смысло-различительное значение в слове, органически входящая в систему взаимно противопоставляемых и сопоставляемых фонем данного языка, представляющих собой совокупность звуковых оттенков (аллофонов), реализующихся в виде нескольких физических различаемых звуков, не имеющих, однако, функций смысло-различения.

Представляя собой интегральную единицу дифференцированных по своему физическому свойству звуков — аллофонов, фонема одновременно реализуется в речи в виде различных звуков, не имеющих смысло-различительного значения. Так, например, в современных алтайских диалектах до настоящего времени сохранилась интеграция аллофонов $[p (\sim b \sim f \sim v \sim w)]$, которые, представляя собой одну фонему, не имеют смысло-различительного значения, хотя и существуют как реальные звуки в речи представителей этих диалектов. В этой связи вопрос о том, какой из звуков — глухой p или звонкий b был первичным в развитии того или иного языка является праздным, так как первоначально звуки p и b как аллофоны одной фонемы $[p \sim b \sim f \sim v \sim \varphi \sim w]$ существовали одновременно и реализовались в речи в зависимости от позиции в слове

Развитие аллофона в самостоятельную фонему происходило последовательно по внутренним законам, а иногда и в зависимости от экстралингвистических факторов в противопоставлении: 1) шумных и сонорных, т.е. $[p \sim b \sim f \sim v \sim \varphi \sim w] - [m]$ и т.д.; 2) глухих и звонких, т.е. $[p \sim f \sim \varphi] - [b \sim v \sim w] - [m]$ и проч. Происходили и обратные процессы — интеграция и конвергенция самостоятельных фонем в одну фонему с соответствующими аллофонами; ср., например, конвергенцию узких гласных i и y в одну фонему — индифферентный i в уйгурском языке или более сложный процесс конвергенции гласных в узбекском языке.

Таким образом, фонема прежде всего — категория исторически развивающаяся и изменяющаяся. Следовательно, историю развития отдельных фонем мы должны рассматривать точно так же, как и историю развития отдельной грамматической формы, т.е. по этапам последовательного становления фонем в процессе их дифференциации и интеграции и превращения отдельных аллофонов фонемы в самостоятельные фонемы со смысло-различительным значением. При изучении фонем мы должны также иметь в виду соответствующую историческую последовательность их развития, т.е., если, например, в современном казахском или каракалпакском литературном языке существуют дифференцированные задние согласные фонемы [k], [g], [q], [x], [h], то на более ранних этапах существовали только две фонемы — [k(∼q∼x∼g∼γ)] и [h], а еще раньше только одна фонема — [k(∼q∼x∼g∼γ∼h)].

Исходя из этого, все модели фонематической структуры тюркских языков вообще и каждого конкретного языка должны рассматриваться в историческом плане их развития и в плане взаимного противопоставления фонем по основным дифференциальным признакам, с учетом их дистрибуции в слове, которая изоморфна составу его морфем. Для правильного понимания фонематической структуры слова в тюркских языках и тех внутренних закономерностей, которые связаны с развитием фонем, необходимо дать анализ структуры слова как организованного звукового комплекса, элементы которого находятся в тесной взаимной связи и во взаимодействии.

Слово в речи как система связанных между собой взаимодействующих звуков диалектично по своим свойствам, оно фонематически является устойчивым и неизменным, но по своему звуковому составу по тем аллофонам, которые выражают ту или иную фонему, оно не стабильно. Звуковой состав слова, таким образом, сохраняя стабильный фонемный состав, фонетически изменяется в зависимости от позиций и условий выражения той или иной фонемы тем или иным аллофоном, однако изменение звукового состава слова ограничен пределами возможных аллофонов и оттенков звуков, в качестве которых реализуется каждая фонема в слове.

4

По мере развития тюркских языков, под влиянием заимствованной лексики, равно как и по своим внутренним закономерностям, вокализм развивается путем фонематического противопоставления по ряду, лабиализации и подъему, а консонантизм постепенно обогащается прежде всего за счет имеющихся в речи аллофонов основных фонем, т.е. фонематизацией коррелятивных спарантов — передних f, v, w, задних x, h, γ и средних ž, z и проч., а также фонематического противопоставления глухих и звонких p ∼ b, k ∼ g, t ∼ d, s ∼ z, š ∼ ž, č ∼ dž и, наконец, фонематизации некоторых аллофонов по ряду k ∼ q, l₁ ∼ l₂'.

Типологические изменения в значительной степени проявляются последовательно и относительно одновременно во всех тюркских языках благодаря чрезвычайной структурной их близости. "Эта общность структуры, — пишет французский тюрколог Л.Базэн, — которую можно определить

как статическую, сопровождается в течение диахронического развития этих языков, не менее очевидными общими тенденциями". И далее, развивая свою мысль о сохранении этих общих тенденций, Л. Базэн считает возможным "выделить общие существенные черты, которые составляют сущность различных тюркских языков и которые обеспечивают их единство" (Bazin, 1961, с. 12).

Отмечая, что "фонологический анализ, функциональное изучение системы фонем в различных тюркских языках позволяет понять с первого взгляда простую и ясную их архитектуру, постоянную в своих основных чертах", Л. Базэн справедливо исключает из этого анализа различные лексические заимствования, считая, что заимствованные слова, более или менее недавно попавшие в тюркские языки из нетюркских (персидского, арабского, французского, русского и др.) и составляющие часто значительную часть словаря, остаются вообще вне тюркской фонологической структуры (Bazin, 1961, с. 13).

Обращаясь к характеристике вокализма тюркских языков, Л. Базэн отмечает различие между фонологическими структурами вокализма первого слога слова и последующих слогов, иначе говоря, между вокализмом корневой морфемы и вокализмом аффиксальных морфем. Устанавливая восемь основных гласных фонем для начального слога, т.е. для корневой морфемы, которые определяются полной симметрией в соотношении подъема, палатализации и лабиализации, и три гласные фонемы для последующих слогов, т.е. для аффиксальных фонем, — [a], [y], [u] (с соответствующими аллофонами по палатализации — e, i, ü), — которые могут быть сведены к двум основным фонемам [a] и [y] (с соответствующими аллофонами по палатализации — e, i и лабиализации — o, ö, u, ü), он указывает также на наличие в древнем состоянии тюркских языков соответствующих долгих гласных. Однако, как это представляется нам и как это будет изложено ниже, более древнее состояние тюркских языков характеризуется отсутствием долгих гласных и наличием менее чем восьми гласных фонем в корневой морфеме.

Анализируя состав согласных в древнетюркских языках (орхоно-енисейских памятниках), Л. Базэн устанавливает:

для начальной позиции слова только шесть согласных фонем: четыре взрывные — [b], [t], [k], [č] и две проточные — [s], [j] без корреляции сонорности и без противопоставления по глухости и звонкости, но с наличием вариантов (аллофонов) по палатальности; другие согласные характерны для заимствованных слов;

для средней и конечной позиции 17 фонем: семь взрывных, из которых три пары — глухие и звонкие — [p], [b]; [t], [d]; [k], [g], [č]; четыре носовые — [m], [n], [n'], [ŋ]; четыре проточные — [j], [s], [z], [ʃ]; две плавные — [l], [r]; причем этимологические проточные [z], [ʃ] соответственно чередуются с плавными [r] и [l].

Если же учесть, что отсутствие фонематической корреляции по глухости и звонкости согласных p/b, t/d, k/g и проч. и носовых согласных n/n', то общее количество согласных фонем может быть сведено для более древнего состояния тюркских языков только к 13 фонемам, которые позиционно распределяются следующим образом.

I. Для начальной позиции¹: передние — [p(∼b∼m∼w)]; средние — 1. [t(∼j∼dj/tj∼nj∼rj∼dʒ/č∼ž/š∼dz/c∼z'∼s')] ; 2. [č(∼š∼s)] ; 3. [s] ; задние — [k(∼g∼ḡ∼q∼x∼γ)], т.е. пять фонем.

II. Для конечной (и средней) позиции: передние — 1. [p(∼b∼m∼w)] ; 2. [m] ; средние — 1. [t(∼d∼j∼s/z∼θ/δ∼r)] ; 2. [č(∼š∼s)] ; 3. [š(∼l)] ; 4. [s(∼z∼r)] ; 5. [r] ; 6. [l] ; 7. [n] ; 8. [j] ; задние — 1. [k(∼g∼ḡ∼q∼x∼γ)] ; 2. [γ] ; 3. [ŋ], т.е. 13 фонем.

Всего же для той и другой позиции: передние — 1. [p] ; 2. [m] ; средние — 1. [t] ; 2. [č] ; 3. [š] ; 4. [s] ; 5. [r] ; 6. [l] ; 7. [n] ; 8. [j] ; задние — 1. [k] ; 2. [γ] ; 3. [ŋ], т.е. 13 фонем.

Далее, в процессе развития тюркских языков, как уже отмечалось выше, фонологическая структура конкретных тюркских языков под влиянием как внутренних закономерностей, так и адстратных и субстратных факторов, усложнялась в первую очередь за счет фонематизации аллофонов основных первичных фонем. Так, например, в развитии кыпчакско-ногайских языков (ногайского, каракалпакского, казахского) в более поздние периоды различается три основных этапа, если считать началом этого развития период полного формирования восьмиричного вокализма и соответствующего этому периоду консонантизма.

Первый период характеризуется наличием восьми гласных, противопоставляющихся по ряду, лабиализации и подъему (тембру), т.е. разделяющихся на гласные палатализованные и непалатализованные, лабиализованные и нелабиализованные, узкие (верхнего подъема) и широкие (нижнего подъема):

a	e	o	ö
y	i	u	ü

и 14 согласных, противопоставляющихся по месту образования, глухости и звонкости:

p	t s š				k	(q)	(x)
(b) w m	n l r	(d) z	dž j	(g)	(γ)	ŋ	

Второй период характеризуется включением в состав гласных девятого переднего гласного [ä], а в состав согласных — дополнительных губных фонем [b], [f], средняяязычной [d] и задняяязычных и фарингальных [q], [x], [h], [g], [γ], т.е. наличием 9 гласных и 22 согласных.

Наконец, третий период в развитии фонематического состава, т.е. современная фонематическая структура этих языков, состоит уже из 11 гласных — к 9 гласным второго периода присоединяются гласные [i] и [u] полного образования:

a	e	ä	o	ö
y	i	i	u	ü u

¹ В круглых скобках даны аллофоны.

и 26 согласных — к 22 согласным второго периода присоединяются губно-зубной [v] и средняяязычные [c], [č], [ž]:

p	f							t	s	š	č	c					k	q	x	h
b	w	v	m	n	l	r	d	z	ž	dž	j	g	γ	ŋ						

Однако тому исходному периоду, который мы взяли для иллюстрации развития фонематической структуры этих языков, предшествовали этапы более ранние, которые могут быть прослежены только гипотетически, для чего необходимо использовать соответствующие методы, позволяющие с определенной степенью достоверности вскрыть те закономерности, которые привели развитие тюркских языков к данному исходному периоду, характеризующемуся восьмиричной структурой вокализма и соответствующим ограниченным по составу консонантизмом тюркских языков.

Таковыми методами, позволяющими установить стратификацию изменений фонологической структуры тюркских языков, как уже было отмечено выше, являются, с одной стороны, метод внутренней ретроспективной реконструкции, а с другой — некоторые методические приемы сравнительно-исторического метода.

Для тюркских языков, развитие которых протекало в процессе их дифференциации, а также, параллельно, интеграции в группы восточных и западных языков, затем консолидации в племенные языки — болгарские (огурские), огузские, уйгурские, кыпчакские, карлукские — и, наконец, интеграции в национальные языки, — характерно сохранение множества рудиментных явлений, по которым можно представить себе основные процессы их развития.

Итак, развитие тюркских языков является сложным процессом, включающим в себя не только дифференциацию, но и интеграцию. Сложной схеме их развития соответствует и развитие фонологических явлений.

5

Родство тюркских языков с другими алтайскими языками исключает полную их изоляцию. Отдельные диалекты взаимодействовали в своем развитии с диалектами других тюркских, а также и соседних монгольских и других языков. Исходя из современного взаимодействия языков и диалектов между собой, мы можем путем проекции в прошлое установить не только внутренние закономерности их развития, но и законы внешнего воздействия на их формирование в связи с историей образования родоплеменных союзов, а следовательно и соответствующих особенностей структуры конкретных языков и диалектов их носителей. Не случайно, при изучении тех или иных фонетических, лексических и грамматических закономерностей исследователи пользуются такими терминами, как "огузские", "кыпчакские", "болгарские", "карлукские", "уйгурские" и проч. черты, а это указывает на то, что какие то явления, в том числе фонетические и фонологические, являются характерными для тех или иных языков и диалектов соответствующего родоплеменного союза, а в зависимости от консолидации компонентов (огузских и кыпчакских, болгарских

и кыпчакских, огузских и болгарских и проч.) возникали и характерные особенности фонетической структуры, сохранившие определенную устойчивость; ср., например, соответствие /l/ в языке болгар и /z/ в других тюркских языках.

В процессе развития тюркских языков появляется определенный тип фонологической структуры конкретной группы языков с определенными канонизированными нормами. Затем эти нормы под влиянием внутренних закономерностей и внешнего воздействия субстратных и адстратных языков изменяются и образуются отклонения от установившихся норм, которые и могут быть определены как типологические изменения. Эти изменения не вносят больших сдвигов в основную структуру языка, но при их количественном накоплении происходит некоторая трансформация языковой типологии, в результате чего образуется новый тип языка.

Типологические исследования по фонологии, таким образом, рассматривают все явления фонологической структуры всех тюркских языков в их последовательном развитии и в непосредственной связи с другими уровнями языков в их общей системе.

На основе существующих моделей фонологических структур современных конкретных языков можно ретроспективно определить общетюркскую модель, характерную для всех тюркских языков, из которых, с одной стороны, на основе существующих рудиментных данных реконструируются более древние структурные типы, а с другой, устанавливаются и интерпретируются процессы развития и становления фонологических типов и моделей современных тюркских языков.

Некоторые исследователи (Щерба, 1912, с. 8; Яковлев, 1948, с. 318; Журавлев, 1961, с. 33) считают, что сингармонистические слоги строятся не по односторонней зависимости согласных от гласных или гласных от согласных, а определяются характером всего слога, т.е. характером фонемы, состоящей из элементов гласных и согласных. Эта теория отчасти применима и к фактам тюркских языков, в которых, правда, определяющими фонологическую структуру слова являются все же согласные. А так как в этих языках согласные определяют характер не только слога, но и всего слова, то, как ни парадоксально, понятие фонемы, если слог типа СГС одновременно выступает и в значении самостоятельного слова, совпадает не только с целым слогом, но и с целым словом, т.е. "словом-фонемой".

Следовательно, если признать исходными, доминирующими и определяющими структуру слова самостоятельными фонемами все различающиеся по подъему (тембру, поскольку последний определяется главным образом подъемом), лабиальности и палатальности согласные, то все гласные представляются только разновидностями (вариантами) одной гласной фонемы, имеющей всего один основной признак показателя слога, а в отношении дифференциальных признаков — непреградность (т.е. отсутствие какого-либо особого расположения органов речи, определяющего звучание) в отличие от согласных, которые в той или иной степени образуются характерными для них преградами определяющими их характер (звучание). Строгая парность гласных по ряду, лабиальности и тембру (или подъему), таким образом, является вторичной, зависимой от той же парности согласных, а не наоборот.

В сингармонических сочетаниях (словах, корневых морфемах, словах)

гласные выступают в полной зависимости от небного, лабиального и тембрового качества слогообразующих согласных: либо как задних и передних, либо как губных и негубных, либо как узких (верхнего подъема) и широких (нижнего подъема) коррелятов гласных. Приоритет же согласных, их доминирующее значение в фонологическом строении слога, морфемы и целого слова выявляется тем, что без гласных можно графически обозначить слово в то время как без согласных это невозможно.

Если слова, состоящие только из корневой морфемы, представляют собой структуру из двух согласных и интерконсонантного вокалического элемента, т.е. из СГС (CVC), а слова более сложные, состоящие из корневой и аффиксальной или группы аффиксальных морфем, исторически сложившиеся также из тех же элементов и той же структуры, т.е. из определяющей корневой морфемы и определяемых аффиксальных морфем, то фонологический анализ слова должен заключаться в вскрытии фонологических закономерностей, относящихся прежде всего к корневой морфеме, а затем закономерностей, определяющих аффиксальные морфемы.

Иначе говоря, прежде чем судить об общих фонологических закономерностях, определяющих те или иные фонологические типы тюркских языков, необходимо сначала рассмотреть все фонологические явления, определяющие характер корневой морфемы с начальным и конечным консонантами и межконсонантным вокалическим элементом, а затем уже рассматривать и фонологические возможности, относящиеся к аффиксальным морфемам и их сочетаниям с корневой морфемой. Что же касается ущербных корневых морфем, т.е. морфем, состоящих из ГС или СГ, а также из более сложных корней типа ГСГ, ГСС, СГСС и проч., то они, составляя в лексике тюркских языков чрезвычайно незначительный процент по сравнению с корневыми морфемами типа СГС, представляют собой результат длительного фонетического развития — либо редукции одного из консонантных элементов, либо фузии и наращения аффиксальных морфем.

В большинстве современных тюркских языков корневые морфемы в исконной лексике характеризуются довольно ограниченным набором согласных и восемью основными гласными фонемами — четырьмя нижнего подъема — а, е, о, ö (или а, і, u, ü) и четырьмя верхнего подъема — у, і, ı, ü (в некоторых языках и долгие гласные), а аффиксальные морфемы — той же системой согласных и только двумя основными гласными фонемами — а (нижнего подъема) и у (верхнего подъема) с соответствующими вариантами, зависящими от сингармонизма.

Специфика фонологической структуры тюркской корневой морфемы заключается в том, что она во всех существующих тюркских языках сингармонистична не только по палатальной и лабиальной аттракции, но и по подъему, т.е. каждая первичная корневая морфема, состоящая из СГС, представлена сочетанием либо верхнего, либо нижнего подъема гласных и согласных, которые, в свою очередь, характеризуются либо палатальной или лабиальной аттракцией, либо той и другой одновременно.

Тотальный сингармонизм корневой морфемы и многообразная, в связи с этим, тембровая окраска согласных по подъему, палатализации и лабиализации не способствовали на первых порах развитию в тюркских языках консонантизма по другим дифференциальным признакам, кото-

рый до массового заимствования иноязычных слов, как это свидетельствует современный алтайский язык, состоял из двух передних фонем — шумного [p (b ~ b ~ v/f ~ w)] и сонорного [m], трех задних фонем — двух шумных [k (g ~ q/γ ~ x)] и [γ] и одной сонорной [n] и девяти средних фонем — пяти шумных [t (~ d)], [s (~ z)], [š (~ ž)], [č (~ dž)], [dj (~ tj)] и четырех сонорных [j], [r], [l], [n].

По структуре тюркского слова, представляющего собой последовательный ряд, изоморфный структуре словосочетания и состоящий из корневой морфемы и морфем аффиксальных, исторически грамматикализовавшихся таких же корневых морфем, можно предположить, что тюркские языки ранее имели характер изолирующих языков. Такое предположение подкрепляется и фонологическим типом корневой морфемы (resp. самостоятельного слова), которая представляла собой своеобразную морфофону, так как все дифференциальные признаки, характеризующие тембровую окраску составляющих ее консонантных элементов, являются общими для всей корневой морфемы и, следовательно, могут быть как бы вынесены за скобку, т.е. графически, например, выражены знаками ^ — для подъема, ' — для палатализации и ° — для лабиализации, стоящими впереди корневой морфемы или слова. Такой тип языка мог бы быть отнесен к так называемым моновокалическим языкам, в возможности существования которых сомневался Н.С. Трубецкой (1960, с. 107), так как в этом случае вокалический элемент имел бы только функцию слогораздела. Именно такой моновокалический тип фонологической структуры слова был характерен для древнего строя тюркских языков, близкого или совпадающего с типом изолирующих языков, когда грамматические отношения были выражены не агглютинирующими аффиксами, а сочетаниями пока не грамматикализовавшихся или слабо грамматикализовавшихся морфем в виде самостоятельных морфофонов типа:

tik (=tyk) ²	'сунь'	^tik (=tak)	'прицепи'
'tik (=tik)	'шей'	'^tik (=tek)	'порода'
°tik (=tuk)	'запруда'	°^tik (=tok)	'сытый'
°'tik (=tük)	'шерсть'	°o^tik (=tök)	'просыпь'

Н.С. Трубецкой писал, что "языков с одной единственной гласной фонемой, видимо, нет. Если бы такой "моновокалический" язык существовал, то в нем наблюдались бы многочисленные скопления согласных: ведь только при этом условии и могла бы существовать одна единственная гласная, противопоставляясь отсутствию гласного ("вокалическому нулю") между согласными консонантной группы или же в исходе слова" (Трубецкой, 1960, с. 107).

Как видно из этого высказывания, Н.С. Трубецкой не учитывал возможностей моновокалического языка, заключающихся в распространении основных дифференциальных признаков отдельных фонем на всю корневую

² В скобках даны соответствия с гласными современного казахского языка, которые в древних морфофонах имели другой характер.

морфему и образовании, таким образом, морфофонемы, но он прав в том отношении, что при подобном моновокалическом языке согласные имели бы большее количество аллофонов фонем, характеризующихся различными тембровыми оттенками.

Возможно, что в подобном, предшествующем современным тюркским агглютинативным языкам, изолирующем строе, характеризующемся моновокалическим характером структуры слова, дифференциальные признаки подъема, палатализации и лабиализации реализовались различными тонами, характерными для некоторых современных языков Юго-Восточной Азии. Для изолирующего же строя языков характерна, например, синкретичность корневой морфемы, имеющей близкое по смыслу именное и глагольное значение, явление сохранившееся для некоторых слов и в современных тюркских языках, например: каракалпакск. $\ddot{y}j$ 'дом' и $\ddot{y}j$ - 'собирать в кучу', sal 'плот' и sal - 'класть, положить', art 'спина' и art - 'навьючить' и проч. (Баскаков, 1952, с. 312). Этим же, близким к изолирующему, строем тюркских языков в их древнем состоянии можно объяснить и наличие фиксированного ударения первоначально на первом слоге слова, т.е. на корневой морфеме, которое в этой позиции сохранилось в современных монгольских языках. И только позже, в агглютинативном строе, в слове, изоморфном словосочетанию, ударение перешло на последний слог, соответствующий определяемому в системе морфосинтаксиса, как на элемент, содержащий опорное, определяемое значение. Наконец, характером изолирующего строя языка обусловлен в подобных языках и 'иероглифический способ визуального выражения, т.е. способ письменности, который сохранился и для некоторых современных языков.

В процессе морфологического развития и грамматикализации определяемых морфем и их фонетической редукции и фузии с определяющими корневыми морфемами, т.е. образованием сложных слов, состоящих уже не из изолированных морфофонем, а из сочетаний одной корневой морфемы с грамматикализовавшимися и превратившимися в аффиксы морфемами, появился уже другой, близкий к современным, фонологический тип, характеризующийся наличием двух гласных фонем, различающихся по подъему: а, у. Любопытно, что во многих современных тюркских языках до сих пор сохранились для аффиксальных морфем только две фонемы [a(o, e, ö)] и [y(i, u, ü)], так как их варианты о, е, ö для а и i, у, ü для у не имеют фонематического значения благодаря сингармонизму слова в целом. Что же касается гласных фонем корневых морфем, то они по существу сводятся также к двум фонемам, так как дифференциальные признаки палатализации и лабиализации, например для современного алтайского языка, относятся не только к корневой морфеме, но и ко всему слову. Это свойство было в свое время использовано казахскими учеными, которые предлагали графически выражать палатализацию всего слова так называемой графемой "dajaqşy" (букв. "палочка") в препозиции по отношению к слову, например: $takty$ (=taqty) 'он прицепил' и $'takty$ (=tekti) 'породистый:', $tykty$ (=tyqty) 'он сунул' и $'tykty$ (=tikti) 'он сшил'.

В качестве условного знака для обозначения лабиальной аттракции слова мог бы быть использован знак "dumalaqşy" (букв. "шарик"), напри-

мер: ^otakty (=toqtu) 'ягненок' и ^otakty (=töktü) 'он просыпал', ^otykty (=tuqtu) 'запруду' и ^otykty (=tükty) 'с шерстью'.

Классический агглютинативный фонологический тип тюркских языков характеризуется наличием уже восьми гласных фонем: четырех полного образования — а, е, о, ö (а, і, u, ü) и четырех неполного образования — у, і, ы, ü, а также от 7 до 9 анлаутных и от 11 до 13 ауслатных согласных.

Следует отметить, что характер типов типологической структуры тюркских языков усложняется еще различным составом гласных фонем полного образования. В одних языках они представлены широкими гласными — (а) е, о, ö, например в казахском языке, а в других узкими — у, і, ы, ü, например в татарском языке.

Известное положение о том, что центральные языки являются зоной инноваций, а маргинальные языки — зоной консервации (Макаев, 1964), ярко подтверждается в отношении тюркских языков. Характерно, что крайне западные и крайне восточные тюркские языки, а именно языки Поволжья (чувацкий, татарский, башкирский), с одной стороны, и тюркские языки Восточной Сибири (хакасский, северные диалекты алтайского языка и языки древнетюркских рунических памятников: древнеогузский, древнеуйгурский и древнекиргизский) — с другой, имеют некоторые объединяющие их существенные черты общего, но поляризованного ареала, отличающегося прежде всего своеобразием подсистем вокализма и некоторыми специфическими особенностями консонантизма, образуя отличный от других тюркских языков фонологический тип, характеризующийся наличием узких гласных полного образования — і, u, ü (в полном объеме или частично) вместо широких е, о, ö (а в некоторых диалектах и у вместо а) и четырех узких гласных неполного образования — у, і, ы, ü.

Углубленные исследования природы фонологической структуры тюркских языков показывают, что вокализм с узкими гласными полного образования (і, u, ü), например татарского и башкирского языков, является результатом параллельного развития с вокализмом с системой широких гласных (е, о, ö). Наличие двух систем вокализма в тюркских языках составляет особо сложную проблему, имеющую, правда, несколько решений, из которых наиболее интересной является гипотеза японского филолога Широ Хаттори (Hattori, 1977).

6

Итак, мы ретроспективно, на основании фонетических закономерностей, заложенных в структуре современных тюркских языков, установили три основных типа фонологической структуры тюркских языков, исторически предшествующих современным тюркским языкам, которые имеют уже множество различных типов и моделей, сформировавшихся в результате как имманентного их развития, так и благодаря воздействию различных субстратных и адстратных языков.

Первый тип — моновокалический, характерный для самого древнего состояния тюркских языков, когда они имели изолирующий строй и сохраняли трехзвучную основу корневой морфемы, состоящей из одной морфофонемы — одного гласного и двух согласных элементов — СГС, в которой гласный элемент выполнял только одну функцию — слогаобра-

зование; смысловоразличительные же функции несли согласные элементы, состав которых был ограничен и каждый из согласных элементов имел восемь модификаций, определяющихся дифференциальными признаками: 1) тембром (подъемом), 2) лабиализацией, 3) палатализацией. Состав гласных элементов для данного фонологического типа определяется, таким образом, наличием одного элемента, имеющего функцию слогоделения [1(a/e ~ y/i ~ o/ö ~ u/ü)].

Состав согласных для первого наиболее древнего фонологического типа тюркских языков характеризовался наличием следующих согласных, из которых каждая фонема имела восемь модификаций.

В начале: передние [p(~b ~ m ~ w)]⁸; средние [t(~d)]⁸, [j(~dj/tj ~ nj/rj ~ dʒ/č ~ ž/š ~ z/s ~ dz/c ~ s')]⁸, [č(~š ~ s)]⁸, s[(~θ/δ ~ φ)]⁸; задние [k(~g ~ ġ ~ q ~ x ~ h ~ γ)]⁸.

В конце: передние [p(~b ~ m ~ w)]⁸, [m]⁸; средние [t(~d)]⁸, [j(~d/t ~ θ/δ ~ s/z ~ r)]⁸, [č(~š ~ s)]⁸, [š(~l)]⁸, [s(~z ~ θ/δ)]⁸, [r]⁸, [l]⁸, [n]⁸; задние [k(~g ~ ġ ~ q ~ x ~ γ ~ h)]⁸, [ŋ]⁸.

Второй тип — более поздний, характеризуется дальнейшими процессами морфологического развития и, в частности, грамматикализацией определяемых корневых морфем в сложных сочетаниях с их фонетической редукцией и фузией, т.е. образованием сложных слов. Вокализм этого типа состоял из двух основных гласных фонем, различающихся по тембру (подъему); другие же дифференциальные признаки — лабиализация и палатализация — согласно законам сингармонизма относятся ко всему слову. Наличие двух гласных фонем [a] и [y] по существу сохранилось до настоящего времени во многих современных тюркских языках для аффиксальных морфем, которые в силу сингармонизма слова реализуются в виде [a] (с аллофонами e, o, ö) и [y] (с аллофонами i, u, ü).

Согласные элементы морфем имеют уже не восемь, а четыре модификации, различаясь по дифференциальным признакам только 1) лабиализации и 2) палатализации.

Состав гласных данного фонологического типа определяется наличием двух фонем: [a(~e ~ o ~ ö)] и [y(~i ~ u ~ ü)].

Состав же согласных второго фонологического типа характеризуется наличием следующих основных фонем, имеющих по четыре модификации.

В начале: передние [p(~b ~ m ~ w)]⁴, [m]⁴; средние [t(~d)]⁴, [j(~dj/tj ~ nj/rj ~ dʒ/č ~ ž/š ~ z/s ~ s' ~ 0)]⁴, [č(~š ~ s)]⁴, [s]⁴, [n]⁴; задние [k(~g ~ ġ ~ q ~ x ~ γ)]⁴, [h(~0)]⁴.

В конце: передние [p(~b ~ m ~ w)]⁴, [m]⁴; средние [t(~d)]⁴, [j(~d/t ~ θ/δ ~ s/z ~ r)]⁴, [č(~š ~ s)]⁴, [š(~l)]⁴, [s(~z ~ θ/δ)]⁴, [r]⁴, [l]⁴, [n]⁴, [z]⁴; задние [k(~g ~ ġ ~ q ~ x ~ γ)]⁴, [γ]⁴, [ŋ]⁴.

Наконец, третий тип фонологической структуры тюркских языков, характеризующийся наличием уже восьми гласных фонем и более развитым консонатизмом, реализуется, с различными отклонениями и инновациями, вызванными как имманентным, внутренним развитием тюркских языков, так и воздействием соответствующих адстратных и субстратных факторов, в современных тюркских языках в виде разнообразных, но имеющих одну основу, фонологических моделей: огузской, карлукской, кыпчакской и др. с соответствующими модификациями.

Имея в своем составе восемь дифференцированных гласных, этот фонологический тип характеризует уже переходом всех дифференциальных признаков, тембра, лабиализации и палатализации с согласных на гласные и, таким образом, полной дифференциацией всех признаков как в отношении гласных, так и в отношении согласных.

Состав гласных фонем для данного фонологического типа определяется наличием симметрично противопоставляющихся восьми гласных — а, е, о, ö, у, и, u, ü или в других языках — соответственно у, i, u, ü, y, i, u, ü; состав согласных представлен следующими дифференцированными фонемами.

В начале: передние [p (~ b ~ m ~ w)], [m (~ b)], [w (~ 0)]; средние [t (~ d)], [j (~ dj/tj ~ nj/tj ~ dʒ/č ~ ʒ/š ~ dz/c ~ z/s ~ s' ~ 0)], [č (~ š ~ s)], [ʃ (~ l)], [s (~ z ~ δ)]; задние [k (~ g ~ ğ ~ q ~ x ~ γ)], [h (~ 0)].

В конце: передние [p (~ b ~ m ~ w)], [m]; средние [t (~ d ~ j ~ s/z ~ ~ r)], [č (~ š ~ s)], [ʃ (~ l)]; [s (~ z ~ r)], [r], [l], [n]; задние [k (~ g ~ ğ ~ x ~ q ~ γ)], [ŋ].

Последний, третий, исторически развившийся фонологический тип тюркских языков сохранил некоторые свои черты в более поздних и даже в ряде современных тюркских языков, в которых в процессе их развития возникли и свои особенности. Так, некоторые тюркские языки, заимствуя персидскую, арабскую и русскую лексику, освоили для коренных и заимствованных слов, как в анлауте, так и в ауслауте, следующие дифференцированные фонемы: 1) передние [p], [b], [v], [w], [f], [m]; 2) средние [t], [d], [č], [dʒ], [š], [ž], [s], [z], [c], [j], [r], [n], [l]; 3) задние [k], [g], [q], [ɣ], [x], [h], [ŋ].

Если в отношении консонантизма современные тюркские языки в большей степени сохранили свое единство, то в отношении вокализма их можно разделить на две основные группы, которые, в свою очередь, в зависимости от вхождения их носителей в те или иные бывшие племенные союзы, имеют свои подразделения.

Первую группу составляют языки, характеризующиеся наличием системы вокализма, состоящего из восьми основных фонем: четырех узких гласных неполного образования — у, i, u, ü и четырех широких гласных полного образования — а, е, о, ö с некоторыми отклонениями и инновациями, вызванными влиянием соседних родственных и неродственных языков. К этой группе относятся, как уже отмечалось выше, центральные тюркские языки, а именно языки огузо-карлукско-кыпчакские, позже дифференцировавшиеся на соответствующие подразделения.

1. Огузские языки: а) некоторые языки, сохранившие восьмиричную систему вокализма и специфический для огузских языков консонантизм, например турецкий язык; б) языки, имеющие основную восьмиричную систему плюс фонема ä и соответствующие восемь первичных долгих гласных как пережитки древних стяжений комплексов ГСГ, например туркменский язык, и в) некоторые языки с основной восьмиричной системой плюс гласный [ä], например азербайджанский язык. Все огузские языки, кроме того, имеют соответствующие вторичные позиционные долгие гласные и характерный для них консонантизм.

2. Кыпчакские языки: а) группа языков с основной восьмиричной сис-

темой вокализма, например языки кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, караимский с некоторыми особенностями отдельных диалектов; б) группа языков, имеющих основную восьмиричную систему вокализма плюс гласный [á], функционирующий главным образом в заимствованных словах, например языки ногайский, казахский, каракалпакский, а также с некоторыми отклонениями в диалектах; в) группа языков с тем же основным восьмиричным вокализмом плюс соответствующие вторичные долгие гласные, например киргизский и алтайский языки.

3. Карлукские языки: а) сохранившие восьмиричную систему гласных плюс [á] с конвергенцией узких гласных [y] и [i] и характерным умлаутом и некоторыми другими особенностями, например новоуйгурский язык и умлаутные диалекты узбекского языка, и б) узбекский язык, имеющий по диалектам различные системы вокализма — от девяти до шести гласных фонем, — сформировавшиеся под влиянием соседних адстратных языков и внутренних закономерностей этого языка, возникших в процессе его формирования.

4. Уйгуро-огузские (сибирские) языки: а) сохранившие восьмиричную систему вокализма, но усложненную соответствующими восемью долгими и восемью фарингализованными фонемами, например тувинский язык; б) языки с восьмиричным вокализмом плюс восемь долгих гласных и четыре дифтонгоидных сочетаний, например якутский язык.

Вторая группа тюркских языков, характеризующаяся наличием системы вокализма, исторически состоящего из восьми основных гласных фонем, которые, однако, являются иного характера — четырех узких гласных неполного образования: $y, i, u, \ddot{u}$, общих с теми же узкими гласными для первой группы, и четыре узких гласных полного образования: $y, i, u, \ddot{u}$ вместо широких гласных $a, e, o, \ddot{o}$ первой группы. Таким образом, если первая группа тюркских языков характеризуется наличием основных гласных $y, i, u, \ddot{u} + a, e, o, \ddot{o}$, то вокализм второй группы состоит из $y, i, u, \ddot{u} + y, i, u, \ddot{u}$.

Ко второй группе, как уже отмечалось, относятся маргинальные языки, а именно языки булгаро-огузские, дифференцировавшиеся на следующие подразделения.

1. Булгарские языки, сохранившие восьмиричный вокализм, состоящий из восьми узких гласных, из которых четыре неполного образования — $y, i, u, \ddot{u}$ и четыре полного образования — $y, i, u, \ddot{u} + [\acute{a}]$ и $[e]$, например древний булгарский и чувашский, сохранивший эту систему в низовом диалекте ($\acute{a}, \acute{e}, \acute{a}^0, \acute{e}^0, y, i, u, \ddot{u}, a, e$).

2. Кыпчакско-булгарские языки, например: а) татарский, сохранивший также восьмиричную систему узких гласных — $y, i, u, \ddot{u}, y, i, u, \ddot{u} + [a]$ и $[\acute{a}]$; б) башкирский, имеющий также восемь узких гласных — $y, i, u, \ddot{u}, y, i, u, \ddot{u}$ и два широких — $[a]$ и $[\acute{a}]$.

3. Уйгуро-огузские языки, сохранившие элементы вокализма первой группы, т.е. широкие гласные полного образования и некоторые особенности вокализма второй группы, например: а) язык орхого-енисейских памятников, в котором отсутствует четкая дифференциация гласных фонем $e \sim i, o \sim u, \acute{o} \sim \ddot{u}$ и парных согласных по палатному ряду, и б) хакасский

язык и северные диалекты алтайского языка, а также некоторые другие сибирские диалекты, где сохранился вокализм, состоящий из восьми гласных фонем — у, і, ы, ъ, у, і, ы, ъ, т.е. четырех узких полного образования и четырех узких неполного образования, плюс широкие гласные [а], [е] и вторичные долгие гласные.

Каждая из указанных общих групп и подгрупп представлена частными модификациями фонологической структуры конкретных тюркских языков, причем для каждой группы, подгруппы и каждого конкретного тюркского языка установлены комплексные, связанные полиизоглоссы, в которых дана система признаков вокализма и консонантизма, по которым определяется отношение языков (sic!), диалектов и говоров к той или иной группе или к тому или иному языку.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА КОРНЕВОЙ МОРФЕМЫ

Основные акты человеческого мышления и отражения их в языке в трех основных функциях — номинации (установление понятий), атрибуции (дифференциация понятий) и предикации (интеграция понятий по динамическому признаку) — реализуются в языке в виде трех основных единиц языка: слова, словосочетания и предложения.

Каждая из этих единиц языка характеризуется своей автономностью и определенными границами, которые для каждой из них определяются специфической лексико-грамматической, фонематической и фонетической организацией своего внутреннего строения. Если словосочетание и предложение имеют свои специфические признаки, определяющие их автономность и границы, то слово как единица выражения номинации, т.е. функции иной чем предложение и словосочетание, с которыми не следует смешивать сложное слова, имеет свои особенности строения и критерии определения автономности своих границ.

Слово как единица языка — условное понятие. Если в агглютинативных или флективных языках простое слово представляет собой синтетическое, цельнооформленное сочетание корневой морфемы и аффиксов словообразования и словоизменения, выражающих единство лексического и грамматического его значения, то в изолирующих языках слово может состоять из нескольких как бы самостоятельных слоговых компонентов — морфем, имеющих самостоятельное реальное значение, но образующих вместе с тем также единое смысловое значение; при этом один из компонентов является носителем лексического значения, а другие — грамматического значения. Агглютинативные языки по своей структуре отчасти соотнесены с изолирующими языками в том смысле, что морфемы, составляющие синтетическое слово, например тюркское, также неоднородны по своему значению, одни из них выражают лексическое значение, лексические отношения, т.е. реализуют лексическое значение (корневая морфема и аффиксы лексико-семантического словообразования), другие — логические отношения (аффиксы функциональ-грамматического словообразования) и третьи — чисто грамматические (аффиксы словоизменения).

Структура современного тюркского слова и его корневой морфемы позволяет также предположить, что языки тюркского типа имели в древности, по-видимому, аналитический, изолирующий характер грамматического строя, где порядок слов и место определяемых и определяющих слов были строго фиксированы. В тесной зависимости от фонологической структуры слова стоит и проблема ударения в тюркских языках. На более ранних этапах развития тюркских языков, когда в большей степени был выражен аналитический, изолирующий строй языка, ударение было на первом слоге (на

первой корневой морфеме). Позже, с развитием агглютинативного строя, с редукцией знаменательного значения постпозиционных элементов и превращением их в аффиксальные морфемы, а также с потерей фонетической окраски из вокализма, ударение перешло на последующих слог. В современных языках большинство слов и словообразовательных и словоизменительных их моделей имеет фиксированное, сильное ударение на последнем слоге.

Современные тюркские языки представляют собой уже образец языков с наиболее выраженной агглютинацией, т.е. с образованием подавляющего количества грамматических форм посредством аффиксации — присоединения к корневой морфеме, фонологически не изменяемой, различного рода, также фонологически не изменяемых, но фонетически варьирующихся, аффиксов с закрепленными за ними грамматическими значениями.

Первичные и вторичные корневые морфемы в зависимости от смыслового значения слова разделяются на три группы: 1) корневые морфемы, выражающие название предмета или статического признака; 2) корневые морфемы, выражающие глагол, т.е. обозначающие действие — динамический признак, и 3) корневые морфемы со служебным значением, выражающие грамматическое отношение слов в составе предложения и словосочетания. Первые две группы корней, т.е. корни-имена и корни-глаголы, имеют особые, отличные друг от друга системы аффиксов словообразования. Третья группа, корни — служебные слова, не имеет своей системы образования.

Все аффиксы словообразования разделяются на две большие группы: 1) аффиксы лексико-грамматического словообразования, которые конкретизируют главным образом лексическое значение слова, но вместе с тем и относят данное слово к той или иной лексико-грамматической категории частей речи и 2) аффиксы функционально-грамматического словообразования, которые определяют функциональное назначение данного слова в составе словосочетания или предложения, не изменяя лексического значения самого слова.

Ближе к корню слова находятся аффиксы первой группы, за ними следуют аффиксы второй группы. В зависимости от принадлежности слова к корням-именам или к корням-глаголам все аффиксы той или другой группы могут быть либо аффиксами, присоединяющимися только к именным корням, либо аффиксами, присоединяющимися только к глагольным корням.

Первая группа аффиксов, т.е. аффиксы лексико-грамматического словообразования, как для имен, так и для глаголов по своему аспекту лексической конкретизации смыслового содержания слова имеет два типа: 1) аффиксы конвертирующие, относящие новую основу слова в разряд другой части речи, т.е. преобразующие либо именную корень в глагольную основу, либо глагольный корень в именную основу, и 2) аффиксы, модифицирующие смысловое лексическое значение слова без преобразования его в другую часть речи, т.е. конкретизирующие либо глагольный корень или основу без конверсии — преобразования его или основы в имя, либо именную корень или основу без преобразования их в глагол.

Вторую большую группу составляют аффиксы функционально-грамматического словообразования как для именных, так и для глагольных ос-

нов; эти аффиксы служат средством образования трех функциональных форм: 1) субстантивных, 2) атрибутивно-определятельных и 3) атрибутивно-обстоятельственных. Для глаголов — это аффиксы, образующие формы масдаров, причастий и деепричастий, а для имени — аффиксы, образующие формы существительных, прилагательных и наречий.

В зависимости от внутренних закономерностей и внешних экстралингвистических факторов в развитии конкретных языков, сочетания корневой и аффиксальных морфем лексического и функционального словообразования было сопряжено с различными фонетическими закономерностями, определяющими тот или иной вариант фонем, составляющих каждую морфему. Закономерности эти выражены процессами прогрессивной и регрессивной ассимиляции, диссимиляции, а также умлаутом, протезой, эпентезой, элизией гласных и согласных, синкопой, апокопой и проч.

Особое место и положение в системе агглютинации в тюркских языках занимают аффиксы словоизменения, которые оформляют основные грамматические категории и связи слов в словосочетании и предложении, а именно: 1) категорию числа, которая вместе с категорией лица выражает отношение субъекта и предиката в составе предложения; 2) категорию принадлежности, которая выражает отношения определения и определяемого в определятельных словосочетаниях и имеет шесть лично-притяжательных форм — три формы единственного и три формы множественного числа; 3) категорию падежей, которая выражает отношения объекта и предиката и представлена в большинстве тюркских языков в виде шести основных падежей: основного, родительского, винительного, направительно-дательного, местного и исходного; 4) категорию лица, которая выражает отношения субъекта и предиката в предложении и представлена в тюркских языках шестью личными формами, также тремя единственного и тремя множественного числа.

Фонологические и фонетические процессы и закономерности, характеризующие границы присоединения аффиксов словообразования и словоизменения, варьируют по конкретным языкам от полного сохранения фонетической структуры основы слова и соответствующего аффикса до их многообразных изменений.

Как основные единицы синтаксиса — словосочетание и предложение, так и каждое слово характеризуются автономностью своей организации, своего внутреннего строения. Автономность слова, его границы и границы соединения его с другими словами определяются самим характером структуры тюркских языков. Границы слова определяются лексическим значением, выраженным корнем слова, содержащим понятие статического или динамического предмета или признака и находящимся, за очень редким исключением, в начальной позиции слова по отношению к его формальной, аффиксальной части, а также сингармонистическим строением слова, по которому оно состоит либо из заднеязычных гласных и согласных, либо из переднеязычных, и фиксированным ударением на последнем слоге. Сама позиция корня по отношению к аффиксальной части определяет как начало слова, так и его конец по его отношению к другим словам в потоке речи. Эта четкость выделения слова в потоке речи и установления его границ определяется еще и тем, что в тюркских языках отсутствуют, как правило, префиксальные элементы слова.

Итак, автономность и границы слова в тюркских языках определяются следующими основными признаками: а) четкой морфологической структурой, состоящей из корня, аффиксов лексико-грамматических (конвертирующих и модифицирующих), аффиксов функционального словообразования, образующих субстантивные и атрибутивные формы, и аффиксов словоизменения (числа, принадлежности, падежей и лица); б) сингармонистическим строением слова, состоящего либо из заднерядных, либо из переднерядных гласных и согласных, и в) фиксированным, главным образом на последнем слоге, ударением.

Вместе с тем слово как самостоятельная единица в зависимости от своей функции в лексике данного языка, т.е. в соотношении с другими словами-понятиями, или в предложении, т.е. в отношении с другими членами данной конструкции, имеет различные границы своего строения. Если в составе словосочетания или предложения слово включает все структурные части слова — корень, все аффиксы словообразования и все аффиксы словоизменения, то слово в лексическом составе данного языка определяется теми же структурными частями слова минус аффиксы-морфемы функционального словообразования и аффиксы словоизменения (числа, принадлежности, падежей и лица), указывающие на роль слова в предложении и словосочетании. В этом случае слова замыкаются аффиксами лексико-грамматического словообразования, т.е. теми структурными элементами слова, которые определяют смысловое, лексическое его значение.

Фонематическая же структура корневой морфемы характеризуется односложностью и трехзвучием. Статистика показывает, что подавляющее количество корней в тюркских языках состоит из закрытого слога, состоящего из начального согласного, среднего гласного и конечного согласного (СГС). Эта структура корня является типичной для тюркских языков, хотя в них существуют и другие типы корней: Г, СГ, ГС, ГСС, СГСС.

Процесс усложнения корня слова словообразовательными и словоизменительными аффиксами и, соответственно, усложнением его фонологического состава представляется в виде непрерывной цепи соединяющихся между собой морфем, исторически имевших значение самостоятельных корневых морфем с различной степенью фонетической редукции и выпадения отдельных их элементов, т.е. по следующей схеме: СГС + СГС + (С)ГС + + СГ(С) + (С)Г(С) + ... (ср.: Будилович, 1877).

КОРНИ ТИПА СГС

Развитие фонологической и фонетической структуры корневой морфемы было связано с закономерностями, определяющими состав и характер фонем анлаута и ауслаута. Первоначальное сочетание различных по ряду корневых и постпозиционных, постепенно грамматикализовавшихся, морфем выравнивались по ряду первой корневой морфемы, как в отношении палатального так и в отношении лабиального сингармонизма.

Состав консонантизма анлаута в первые периоды развития тюркских языков был ограничен (с некоторыми исключениями для конкретных языков). В анлауте и ауслауте из сочетаний некоторых слабых согласных и гласных образовались долгие гласные. Для этих позиций слова были характерны глухие согласные и только позже с развитием агглютинативной

структуры слова, а также под влиянием экстралингвистических факторов для различения значений слов появились некоторые звонкие шумные согласные и сонорные.

В настоящее время фонологическая и фонетическая структуры корневой морфемы слова характеризуются следующими закономерностями: 1) восьмиричной (с вариантами для некоторых языков) системой вокализма корневой морфемы и двухвариантной (также с отдельными исключениями) вокальной основой аффиксальных морфем; 2) подчинением аффиксальных морфем вокализму корневой морфемы в отношении палатального и лабиального сингармонизма; 3) ударением, фиксированным на последнем слоге, определяющем границу слова; 4) наличием определенного состава согласных фонем для анлаута и ауслauta корневой морфемы; 5) образованием долгих гласных из сочетаний слабых согласных и гласных и долгих согласных геминат на границах морфем; 6) наличием на границах морфем сложного слова (сандхи) позиционных соответствий для некоторых согласных; 7) развитием под влиянием внутренних и внешних факторов прогрессивной и регрессивной ассимиляции, умлаута, диссимилиации, протезы, эпентезы и других явлений.

Выше были определены только границы слова и его внутреннее строение в современных тюркских языках как одной из основных единиц языка относительно к истории формирования его фонологической структуры. Задачей дальнейшего исследования является анализ процессов развития основных типов фонологической системы тюркских языков и установление основных древних исторически сложившихся и современных фонологических моделей конкретных тюркских языков.

Как уже отмечалось выше, фонологическая структура тюркского слова всецело определяется закономерностями, формирующими корневую морфему как основную структурную часть тюркского слова, воздействующую, в свою очередь, на формирование последующих аффиксальных морфем, тем более, что исторически современное тюркское слово и состояло на более ранних этапах своего развития из сочетания определенной группы значимых корневых морфем, в котором основное лексическое значение сохранялось за первой морфемой, последующие же морфемы, фонетически редуцируясь, получали отвлеченное лексическое и грамматическое значение.

Следовательно, все фонетические и фонологические процессы, а также и закономерности, определяющие фонологическую структуру тюркского слова, тесно и неразрывно связаны со структурным составом корневой морфемы слова, прежде всего с ее строением и отношением к другим структурным частям слова. Все закономерности, связанные с формированием корневой морфемы *mutatis mutandis*, определяют и закономерности фонетического развития всего тюркского слова, которое исторически представляло собой цепь корневых морфем с однообразной структурой, состоящей из морфем типа СГС, позднейшими дериватами которых были типы С(СГ), СГ(С) и (С)Г(С).

Гипотеза о типичности структуры тюркского корня как состоящего из СГС опирается на то, что все корни типа СГ(С) в большинстве словообразовательных моделей имеют в языках, сохранивших долготу гласных, долгий гласный, что свидетельствует о том, что эта долгота является рефлексом компенсации конечного согласного (Баскаков, 1979).

Наиболее часто этими конечными согласными являются звуки, способствующие образованию компенсирующих долгих гласных, которые выступают в некоторых языках свидетельствами подобных стяжений. К подобным согласным относятся: 1) γ/g и дериваты от них w, j и 2) $d/t, z/s, \delta/\theta$ и дериваты от них j, r и проч.

О типичности первоначальной структуры корневой морфемы как состоящей из элементов СГС свидетельствуют и статистические данные. Ср. состав корневых морфем древнетюркских языков по данным "Древнетюркского словаря":

СГС 76,3%	(С)ГСС 2,0%
(С)ГС 15,1%	СГ(С) 2,5%
СГСС 3,6%	(С)Г(С) 0,5%

Те же почти соотношения характерны и для других тюркских и алтайских языков, например для казахского (Хасенова, 1960):

СГС 78,1%	СГСС 1,3%
(С)ГС 17,0%	СГ(С) 1,8%
СГСС 1,8%	(С)Г(С) 0,4%

В чувашском корни типа СГС составляют 94%, в корейском — 77% (Баскаков, 1979).

Вместе с тем структура корня СГС тюркских языках не была постоянной и неизменяемой. Большинство современных корневых морфем в конкретных тюркских языках представляет собой, как мы видели, результат фонетического развития первоначально имеющих иную фонологическую и лексико-семантическую структуру корней. Эта изменчивость структуры корня заключалась либо в фонетической редукции и выпадении начального (С)ГС или конечного СГ(С) согласного, а также изменении гласного, либо в изменении семантики, либо в обрастании корня аффиксами словообразования, слившихся с ними, или образовании новых корней из сочетаний слов и морфологическом переразложении слова, когда начальный элемент корневой морфемы остался первичным, а конечные элементы вновь образовавшейся корневой морфемы стали путем фузии вторичными. Ср., например, современные корневые морфемы: *qur-* 'сушить', которая произошла из *quw + ur-* с первоначальной корневой морфемой *quw- < quγ- ~ qub-; utan-* 'стыдиться' < *uwtan-* (ДТС, 619), ср. *ubut ~ uvut* 'стыд' (ДТС, 603, 619) < **uγ- ~ ub-> uv- ~ uw-; ušaγ* 'мелкий' (ДТС, 617) < *uvšaγ ~ uwšaγ* 'мелкий' < *uγ- ~ ub-> uv- ~ uw-* 'измельчать' (ДТС, 619); *čun-* 'мыться' (ДТС, 156) < *čuy- ~ čuw-un- ~ juw-un-* 'мыться, умываться' — возвр. залог от *juγ > juw-* 'мыть' (НРС, 444); *toq < toj-uγ* 'сытый' (ДТС, 576) < *toj- ~ tod- ~ toδ- ~ toz- ~ tos-* 'насыщаться' + *-uγ* — аффикс результата действия > *toj-uγ > toq* 'сытый'; *jük* 'поклажа' (ДТС, 285) < *jüd- ~ jüδ- ~ jüt- ~ (jüj-)* (ДТС, 283) 'навьючивать, нагружать' + *ük-* — аффикс результата действия > *jüjük > jüük > jük* 'поклажа'; *sik* 'моча' (ДТС, 499) < *sid- ~ siδ- ~ sit- ~ sij-* 'мочиться' + *-ik* — аффикс результата действия > *sijik > sik* 'моча', ср. *süd-ük, siδ-ük* 'моча' (ДТС, 516, 499); глагол *bür-* 'морщить, стягивать с образованием складок' < *bük-* 'сгибаться' ~ 'сгибать' + *-ür* — аффикс понуд. залога > *bük-ür- ~ büg-ür- ~ büj-ür- ~ büw-ür- > büür- > бүр-* 'заставить сгибать, заставить

сгибаться > морщить, делать складки', т.е. первичным корнем глагола бүр- был глагол бүк- ~ бүг- 'сгибать, гнуть'; каз. көк < туркм. gō:k < чув. кувак 'зеленый, синий, серый' с первоначальной корневой морфемой quṭ ~ quḅ ~ quw 'белый, сизый, бледный (о лице), желтый (о траве)' ~ quḅa 'бурый, бледный', ср. туркм. quḅa, ног. quḅa 'бурый' > рус. кубовый; сүр- < др.-тюрк. t(a)š-yq- 'выходить, выступать, отправляться в поход' (ДТС, 540), ср. таš- 'переваливаться через край, выходить из берегов' (ДТС, 540); qoṇ 'овца' (ДТС, 455) из qoṭ-yṇ > qoṭ (ДТС, 453) > qoṇ > qoṭ (-yṇ); qoṇ 'лоно, грудь' < qoṭ-yṇ ~ qoṭ-yṇ 'лоно, грудь, объятия, пазуха' ~ qoṇ qoṭ (-yṇ) 'пазуха, дно долины' (ДТС, 453, 454), ср. як. хооҕ ~ хооп ~ хоппох 'пазуха'; или образовавшимися от единого корня: qoḍ- ~ qoḍ- ~ qoṭ- 'класть, помещать, оставлять'; корни: qoṣ- [$\text{qo (d-y) ṣ-} \sim \text{qo (j-y) ṣ-}$] 'соединять, присоединять, добавлять' (= 'класть, помещать вместе'); qoṇ- [$\text{qo (d-y) n-} \sim \text{qo (j-y) n-}$] 'оседать, поселяться, опускаться, садиться на что-либо (о птице) (= класть, ставить себя)'; qal- ~ qal-, тат. qāl- [$\text{qa (d-y) l-} \sim \text{qa (j-y) l-}$] 'оставаться (= оставаться, помещаться)'; qur- ~ qor [qo (i-u) r-] 'строить, сооружать, устраивать (= понуд. "заставить, класть")'; jaq- ~ jaṭ- 'зажигать, жечь' и производные от него: jaṇ- 'загораться, зажигаться' [$\text{jaq-} \sim \text{jaṭ-} + \text{yṇ} > \text{ja (γ-y) n-}$], т.е. от корня jaq- ~ jaṭ- 'зажигать, жечь' + аффикс возв. залога -yṇ, слившийся с корневой морфемой; jal- 'вспыхивать, воспламеняться, гореть, воспалиться' [$\text{jaq-} \sim \text{jaṭ-} + \text{yl} > \text{ya (γ-y) l-}$], т.е. от того же корня jaq- > jaṭ- + аффикс страдат. залога -yl, слившийся с корневой морфемой; ср. аналогичное образование глагола др.-тюрк. qaj- 'поворачиваться'; qaj-yt- > qaj- (y) t- 'возвращаться, свернуться' (= понуд. 'заставить поворачиваться'); qaj-yṣ- 'относиться друг к другу сочувственно (= взаимн. поворачиваться друг к другу)'; qaj-yṇ- 'кипеть, кишеть' (= возвр. 'поворачиваться, крутиться о самом себе'); qaj-yṭ-yṣ- > qaj-yṣ- 'состязаться друг с другом в сгибании' (qaj-yṭ- 'сгибать, скручивать': понуд. от qaj-) и проч.

К этому же типу сплавленных корней относятся корни, в большей степени сохранившие свою структуру, состоящую из первоначальной корневой морфемы и сплавленных омертвевших аффиксов; ср., например: ajda- 'гнать' < haj- — окрик понукания + аффикс, образующий основу -da/-de (возможно, в данном случае происшедший из dej- tej- > de- ~ te- 'говорить, сказать' > haj de- 'сказать "эй" > гнать'); oqu-t- 'учить' < oqu- 'учиться' + аффикс понудительного залога -t (по предположению В. Котвича, происшедшей также от глагола dej- ~ tej- > de- ~ te- 'говорить, сказать' > oqu te- 'сказать "учись" > oqut- 'заставить учиться, учить'); туркм. јујна- 'собирать в кучу' < др.-тюрк. јуј- 'собирать' + аффикс результата действия -yṇ > јуј-yṇ 'куча' + аффикс образования глагола от глагола -na (< -la/-le) > јуј-yṇ-na- > јујна- 'собирать в кучу'.

Наконец, корневые морфемы конструировались также из сплавления двух корней, сохранивших до сих пор в современных языках самостоятельное значение, ср., например, сложные корни, состоящие из двух глагольных основ: akel- < a (l-yṇ) kel- 'приносить' из al- 'брать, взять' и kel- 'приходить'; aket- < a (l-yṇ) ket- 'уносить' из al- 'брать, взять' и ket- 'уходить'; араг- < a (l-yṇ) bar- 'нести' из al- 'брать, взять' и bar- 'идти',

соединенных деепричастием на -ур/-ір, -р или другого типа, например жібер- ~ жібер- < жі(j-е) бер- 'посылать' из жіj- 'отправлять' и бер- 'давать', соединенных деепричастием на -а/-е, -j; корни, состоящие из имени и глагола, например suwsa- 'жаждать' < suw 'вода' + sa(j)- sa(q)- 'думать, желать', букв. 'думать о воде, желать воду' и т.п. Значение сплавленного корня определяется последней корневой морфемой, т.е., если последняя корневая морфема глагольная, то и весь корень будет глагольным, а если последняя корневая морфема именная, то и сплавленный корень будет именным.

Видоизменение корневой морфемы происходит также в процессе фонетического развития производных слов, состоящих из корневой морфемы и аффиксов словообразования или из двух слов, причем в данном случае часто видоизменяется и вокалический элемент в составе корневой морфемы. Особенно эти процессы характерны в тех случаях, когда в составе слова образуются сочетания ГСГ, а именно: агу ~ egü: др.-тюрк. tegül, кар. t'uv'ul, тур. dejil, туркм. dääl (< dayul < day ol) 'не, нет';

ууа ~ üge: тув. жүген, каз. жүген, чув. жүвен, як. үн 'узда';

огу ~ ögü: тур. ögür, туркм. hevir, каз. үжүр, хак. үг 'косяк лошадей' и др. Ср. также вариативность корневой морфемы: тур. huу, кар. жүw ~ жіw, куманд. уу ~ үg; алт., каз. үj, тат. үw, уйг. äv, аз. öw ~ öv, чар. öj, хак. ib ~ ip ~ ep 'дом', уйг. түgä ~ tävā ~ töögä, ккалп. түje 'верблюд', огуз. tävā ~ tivī, чар. түjā, тур. deve, туркм. dūje.

Что же касается синкретизма корней типа oj 'яма' и oj- 'долбить, углублять', үj 'дом' и үj- 'складывать в кучу', toj 'пир' и toj- 'насыщаться', кеңес 'совет' и кеңес- 'советоваться', қару 'старик' и қару- 'стариться' и проч. (Баскаков, 1952, с. 162), отмеченного многими тюркологами, то, по всей вероятности, такое состояние было характерно для глубокой древности, когда тюркские языки имели иную типологическую структуру, близкую к изолирующим языкам, когда лексические и синтаксические отношения слов и членов словосочетания и предложения были выражены не сочетаниями корневой морфемы с аффиксальными, а сочетаниями самостоятельных лексических единиц, из которых постпозиционные имели значение абстрактное, выражающее эти отношения.

Следы синкретизма корней сохранились довольно слабо, и в современных языках именные и глагольные корневые морфемы уже в подавляющем числе строго дифференцированы, в том числе и синкретичные основы, ср., например, ккалп. baj 'богатый', но bajy- 'богатеть', түn 'ночь', но түne- 'ночевать', жүwas 'смирный', но жүwusy- 'присмиреть' и проч.

Составные элементы корневой морфемы часто изменялись за счет присоединяемых других корневых морфем или, позже, аффиксов, и вновь образовавшиеся корневые морфемы приобретали новое значение. Следовательно, эти изменения корневой морфемы имели словообразовательную функцию. Процессы интерференции корневой морфемы и словообразовательных элементов или второй корневой морфемы в образовании структуры современных корневых морфем, таким образом, не всегда позволяют определить первичность или вторичность структуры каждого данного корня.

Корневая морфема была подвержена постоянным модификациям и изменениям за счет переразложения структурных элементов. Кроме того, тюркские языки подвергались воздействию субстратных и соседних родственных и неродственных языков, заимствования из которых иногда замещали исконные тюркские корни, нарушая тем самым лексико-семантические их связи.

Типичная структура тюркского корня — СГС — никогда не была общей и единой для всех корневых морфем в тюркских языках, но тюркские корни стремились к ней, причем переменным элементом, восходящим к тому или иному словообразовательному аффиксу или к элементам второй корневой морфемы, вошедшей в состав вновь образовавшейся, был конечный согласный в структуре корня.

Таким образом, в любом хронологическом срезе существовали и существуют ныне корни не только первичные и типичные для тюркских языков, т.е. состоящие из СГС, но и иные по своей структуре, более краткие, утратившие в результате фонетического развития конечный или начальный согласный, т.е. корни типа СГ(С), или (С)ГС, или даже (С)Г(С), и более распространенные, представляющие собой результат незакончившегося процесса корнеобразования путем переразложения и сращения со словообразовательными аффиксами второй корневой морфемы, а также заимствованные корневые морфемы, т.е. корни типа СГСС, СГСГ, ГСС, ГССГ и проч. Однако корни типа СГС оставались всегда господствующими в количественном отношении.

Как в том, так и в другом случае при корнеобразовании путем морфемосложения изменялся, как правило, последний согласный структуры первичного корня, замещаясь либо согласными аффиксальной морфемы, либо согласным второй корневой морфемы, причем ассимилированные и редуцирующиеся элементы (конечный согласный первичной корневой морфемы и какой-либо из элементов второй сплавившейся морфемы) не исчезали бесследно. Первоначально они имели заместительное продление в виде либо дифтонгоидных сочетаний, либо долгих гласных, и только позже эти дифтонги или долгие гласные приобретали характер нормального по длительности гласного; ср., например: чув. *кув*ак, туркм. *göök*, в других тюркских языках *gök* ~ *kök* 'зеленый, синий', где первичным корнем был *куv* ~ *qub* ~ *quv*; чув. *туv*ар, туркм. *duuz*, в других языках *duz* ~ *tuz* 'соль', где первичным корнем был *туv*; др.-тюрк. *қауар* (ДТС, 405), туркм. *ğa:r*, в других языках *qar* 'снег', т.е. с первичным корнем *қау* ~ *qaq*, имевшим, возможно, иное значение; **jeŋ-ger*, чув. **jɨŋ-(g)er*, др.-тюрк. *eder* ~ *eđer*, уйг. *egä(r)*, тур. *eger* ~ *ejer*, туркм. *ejer*, кирг. алт. *eer*, ккалп. *i'er* 'седло', где первоначальный корень восходит к *jeŋ* ~ *jeŋ*; **jed-gü*, др.-тюрк. *edgü* ~ *eđgü*, ног. *ijgj*, тур. *iji*, др.-тюрк. *jeg* 'хороший, добрый, благо, добро', где первичным корнем является *jed* ~ *jeđ* ~ *jej*.

Процессы корнеобразования связаны также с различными фонетическими закономерностями фонетического изменения корневых морфем в процессе их образования. Изменения эти характерны как для согласных, образующих корень, так и для инлаутного гласного, находящегося в позиции между согласными. Вариативность фонетического состава корневых морфем объясняется, во-первых, диалектными соответствиями

звук^{ов}. В этом случае при изменении фонетического облика корневой морфемы только иногда происходят изменения на периферии ее лексических значений. Во-вторых, те же фонетически варьирующиеся по диалектам корневые морфемы, заимствованные одним диалектом из другого, что характерно, например, при табуировании лексики или при образовании профессиональных охотничьих или женских жаргонов, сначала в виде синонимов с слабым изменением семантики, а затем в качестве слов с самостоятельным, но близким к основному значением, образуют новые корневые морфемы, получающие самостоятельное развитие в системе словообразования и образующие иногда корни с далекими от первоначальных значениями. В-третьих, происходит изменение начального согласного — его выпадение или замещение другим согласным, а также и более значительное изменение реального значения. В-четвертых, изменяется конечный согласный и, наконец, в-пятых, изменяется анлаутный гласный с последующим все более значительным изменением семантики корня.

Так, вариативность фонетического оформления корневой морфемы, вызванные междиалектными соответствиями, как правило, сохраняет одно и то же значение; ср., например, др.-тюрк. *bod ~ bod ~ boj*, или *bodun ~ bodun ~ bojun* 'скопление людей, племя, род, народ, население, подданные, народные массы, простой народ, люди', или *djol/tjol ~ dʒol/ʒol ~ ʒol/ʒol ~ dzol/col, zol/sol, suol, jol* и проч. с общим значением 'путь, дорога' и развившимися периферийными значениями, например: кирг. *dʒol* 'позволение, разрешение, подарок', ног. *jol* 'способ, прием, метод' и проч., которые не являются общими для всех языков.

К одному из продуктивных способов корнеобразования относится способ образования путем видоизменения и, чаще всего редукции и выпадения начального согласного корня или его замещения другими согласными-субститутами. Образование новых корней данным способом характерно для исходных корневых морфем, имеющих начальный неустойчивый согласный, редукция и выпадение которого образует новый корень с другим, но близким к исходному корню значением, ср., например, следующие закономерности.

1. Неустойчивость, т.е. редукция и исчезновение, начального *j* и его субститутов *nj, dj/tj, dʒ/č, ʒ/š, s/z*: *ilan ~ jylan* 'змея', *üzmeç ~ jüzmeç* 'плавать', *aq- 'течь, протекать'* и *jaç- ~ jaç- ~ jaw* 'падать о дожде' (ср. чув. *jux- 'течь'*); *ar- 'отделять'* (ДТС, 50) и *jar- 'разрубать'*; *az- 'заблуждаться'* и *jaz- 'ошибаться'*; *üz- 'рвать'* и *jüz- 'сдирать'*; *уғаç 'даль, далеко'* и *јуғаç 'дальний'*; *igit- 'кормить'* (ДТС, 205) и *je- ~ ji- 'есть'*, *jegü 'еда, пища'* (ДТС, 253), *jej-im 'пища'* (ДТС, 253), *jejsä- 'желать есть'* (ДТС, 253); *erik- 'относиться с пренебрежением'* (ДТС, 177) и *jer- 'пренебречь'* (ДТС, 257); *eril- 'быть расколотым'* и *jer- 'расщеплять'*; *islä- 'нюхать'* (ДТС, 214) и *jyt ~ jud ~ жүд 'запах'* (ДТС, 264, 265);

2. Неустойчивость начального *b ~ p*: *bol- ~ bul- ~ ol- 'быть'*, *ög 'разум'* (ДТС, 373) и *bögü 'мудрый'*, *bögün- 'уразуметь, понять'* (ДТС, 116), *bögüş 'понимание, уразумение'* (ДТС, 117; *eg- (ДТС, 165), eñ- (ДТС, 174) 'сгибать'* и *bük 'сгибать, сгибаться'* (ДТС, 132); *ülä- 'делить'* (ДТС, 624), *ülüg 'доля'* (ДТС, 625) и *böl- 'делить'* (ДТС, 117), *böl-ük 'отдел, часть'*;

öz 'сам, сущность, сердцевина, нутро' (ДТС, 394–395) и bod ~ bođ 'тело' (ДТС, 106, 108), алт. boj 'сам, тело, сущность'; ср. те же соответствия в монгольских языках: bürgex ~ ürgex 'приходить в замешательство, пугаться', ürk- 'пугаться' (ДТС, 626); bujlah ~ ujlah 'реветь (о верблюде), реветь, плакать'; bursalaa ~ ursalaa 'мелкие сборки платья'; монг. berx ~ berxe 'сила, мощь' > тюрк. erk ~ ärk 'сила, мощь, воля' (Бертагаев, 1965).

3. Ослабление и редукция начального q, k, например: qora, 'загон, загородка'; qorala- 'загораживать' (КРС, 401) и oга- 'загораживать' (КРС, 497), qud- ~ quđ- ~ qut- ~ quj- 'лить' (ДТС, 463) и алт. ug- 'лить, сыпать'; küj- ~ köj- 'гореть', köj-dir- 'жечь' (ДТС, 312) и üj-t 'палить, опаливать' (КРС, 691); keп, 'широкий' (ДТС, 298) и en 'ширина' (ДТС, 173) и проч.

4. Редукция начального t > 0, например: toj- 'рождаться' (ДТС, 570), оу-uš 'род, племя' (ДТС, 365); töz 'корень, основа, сущность' (ДТС, 582), öz 'сущность' (ДТС, 394), 'серцевина', алт. özök 'серцевина'; tut- 'хватать, брать' (ДТС, 591), ut- 'выигрывать' (ДТС, 617); tuj- 'толочь, растирать' (КРС, 659); ügi- 'размалывать, размельчать' (КРС, 687); ср. монгольск. teszeg ~ eszeg 'против, наперекор'; talxix 'мять кожу, выколачивать', alxix 'бить, колотить' (Бертагаев, 1965).

5. Ослабление t > s, например: toq- ~ soq- ударять, бить'; tyq- ~ syq- 'набивать, втыкать давить, жать, выжимать' и проч.

6. Утрата начального s, например: sal- 'класть' и al- 'взять'; sat- 'продавать' и at- 'бросать', которые, в свою очередь, служат антонимами друг к другу: sal- 'класть' (к себе), sat- 'продавать' (от себя), al- 'взять' (себе), at- 'отбросить' (от себя), т.е. противопоставлены друг другу как формы центростремительные и центробежные, по аналогии с kel- 'приходить' и ket- 'уходить'; ср. соответствующие закономерности s > h > 0: др.-тюрк. suγ ~ sub, чув. šuv ~ šu, каз. suw, алт. suu ~ su, башк. һуw ~ hu, як. uu 'вода'; др.-тюрк. sen, башк. һin, як. äп 'ты'; др.-тюрк. süт, башк. һüt, як. үüt 'молоко'; др.-тюрк. say-, башк. һaw-, як. уа- 'доить' и проч.

7. Неустойчивость согласных s ~ š в анлауте корневых морфем: syz- ~ šyz- 'чертить', суš- ~ čyš- 'испражняться', soq- ~ čoq- 'бить, жалить', саš- ~ sač- 'разбрызгивать, рассеивать, рассыпать'; čal- ~ sal- 'бить, ударять'; sök- 'преклонять колени' ~ čük- ~ čök- 'опускаться на колени'.

8. Утрата начального č ~ š, например: čiri- ~ širi- 'гнить, портиться, протухать' и iri- 'киснуть (о молоке), гнить' (КирРС, 243).

Те же явления наблюдаются и при варьировании конечного согласного корневой морфемы, вызывающем изменения значения корневой морфемы. Наиболее часто новые корневые морфемы обращаются при следующих соответствиях:

1. Соответствие d/t ~ δ/θ ~ z/s ~ r: jad- ~ jat- ~ jađ- ~ jas- ~ jaz- ~ jaj- с общим значением 'расстилать, рассеивать, развязывать, раскалывать, распускать' и проч., которое присуще было древнетюркским основам jad-, jađ-, jaj-, jaš-, jat-, jaz- (ДТС, 222), но кроме общего значения основа jat- имела значение 'лежать', а jaz- — 'расщеплять, разрубать'. Следы этих соответствий сохранились во многих корневых морфемах в словах как с близкими значениями, например: köz 'глаз', kör- 'видеть'; ud- ~ uđ- ~

~ut-~uz- 'следовать за, идти следом' (ДТС, 605, 606, 617, 620), ij- (ДТС, 205), er- (ДТС, 175), ср. также yz~iz~jiz 'след' (ДТС, 216, 221, 264) и uj-у 'тень' (ДТС, 608), так и с далекими, изолированными значениями, например qud-~quj- 'лить' (ДТС, 463) и qus- 'рвать, тошнить, изрыгать' (ДТС, 470), ср. алт. ur- 'лить' (ОРС, 168).

2. Соответствие q/γ ~ k/g ~ j: syq- 'теснить, жать, выжимать' (ДТС, 504), syu- 'вмешаться' (ДТС, 502), suq-~soq- 'втыкать, всовывать' (ДТС, 508), каз., ккалп. syj- 'вмешаться' (НПС, 318, ККРС, 600); taq- 'прикреплять' (ДТС, 536), ккалп. taп- 'привязывать' (ККРС, 619); кирг. taga- 'придвинуть вплотную, приставить' (КирПС, 485), taja- 'прислонять, ставить опору' (ДТС, 527); ögren- 'учиться' (ДТС, 380), üjrön- 'обучиться' (Кирг. РС, 548).

3. Соответствие z ~ n/ң: özgä 'иной, другой' (ДТС, 396), onge 'другой' (КирПС, 335); süz- 'цедить, процеживать' (ДТС, 519), siң- 'впитываться, усваиваться' (ДТС, 500); ös- 'расти' (ДТС, 391), öң- 'расти', öңdür- 'растить' (ДТС, 385).

4. Соответствие b ~ γ ~ w ~ j: sub ~ suw ~ su: ~ su 'вода' (ДТС, 512, 515), buj 'вода' (ДТС, 513), н.-уйг. suj-i 'его вода'; ebir- 'обходить, окружать' (ДТС, 162), egir- 'окружать' (ДТС, 166).

5. Соответствие l ~ š ~ č: öl- 'умирать' (ДТС, 383), öč-~öš- 'гаснуть, исчезать' (ДТС, 376); tel- 'сверлить, буравить' (ДТС, 550), teš- 'продырявливать, протыкать' (ДТС, 535); jyl 'год' (ДТС, 266), jaš 'год' (ДТС, 245); byš-~biš- 'вариться, созреть' (ДТС, 105), bula- 'варить, тушить' (ДТС, 121), bol- 'быть, случиться, становиться' (ДТС, 111), ср. монг. bol-ox 'становиться, делаться; созреть, вариться'.

В области вокализма при корнеобразовании неустойчивыми и слабо различающими их значение являются гласные в следующих противопоставлениях (наиболее часто ими являются гласные в противопоставлении по одному из основных их признаков).

1. При противопоставлении по палатализации/депалатализации при совпадении подъема и лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении а ~ е, у ~ и, о ~ ö, у ~ ü, например: bart- 'разбивать' (ДТС, 85) ~ bert- 'портить' (ДТС, 96); ayt- ~ erit- ~ erüt- 'растопливать' (ДТС 53, 183; byš- ~ biš- 'созреть' (ДТС, 105); til (ДТС 559) ~ dyl (тув.) 'язык'; туңсу ~ tiңci 'шпион' (ДТС 561); čom- ~ čöm- 'окунуться, нырять' (ДТС, 153, 155); čoq- ~ čök- 'становиться на колени' (ДТС, 154, 155); qor ~ köp 'весь, много' (ДТС, 456); sud- ~ sut- ~ suδ- ~ suz 'плевать' (ДТС 513, 514, 516) ~ sid- ~ sit- ~ siδ- 'мочиться' ~ südük 'моча' (ДТС 498, 499, 516).

2. При противопоставлении по лабиализации/делабиализации при совпадении подъема и палатальности/непалатальности, т.е. при противопоставлении а ~ о, е ~ ö, у ~ u, i ~ ü, например: др.-тюрк. aγuq ~ н.-уйг. oγuq 'худой, тощий'; каз. asuq ~ н.-уйг. osuq 'открытый'; ккалп. töbe ~ туркм. tepe 'холм'; ккалп. erik ~ узб. öruk 'абрикос'; temir ~ tömür 'железо'; каз. synuq ~ н.-уйг. sunuq 'сломанный'; муң ~ муң 'тысяча'; tyrna ~ turna 'журавль'; ккалп. tülki ~ др.-тюрк. tilkü ~ tilki 'лисица'; min- ~ mün- 'садиться верхом'; bijik ~ бүjük 'высокий'.

Соответствия е ~ о, у ~ и, i ~ u характерны для галицкого диалекта караимского языка, в котором делабиализация ö, u, ü > е, у, i — общая закономерность.

3. При противопоставлении по нижнему и верхнему подъему при совпадении палатальности/непалатальности и лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении $y \sim a$, $e \sim i$, $o \sim u$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$, например: чув. *ylmaš* ~ каз. *almas* 'меняться'; чув. *pyl* ~ ккалп. *bal* 'мед'; чув. *pyr* ~ ккалп. *bar* 'идти'; *it* ~ *et* 'делать' (ДТС, 215); *es* ~ *is* 'дуть' (ДТС, 183, 213); *ber* ~ *bir* 'давать' (ДТС, 95, 101); *kes* ~ *kis* 'резать'; *kert* 'надрезать'; *boɣra* ~ *buɣra* 'раскалывать, разрубать' (ДТС, 109, 120); *jont* ~ *junt* ~ *jund* 'лошадь' (ДТС, 272, 281); *qov* ~ *quw* 'гнать' (ДТС 514–462); *sot* ~ *sut* 'плевать' и проч. (ДТС, 514, 509); *joqaru* ~ *juqaru* 'вверх' (ДТС 273–281); *oɣyur* ~ *uɣyur* 'будить' (ДТС 365, 607); *sök* ~ *sük* 'ругать' (ДТС, 510, 517); *sönük* ~ *sünük* 'кость' (ДТС, 511, 517); *bögü* ~ *bükü* 'мудрый' (ДТС, 116, 132); *jölä* ~ *jülä* 'подпирать' (ДТС 275, 285); *čöj* (ОРС, 181) ~ *čüz* (ДТС, 158) 'вытягивать'.

Соответствия $e \sim i$, $o \sim u$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ регулярны для языков енисейско-орхонского, татарского, башкирского, некоторых диалектов хакасского и проч.

Реже встречаются соответствия в изменении вокализма слова по двум дифференциальным признакам.

4. При противопоставлении по двум признакам: а) палатализации и верхнего подъема/депалатализации и нижнего подъема и б) депалатализации и верхнего подъема/палатализации и нижнего подъема при общем признаке лабиальности/нелабиальности, т.е. при противопоставлении $a \sim i$, $e \sim y$, $o \sim \ddot{u}$, $\ddot{o} \sim u$, например: чув. *il* ~ др.-тюрк. *al* 'брат', 'взять'; *er* 'следовать' (ДТС 605), *yz* ~ *iz* 'след' (ДТС 216, 221); чув. *sü* ~ тув. *soj* 'снимать шкуру'; чув. *xüse* ~ кирг. *qos* 'шалаш'; н.-уйг. *öj* ~ куманд. *uɣ* 'дом'.

5. При противопоставлении по двум признакам: а) лабиализации и верхнего подъема/делабиализации и нижнего подъема и б) делабиализации и верхнего подъема/лабиализации и нижнего подъема при общем признаке палатальности/непалатальности, т.е. при противопоставлении $u \sim a$, $e \sim \ddot{u}$, $o \sim y$, $\ddot{o} \sim i$, например: чув. *šur* ~ ккалп. *saz* 'болото'; чув. *us* ~ ккалп. *aš* 'открывать'; чув. *uɣra* ~ ккалп. *agra* 'ячмень'; тур. *ev* ~ ккалп. *ij* 'дом'; чув. *uvul* ~ др.-тюрк. *oɣul* 'сын'; н.-уйг. *öj* ~ хак. *ib* 'дом'.

Наименее возможными соответствиями являются следующие.

6. При противопоставлении по двум признакам: а) палатализации и лабиализации/депалатализация и делабиализация и б) палатализация и делабиализация/депалатализация и лабиализация при общем признаке подъема верхнего/нижнего, т.е. при противопоставлении $a \sim o$, $e \sim \ddot{o}$, $y \sim u$, $i \sim \ddot{u}$.

7. При противопоставлении по всем трем признакам: а) палатализация, лабиализация, верхний подъем/депалатализация, делабиализация, нижний подъем; б) депалатализация, лабиализация, верхний подъем/палатализация, делабиализация, нижний подъем; в) палатализация, лабиализация, нижний подъем/депалатализация, делабиализация, верхний подъем, г) депалатализация, лабиализация, нижний подъем/палатализация, делабиализация, верхний подъем, т.е. при полном противопоставлении без общего признака: $a \sim \ddot{u}$, $e \sim u$, $o \sim i$, $\ddot{o} \sim y$.

Таким образом, процессы развития и видоизменения корневой морфемы и определение современной их структуры обусловлены тремя основными факторами: а) семантическим, т.е. нарастанием кроме своего основного значения множества побочных переносных значений, которые часто стано-

вятся господствующими и, таким образом, отрываются от первоначального, образуя как бы самостоятельную корневую морфему, отличную по значению от первоначального корня; б) фонетическим, т.е. видоизменением фонетического состава корневой морфемы по закономерным соответствиям, например изменением согласного по закономерностям соответствия $d/t \sim z/s \sim \delta/\theta \quad j/\tilde{j} \sim r$ и развитием другой самостоятельной корневой морфемы с другим значением и в) морфологическим, т.е. фузией или слиянием двух корневых морфем или корневой морфемы с аффиксальными, при котором редуцируются и выпадают составляющие корневую морфему гласные и согласные, замещаясь другими звуками, и новая корневая морфема приобретает другой фонетический облик и другое лексическое значение.

Фонологические и фонетические закономерности развития корневых морфем, как мы видим, подтверждают то, что господствующими и характерными для тюркских языков являются корни типа СГС. Корни же типа (С)ГС, СГ(С) и (С)Г(С), как указывают эти закономерности, представляют собой результат фонетического развития анлаутных и ауслаутных согласных.

Ниже предлагаются конкретные примеры корней этого типа, встречающихся в древнетюркских языках и делают попытки реконструировать эти корни (архетипы) как состоящие из СГС.

КОРНИ ТИПА (С)Г(С)

Корни этого типа встречаются в древнетюркских языках и зарегистрированы в ДТС: $qan\ a-$ 'останавливаться (о крови)' (с. 416), y 'растение' (с. 216), $\delta-$ 'думать' (с. 375), u 'сон' (с. 603) и $u-$ 'мочь' (с. 603), т.е. представлены всего пятью словами, причем некоторые из них из-за несовершенства старой графики, с одной стороны, и единичности регистрации — с другой, представляются спорными, случайными по своему графическому оформлению. Ср., например, глагол $a-$ в аналитической основе $qan\ a-$, который встречается всего один раз в древнеуйгурском языке в фрагменте одного из сочинений медицинского содержания берлинской коллекции памятников древнеуйгурской письменности (Rachmati, 1932, с. 401—448), или корень y , который встречается главным образом в парных словах типа $y-u\ a\delta$ 'всякая растительность', $y-taryu$ 'посевы злаковых культур', $y-ta\delta$ 'заросли и скалы (камни)' и поэтому также представляется либо заимствованным из других языков, либо графически ущербно оформленным, либо фонетически редуцированным.

Остальные корни типа (С)Г(С) в ДТС представляют собой либо варианты более полных корней, например $i < i\tau-$ 'быть', $o < ol$ 'он, тот', либо заимствования из других языков, например $u <$ араб. va союз 'и'.

Однако и перечисленные выше пять корней типа (С)Г(С) также генетически восходят, как нам представляется, к более полным корневым морфемам. Так, корневая морфема $a-$ в аналитической основе $qan\ a-$ 'останавливается (о крови)', зафиксированная в ДТС в причастной форме $ayaj$, выступающей в функции сказуемого в предложении $kimnin\ burunda\ qan\ \delta nsar\ mir\ ja\ naq\ \ddot{u}z\ a\ t\ddot{u}rtgil\ \dots qan\ ayaj$ 'если у кого-либо из носа пойдет кровь, помажь медом щеки ... кровь остановится' (ДТС, 416), представ-

ляет собой фонетически редуцированную форму $a\gamma\text{-}u\alpha j$ от глагола $*a\gamma\text{-}$ 'прекращаться', которая сохранилась в древнетюркских языках в производной основе побудительного залога $a\gamma\text{-}ut\text{-}$ 'отгонять, разгонять, отстранять, устранять, прекращать' (ДТС 20); ср., например, $neg\ddot{u}k\ddot{a} ul\gamma\text{-}sen$, $neg\ddot{u} bu sy\ddot{u}yt bu qylyq etg\ddot{u} erm\ddot{a}z mun\gamma\text{-}sen a\gamma\ddot{u}t$ 'почему ты рыдаешь, что это за вопли? поведение это нехорошее, прекрати это' (ДТС 20, 21). Корень $*a\gamma\text{-}$ форме $a\gamma\text{-}ut\text{-}$ генетически связан с глаголом $j\ddot{u}\gamma\text{-}$ 'сдерживать, удерживать; отстранять, устранять' (ДТС, 265). Фонетический переход $j\ddot{u}\gamma > a\gamma$ характерен для многих корневых морфем; ср., например $j\ddot{u}u\alpha\check{s}$ (ДТС, 265) $>$ тат. $a\gamma\alpha\check{s}$ 'дерево'; $j\ddot{u}\gamma la\text{-}$ (ДТС 266) $>$ туркм. $a\gamma la\text{-}$ 'плакать'. Тот же переход $j\ddot{u}\gamma > a\gamma$ характерен и для корневой морфемы $j\ddot{u}\gamma\text{-}$ $> a\gamma\text{-}$ $> a\gamma\text{-}$ $> a\text{-}$.

Итак, глагольный элемент $a\text{-}$ в аналитической основе $qan a\text{-}$ восходит к корню $*aa\gamma\text{-}$ 'прекращаться', а последний еще к более архаичной и фонетически более полной корневой морфеме $j\ddot{u}\gamma\text{-}$.

Корневая морфема u 'растение' не находит убедительного объяснения как вариант фонетически более полной корневой морфемы и по всей вероятности представляет собой заимствование из неродственного языка, что подтверждается также и тем, что слово это выступает чаще в парных словах: $ot\text{-}u$ 'растения' (Малов, 443), $u\text{-}u\gamma\alpha\check{s}$ 'деревья и кустарники, у- $tar\ddot{u}\gamma$ 'различные посевы', $u\text{-}ta\check{s}$ 'заросли и скалы' (ДТС, 216), иногда как синоним второго компонента парного слова, а иногда с собирательным значением. В некоторых контекстах чтение этого слова, например в памятнике Таньюкуку, оспаривается; ср., например, $u\ bar\ bas\ asdumys$ 'мы перевалили через вершину с растениями' $\sim$ 'мы перевалили через вершину Ыбар' (Малов, 1951, с. 62, 67).

На тюркской почве слово u , впрочем, могло возникнуть либо как усиленное слово из $j\ddot{u}gi > ji$ 'густой, частый, плотный' — ср. $ji\text{-}j\ddot{u}u\alpha\check{s}$ 'густое дерево' (МК III, 25), $ji\text{-}j\ddot{u}u\alpha\check{s}$, $j\ddot{u}gi$ (ДТС, 260) с переходом по регрессивной гармонии $ji\text{-}a\gamma\alpha\check{s} > u\text{-}a\gamma\alpha\check{s}$, которое затем лексикализовалось с самостоятельным значением (u растение, дерево), но осталось в прежнем усиленном значении в сочетаниях $u\text{-}tar\ddot{u}\gamma$ 'густые посевы', $u\text{-}ta\check{s}$ 'частые скалы' и т.д. — либо как парное слово $ji\text{-}j\ddot{u}\gamma\alpha\check{s}$ 'густое дерево' (МК, III, 25, 13, ДТС 260) из $j\ddot{u}k\text{-}a\gamma\alpha\check{s}$, где $j\ddot{u}k \sim j\ddot{u}g$ 'веретено' (ДТС 260, 261), $i\ddot{g}$ 'веретено, ось, древко', $oq\ i\ddot{g}i$ 'древко стрелы', $\check{s}arx\ i\ddot{g}i$ 'колесная ось' (Будагов II, с. 199), т.е. из слова $j\ddot{u}k \sim j\ddot{u}g$ 'веретено, древко', которое первоначально, как и слово $a\gamma\alpha\check{s}$ 'дерево, бревно, имело значение живого, растущего растения или дерева и только позже синонимы $j\ddot{u}k \sim j\ddot{u}g > ik \sim ig$ и $a\gamma\alpha\check{s} \sim u\gamma\alpha\check{s} < j\ddot{u}u\alpha\check{s}$ приобрели значение 'ось, древко, веретено', так же как $a\gamma\alpha\check{s} \sim j\ddot{u}u\alpha\check{s}$ помимо общего значения 'дерево' приобрело значение 'срубленное дерево, бревно, ось, рукоятка, черенок'.

Корневая морфема $\ddot{o}$ 'думать, размышлять' (ДТС 375) генетически и по семантике является общей с корневой морфемой, которая лежит в основе таких словообразовательных форм слов, как: $\ddot{o}g\text{-}\ddot{u}t$ 'совет, наставление, хвала, словословие' (ДТС, 382) как производная форма с афф. $\ddot{u}t$ от глагола $\ddot{o}g\text{-}$; $\ddot{o}k\text{-}\ddot{u}n$ 'каяться, сожалеть' (ДТС, 382) как производная форма с афф. $\ddot{u}n$ возвратного залога от глагола $\ddot{o}k\text{-}$ $\sim \ddot{o}g\text{-}$ $> \ddot{o}k\text{-}\ddot{u}n\text{-}$ 'размышлять о себе каяться, сожалеть'; $\ddot{o}g\text{-}r\ddot{a}t\text{-}$ 'учить', $\ddot{o}g\text{-}r\ddot{a}n\text{-}$ 'учиться' (ДТС, 380)

как производные формы от того же глагола *ög- ~ ök- с непродуктивным древним афф. -gä, образующим формы возвратно-страдательного залога от производной основы *ög- [(ср. sač- 'сыпать', sač-ra- 'сыпаться' (ДТС 480), ter- 'пинать, лягать, молотить', terpä- ~ tebrä- 'двигаться, шевелиться, дергаться' (ДТС 546)], и аффиксами возвратного (-n) и понудительного (-t) залогов.

Итак, можно предполагать, что корневая морфема ö- 'думать, размышлять, восходит к более полной корневой морфеме *ög-, сохранившей в древнетюркских языках значение 'хвалить, превозносить', но первоначально значившей только 'думать, размышлять'. Что же касается дифференциации значений ög 'разум, мысль' и ög- 'думать', то здесь либо ög в первом значении ('разум, мысль') представляет собой производную основу масдара ög-üg от глагола ög- 'думать', либо корень ög, как и многие другие корневые морфемы в тюркских языках, в более древнем состоянии обозначали и имя (ög 'разум, мысль') и глагол (ög- 'думать, размышлять'). Позже корень ög сохранился только в именном значении, глагольное же значение этой корневой морфемы осталось лишь в производных основах (ög-üt 'совет, наставление'; ök-ün- 'каяться', ög-rä-t 'учить'; ög-rä-n- 'учиться' и проч.), а глагольное значение закрепилось только за корневой морфемой, состоящей из гласного ö-, от которой позже образовались производные ö-gä 'мудрец' (ср. в других языках bil-gä в том же значении), ö-gäk ~ ö-ög-äk 'запоминающийся' и др.

Возможно, что на более ранних этапах фонетического и семантического развития корневая морфема ög (~ öj) генетически как сингармонический вариант была связана с корневой морфемой oq-y- 'учиться, читать' (ДТС 369), а также с корнем oj 'мысль, дума' (Будагов I, 162) синкретически параллельно имела также значение 'думать, понимать, разуместь'; ср. производные основы с чередующимися согласными j ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s: od-yur od-yur ~ od-yar- 'понимать, разуместь' и 'будить' (< 'заставить понимать'), (ДТС 362), od-uy ~ od-uy 'бодрый, бодрствующий, не спящий > смысленный' (ДТС 362), od-un- 'пробуждаться' (дтс 362), алт. oj-yop- 'пробуждаться', oj-yos ~ uj-yus- 'будить, разбудить', oj-yog 'мудрый, мудрец', ккалп. oj-an- 'просыпаться, пробуждаться', oj-at- 'будить' и проч.

Вторая анализируемая нами корневая морфема, u-, имеет значения 'мочь, выносить, выдерживать, быть в состоянии' (ДТС, 603). Значение возможности в тюркских языках тесно связано со значением 'знать, понимать, разуместь'; ср., например: глагол bil- 'знать' во многих тюркских языках в качестве вспомогательного глагола в аналитических сложных глагольных основах указывают также на возможность совершения действия, сохраняя вместе с тем самостоятельное значение 'знать, уметь'.

В древнетюркском языке также параллельно использовались два глагола со значением 'знать' — uq- и bil-, выступающие часто в парных сочетаниях, ср., например, uqsarlar-bilsärlär 'если они поймут и познают' (ДТС, 613), причем глагол bil- в качестве вспомогательного выражал возможность, ср., например: bu munčā savay adyru bilmäsär-uqmasar 'если не может разобраться вот в таких словах, если не понимает их' (ДТС, 98). В связи с данной аналогией можно предположить, что глагол u- 'мочь, терпеть' генетически связан с глаголом uq- 'понимать', разуместь' (с производным

uq-uš 'разум, понимание'), который в других языках имеет, кроме того, значения: в каракалпакском uq- 'вникать в сущность, понимать, усваивать', в алтайском uq- 'слушать' (ср. производные uγ-um 'слух', uγ-uš 'слушание') и проч.

В процессе семантического и фонетического развития глагол uq- ~ uγ- утратил конечный слабый гутуральный q ~ γ[uq > uγ > uw > u:- > u], сохранив в значении 'мочь' только основу, состоящую из одного гласного u-; ср. производные от этой основы: umag (< uγmag) 'возможность' (ДТС, 611), u-γan ~ uγ-an (< uγ-γan) 'всемогущий, бог' (ДТС, 607); özüm umady (< uγ-ma-dy) 'я не вынес' (ДТС, 603) и проч.

Сопоставляя глагол u- 'мочь' с производными формами un-ur 'могущественный, сильный' — ср.: qylyč boldu saqčy tutum unur 'о, могущественный, защищайся мечом и топором', или 'возьми себе в хранители меч и топор', un-ar-ča 'насколько можно, по мере возможности', upatča aǵajun ĵaγu ber meñä 'буду говорить насколько смогу, помоги мне', un-č 'возможный, допустимый' (ДТС, 612) — мы приходим к заключению, что глагол un- не является возвратной залоговой формой от u-, а представляет собой самостоятельную корневую морфему, поскольку как от первой корневой морфемы uq- ~ uγ-, так и от другой корневой морфемы un- имеются параллельные производные формы с общим значением, ср. uγan < uγ-γan 'всемогущий бог' и un-ur 'могущественный'.

Весьма возможно, что для этой и другой корневой морфемы исторически была общая морфема *juŋ- ~ uŋ- ~ un- 'знать, помогать, понимать, уметь, мочь', которая в процессе фонетического и семантического развития расщепилась на два консонантных варианта:

$$*juŋ- \begin{cases} < uŋ- \sim un- \\ < uq- \sim uγ- > uw- > u:- > u-, \end{cases}$$

сначала с общим значением 'понимать, мочь', а затем и с дифференцированной семантикой: uq- ~ uγ- 'понимать' и un- ~ uγ- > uw- > u:- > u- 'мочь'.

Таким образом, корень u- исторически восходит к более полной корневой морфеме *juŋ- > uŋ- > un- ~ uq-/uγ- > uw- > u:- > u-, а морфема juŋ- представляет собой вариант корневой морфемы aŋ 'сознание, мысль, дума' — туркм. a:ŋ, ср. aŋ-la ~ aŋa 'разуметь, понимать' (ДТС, 46–47) — по аналогии с соответствиями, например; чув. juŋ ~ jün 'здравомыслие, толк, смысл', др. языки — aŋ; чув. juх 'течь', др. языки — aq; чув. juс 'горностай, ласка', др. языки — as и проч.

Корневая морфема имени u 'сон' (ДТС, 603) также является результатом длительного развития. Из зафиксированных в древнетюркских памятниках фонетически более полных форм этого слова можно указать на форму uv ~ uw в древнеуйгурском языке (ДТС, 619). Однако и она не является исходной, а представляет собой более поздний результат фонетического развития. Генетической основой корневой морфемы u ~ uw 'сон' (ДТС, 603, 619) является древнетюркский глагол udy- ~ uδy- ~ uju- 'спать' (ДТС, 605–607), который, судя по производным от него основам, имел параллельную корневую морфему ud- ~ uδ- ~ uj-, от которой произошли основы udu ~ uduq 'сон' (ДТС, 605–606), uδ-yq

'дремлющий, спящий' (ДТС, 606, МК I, 65) и $u\delta-u$ 'сон' (ДТС, 606, МК I, 39); ср. алт. $uj-qu$ 'сон', ккалп. $uj-qu$ 'сон'.

В процессе своего фонетического развития основы $u\delta-u\gamma \sim u\delta-u\gamma \sim u\delta-u\gamma \sim u\delta-u\gamma$, варьирующиеся по соответствию конечного согласного $d \sim \delta \sim z \sim j$, фонетически трансформировались под влиянием ослабления согласных $\gamma > w$ в основы $u\delta-uw \sim u\delta-uw \sim u\delta-uw \sim u\delta-uw > u:-w > uw > u:-w$, наряду с существующими фонетически более полными $u\delta-u\gamma \sim u\delta-u$ (ДТС, 605–606) $u\delta-u$ (ДТС, 606, МК I, 39), ср. алт. $uj-qu$, ккалп. $uj-qu$, uwu (ДТС, 619, 620).

Следовательно корневая морфема u не может быть определена как первичная, а напротив, представляет собой результат длительного фонетического и семантического развития.

Итак, представляется весьма вероятным, что основы типа (C)Г(C) в тюркских языках, являются более поздними образованиями, генетически восходящими к более полным фонетическим корневым морфемам типа (C)ГC < СГC.

КОРНИ ТИПА СГ(C) < СГC

Корни типа СГ(C) также представляют собой результат развития полной корневой морфемы СГC.

Корневая морфема $ba-$ 'связывать' (ДТС, 76) с производными $ba-\gamma \sim baa-\gamma$ 'оковы, узы, повязка, узел' $ba-n-$ 'привязать себе', $ba-\gamma-la-$ 'привязывать', $ba-\gamma-y\check{s}$ $\sim ba-\gamma-ys$ 'веревка у юрты; сустав' и др. восходит к более полной основе, так как в некоторых современных языках, например туркменском, гласный основы a является долгим, ср. туркм. $ba:\gamma$ 'связка', $ba:\gamma-la-$ 'связывать' и проч.

Возможно, что первоначальной основой глагола $ba- \sim ba:-$ была $ba\gamma$ - ср. аналогии: др.-тюрк. ja 'лук' (ДТС 221) < алт. $dja:$ $\sim dja\gamma$ 'лук' (В 64–65); алт. $dja:-$ 'идти о дожде' < $dja\gamma-$ (В 64–65); алт. $sa:-$ 'доить' < $sa\gamma-$ (В 280–282) и проч. Производные же от этого глагола соответственно: $ban-$ 'привязывать себе' < $ba:n-$ < $ba\gamma-un-$; $ba\gamma y\check{s}$ 'веревка, сустав' < $ba:-y\check{s}$ < $ba\gamma-y\check{s}$ < $ba\gamma-y\check{s}$; $ba\gamma \sim ba:\gamma$ 'оковы, узы' < $ba\gamma-u\gamma$ и проч.

Интересно сопоставить с глаголом $ba- < ba:- < ba\gamma-$ другой глагол, являющийся результатом семантической филиации и фонетического преобразования глагола $ba- < ba\gamma-$ а именно, глагол $bo\gamma-$ 'душить, сдавливать' (ДТС, 109) с производными $bo\gamma-um$ 'узел, сустав, сочленение', $bo\gamma-la-$ 'связывать в узел', $bo\gamma-maq$ 'завязка на рубашке', $bo\gamma-maq-la-l-$ 'быть завязанным, застегнутым', $bo\gamma-un-$ 'сустав' и проч., т.е. генетически безусловно общий по основе с $ba- < ba\gamma$, о чем свидетельствуют и общие по значению производные, но сохранившие в отличие от глагола $ba- \sim ba:- \sim ba\gamma-$ конечный $-\gamma$. Фонетический же переход $a > o$ можно объяснить прогрессирующим влиянием начального согласного b .

Корневая морфема bi 'кобыла' (ДТС, 97) также имеет фонетически более полные параллели, например хак. $pi:$, ккалп. $bije$. Таким образом, др.-тюрк. bi 'кобыла' представляет собой сокращенную форму фонетически более полной основы $bije$. То же можно сказать и о второй основе — bi 'тарантул' (ДТС, 97), восходящей к $bi:$ (ср. туркм. bij 'паук') и далее к параллельным же древнетюркским основам $böj < böğ$ (ДТС 116, 117).

Процесс фонетического развития данной корневой морфемы представляет-ся в следующей последовательности: böğ > böj > büj ~ bij > bi: > bi.

Корневой морфеме čī 'роса, сырой, влажный' (ДТС, 145) в современных языках соответствует: туркм. čig 'сырой, незрелый'; кирг. čij-ki 'сырой, невареный'; хак. čig 'сырой'; в др.-тюрк. čuq- 'отсыревать, намокать'; алт. čuq 'влажность, сырость, влага'; ног., ккалп. šuq 'роса'. Из приведенного материала очевидна связь корневой морфемы čī 'роса' с ее более полной формой čig ~ čik/čūq ~ šuq.

Корневая морфема bu 'пар' (ДТС, 119) сохранила в живых тюркских языках первичную основу туркм. buγ ~ bu:γ, ног. ккалп. buw, а следовательно, фонетическое развитие данной корневой морфемы проходило в следующей последовательности: buuγ ~ buγ > buw > bu: > bu.

Корневая морфема ja 'лук' (ДТС, 221): ср. алт. dja:, башк. jaja ~ ja:j туркм. jaj ~ ja:j, ног., каз., ккалп. jaj ~ žaj ~ džaj, хак. абак. jay (Вербицкий, 1884).

Корневая морфема ja 'лук' (ДТС, : ср. алт. dja:, башк. jaja ~ ja:j туркм. jaj ~ ja:j, ног., каз., ккалп. jaj ~ žaj ~ džaj, хак. абак. jay (Вербицкий, 1884).

Корневая морфема je- ~ ji- 'есть, съесть': ср. туркм. ij- ~ ji:-, як. sie-. Как в древних, так и в современных, например в кыпчакских, языках некоторые производные формы от глагола je- ~ že- dže- 'есть, кушать' содержат сохранившийся конечной коренной j; ср., например, jej-im 'пища, корм' (ДТС, 253), jej-sä < jej-ig-sä 'хотеть есть' (ДТС, 253); в каракалпакском наряду с формой dže-j-men 'я ем' существует параллельная более полная форма džij-e-men в том же значении — 'я съем, я буду есть' < корневая морфема džij + -e — аффикс деепричастия + -men — аффикс 1-го лица ед. числа. Корневой конечный j производных форм от глагола je- встречается и в других языках, например новотуркском, ср. jej-iš- (имя действия от jä-) 'кушание, еда' и проч. Рефлексы конечного j представлены в указанных выше туркменском (ji:-, ij-) и якутском (sie-) языках.

Конечный j корневой морфемы jej- сохранился в некоторых производных формах этого глагола в древнетюркском языке, в виде субститута g, например в основах ig-it- ~ ig-id- ~ jig-it- 'кормить, содержать; воспитывать' (ДТС, 205); ig-id-gü 'воспитание' (ДТС, 204), ig-id-mäk 'кормление, содержание' и проч.³ Таким образом, процесс фонетического развития данной корневой морфемы представляется в следующей последовательности: *jig- ~ *jeg- > jij- ~ jej- ~ ig- ~ eg- ~ кыпч. džij- ~ džej- > dži- ~ dze- > туркм. ij- ~ jij- > ji (~ як. sie-) > je- ~ ji-.

Корневая морфема ji 'шов' (ДТС, 260): кирг. džik каз., ног., ккалп. žik ~ džik 'шов'; при соответствии g/k ~ j или выпадении g/k аналогично tiri < tirik 'живой'. Возможно также, что ji 'шов' восходит к синкретичной основе jed- ~ jeđ- ~ jej- 'шить'; ср. jed-iš- 'шить с кем-либо' (ДТС, 252),

³ В свое время проф. Б.М. Юнусалиев в книге "Киргизская лексикология" ошибочно упрекал меня в смешении корневого -j с деепричастной формой -j, цитируя из двух параллельных форм приведенных мною dze-j-men и dżij-e-men первую, а не вторую, где именно и указывается на корневой j; в примере же dij-eg он сам ошибочно принимает коренной j за формант деепричастия, в то время как форма dij-eg является причастием на -at/-et/-t от глагола dij- 'говорить' (Юнусалиев 1959, с. 49–50).

jed- 'шить', *jej- ~ jij- 'шить' и 'шов'. В таком случае кыпч. džik ~ žik 'шов' является более поздними производными žij-ik > ži:k > žik.

Корневая морфема ju- 'мыть' (ДТС, 277) с производными juγ-čy 'моющий', jumaq 'мытье', ju-n-yu 'мытье', ju:n-yu-q 'купание' и проч., как указывает последняя из производных форм, имеют этимологически долгий u:, наличный также в киргизском языке — džu:, соответствующий в казахском, каракалпакском и других кыпчакских языках дифтонгоиду uw (ср. ккалп. žuw- ~ džuw-), который исторически восходит к γ. Ср., например, хак., абак. juγ-. Таким образом, развитие этой корневой морфемы последовательно представлялось как juγ- > juw- > ju: > ju, а ее производных — juγ-čy < juγ-yu-čy ~ juw-uw-čy 'моющий'; jun-yu < juγ-un-yu 'мытье'; ju:n-yuq < juγ-un-yu-q 'купание' и т.д.

Корневая морфема jü: 'сок' (ДТС, 283) имеет долгий ü:, который либо является результатом стяжения гласного с согласным, либо данная корневая морфема заимствована из других языков. Менее вероятно этимологическая связь морфемы ju: с башк. hüt 'сок' ~ süt 'молоко' в других тюркских языках.

Корневая морфема kö ~ kü 'молва, весть' (ДТС, 311, 322) является, безусловно, общей с kü: 'слава, молва' (ДТС, 324), а также с күg-kü (ДТС, 324). Из указанных вариантов данной морфемы наиболее древней основой является күg, из которой и произошли более поздние варианты kü: > > kü ~ kö, ср. производящую основу: күg-ät-tür- 'хвалить, прославлять' (< күg-äd-tür-) и проч.

Корневая морфема qa- 'складывать' (ДТС, 399) иллюстрируется двумя текстовыми примерами из Словаря Махмуда Кашгарского: ol ešička otuq, qady 'он сложил дрова в очаг' (МК III, 249) и ol tonuγ qady 'он сложил одежду' (МК III, 249), которые позволяют предполагать здесь явление ассимиляции, подобное тому, которое встречается в современном алтайском (ойротском) языке в словах типа otlā- > ot-tā- > ota- > oda- > odo- 'пропалывать, полоть' (в производном глаголе от ot 'трава'). Основа qa- в приведенном примере qady 'сложил', по-видимому, является результатом стяжения qatdy > qatty > qaty > qady, т.е. восходит к фонетически более полной коревой морфеме qat- складывать, класть, что подтверждается также и тем, что такая основа с весьма близким значением qat- 'примешивать, присоединять' (ДТС, 432) существовала в древнетюркском с соответствующими производными, например залоговыми формами qat-yl- 'присоединяться' (ДТС, 434), в то время как производные от основы qa- как залоговые, так и иные отсутствуют. Основы же типа qal- 'оставаться' (ДТС, 410), qar- 'смешивать, подавиться, переливаться через край' (ДТС, 322), qaz- 'копать' (ДТС 439) не могут быть интерпретированы как залоговые формы от qa- 'складывать'.

Корневая морфема sa- 'считать' (ДТС, 478) является параллельной ко второй коревой морфеме с тем же значением — saq- 'думать, считать, принимать, за что-либо' (ДТС, 486). Из сопоставления этих морфем можно сделать вывод о первичности морфемы saq-, как наиболее древней, сохранившей полный фонетический облик. Подтверждением этого служат также общие производные, например saq-un- ~ saγ-un- 'думать, размышлять' и парная к ней форма san- 'думать', раздумывать, считаться, причисляться, которые в сочетании составляют парное слово san-saqyn: etär bolsañ, isni

sanur-saɣunur et 'если хочешь совершить (какое-либо) дело, делай подумав' (ДТС, 483). В качестве парного же слова используются сочетания san (туркм. sa:n) 'число' и saɣuʃ 'счет, число, счисление'; ср. san saɣuʃ 'счет': ol edgü qylynç sanu saɣuʃu joq 'тому доброму делу нет числа, это бесконечно хорошее дело' (ДТС 483). Нет сомнения, что корневая морфема глагола sa- 'считать' представляет собой результат фонетического развития корневой морфемы saq- ~ saɣ- > sa:- > sa-, а глагол 'думать, обдумывать, считаться' — результат стяжения основы saq- up- ~ saɣ-up- > sa:n- > san-. Тем же стяжением можно объяснить и морфему san (туркм. sa:n) 'число, количество', от которого позже образовалась глагольная основа san-a- < san-(n)a- < san-la-.

Корневая морфема su- 'ломать, переламывать, разбивать, побеждать (врага)' с производными su-n- 'ломаться, разбиваться' (ср. туркм. su:n- 'ломаться'), syuɣ 'сломанный, разбитый, разрушенный' (туркм. sy:ɣuɣ 'сломанный') используется параллельно с другой корневой морфемой — syq- 'давить, жать, ломать' (ДТС, 504) 'разрушать' (Радлов, III, 1906). Наличие в древнетюркском производного слова syj-uq 'обломок' (ДТС, 503) позволяет установить происхождение корневой морфемы su- из syq- (при встречающемся соответствии конечного q ~ j), а производных su-n- 'ломаться' — из туркм. su:n- < syɣ-up- < syq-up-.

Корневая морфема su- 'тянуть, протягивать' (ДТС, 512) представляет собой сокращенный разговорный вариант более полной морфемы sun- 'протягивать, ощупывать' (ДТС, 514) с производными sun-ɯl- 'протягиваться, быть протянутым' и sun-uʃ- 'протягивать друг другу' (ДТС, 514).

Корневая морфема ti- ~ te- 'говорить' (ДТС, 545) — результат фонетического развития более полной формы с конечным j, о чем свидетельствует наличие долготы в туркм. di:- ~ dij- 'говорить' и дифтонгоида в як. die-. Конечный j восстанавливается также в некоторых производных формах этого глагола в других языках; ср., например: в каракалпакском наряду с формой будущего времени de-r 'он будет говорить' встречается и форма dij-er в том же значении, в новоуйгурском — dej-iʃ, имя действия от глагола demäk 'говорить', в древнетюркском — tej-iʃ- 'говорить между собой' (ДТС, 549).

Корневая морфема tu- 'закрывать, преграждать' (ДТС, 584) с производными tu-ɣ 'преграда', tu-n-возвр, от tu- 'быть занесенным, заложенным', tu-l- страд. от tu- 'быть прегражденным' и др. генетически является результатом фонетического развития корневой морфемы tyd- ~ tyt- ~ tyɖ- ~ tyj- ~ ty:- ~ tu:- > ty- ~ tu- 'задерживать, удерживать, ограничивать' (ДТС, 565) с производными tyd-yɣ ~ tyɖ-yɣ ~ tyt-yɣ 'препятствие, помеха' (ДТС, 565); tyd-yl- ~ tyɖ-yl- ~ tyt-yl- страд. от tyd- 'прекращаться, задерживаться, удерживаться' (ДТС, 565–566), tyd-yn- ~ tyɖ-yn- ~ tyt-yn- 'удерживать себя' (ДТС, 566). Таким образом, корневая морфема tu- < tu:- < tuj- ~ tyɖ- ~ tud- ~ tut- > tyj- ~ tyɖ- ~ tyt- 'задерживать, преграждать'; tuɣ 'преграда' < tuj- uq 'замкнутый, закрытый' (ДТС, 585) ~ ~ tyd-yɣ 'препятствие, помеха' (ДТС, 565); tuɯl- < tuj-yn- ~ tud-yn- ~ ~ tyɖ-yn- ~ ~ tyt-yn- (ДТС 566); tu-l- 'быть прегражденным' < tu:l- ~ tud-ul- ~ ~ tud-yl- ~ tyɖ-yl- ~ tut-yl 'прекращаться' и проч.

Корневая морфема tü 'волосок' восходит к более полной основе

tüg ~ tük 'волосы, шерсть' (ДТС 594, 595), возможно, через переход
tüg ~ tük > tuj ~ tü: ~ tü.

Корневая морфема не 'что' восходит к более полной основе пең 'вещь, нечто, что-то'.

Итак, все корневые морфемы типа Г и СГ, представленные в древнетюркском языке, восходят к фонетически более полным вариантам с конечным согласным, т.е. Г < ГС и СГ < СГС.

КОРНИ ТИПА (С) ГС

Кони типа (С) ГС < СГС тесно связаны с проблемой так называемых протетических согласных w, j, h в анлауте, в отношении которых существуют две основные теории их происхождения. Первая — господствующая — признает их вторичное, неэтимологическое, позднее происхождение, т.е. считает их вставочными, протетическими согласными и объясняет их вставку либо наличием дифтонгоидных призывков анлаутного гласного (Radloff, 1882, с. 167), либо наличием анлаутного придыхательного приступа и инкурсии под влиянием сандхи (Ramstedt, 1915, с. 73; Serebrennikov, 1966, с. 57). Вторая же исходит из того, что в большинстве случаев начальные согласные w, j, h в тюркских языках являются этимологически древними согласными, исконно присутствовавшими на ранних стадиях развития консонантизма и вокализма и исчезнувшими в большинстве тюркских языков по мере затухания и ослабления анлаутного консонантного элемента, но сохранившими следы исчезновения либо в виде дифтонгоидных элементов, например в диалектах каракалпакского, казахского, ногойского и других языков, либо в виде долготы анлаутного гласного, например, в туркменском и других языках (Баскаков, 1952, с. 55; Рясенен, 1955, с. 214), либо во вторичном появлении их в связи с воздействием и влиянием соседних языков, например в гагаузском языке под влиянием соседних славянских языков или в диалектах узбекского под влиянием иранских языков.

Наиболее последовательно анлаутные согласные v ~ w, j, h выражены в чувашском языке (Pallo, 1961, p. 33), а аналаутный согласный h — в халаджском (Doerfer, 1971) и некоторых диалектах азербайджанского, узбекского и уйгурского языков. В чувашском языке характерно наличие в анлауте сочетаний vü, vi, jy, ji, а в большинстве других тюркских языков следующее: vü > o:, "ö, ö ~ u; vi > ö:, "ö, ö ~ ü; jy > a:, a ~ y; ji > e ~ i. В халаджском же языке, как утверждает Г. Дёрфер, в анлауте "сохраняется h, который в конечном итоге, как это показывают примеры из других алтайских языков, восходит к пратюркскому *p" (Дёрфер, 1972, с. 74). Значительны следы анлаутных согласных v ~ w, j, h и в языках и диалектах Юго-Восточной Европы.

Анлаутные согласные v ~ w, j, h в тюркских языках имеют различное происхождение; некоторые из них, безусловно, вторичны, возникшие в результате протезы, другие представляют собой результат восстановления в анлауте древнего консонантного звука под влиянием воздействия соседних языков.

Как отмечалось выше, статистические данные указывают на то, что характерной и господствующей как в древних, так и современных тюркских

языках структурой тюркского корня является трехфонемная структура типа СГС, т.е. состоящая из согласного, гласного и согласного (Баскаков, 1973, р. 2). Совершенно закономерно, что корни, утратившие один из элементов своей структуры, сохраняют следы этой утраты либо в виде приступа или дифтонгоидных элементов типа каз. ^hat 'имя', ^uot 'огонь', ^uöt 'желчь', либо в виде долготы последующего гласного типа туркм. a:t 'имя', o:t 'огонь', ö:t 'желчь'. А иногда утраченные анлаутные согласные корневой морфемы в силу некоторых внутренних или внешних закономерностей могут восстанавливаться в соответствующих первичных или вторичных согласных или реализоваться под влиянием внешних импульсов в виде слабых согласных $v \sim w, j, h$, что мы и наблюдаем в некоторых языках.

Восстановление начального консонантного элемента в виде реализующихся слабых согласных $v \sim w, j, h$ является общим для многих тюркских языков всех ареалов. Они возникают чаще в связи с воздействием соседних языков, которые в известных условиях служат катализатором или импульсом для восстановления начального консонантного звука в основах, утративших консонантное начало.

1. Анлаутный $v \sim w$ или его дифтонгоидный вариант $v \sim w \sim u \sim ü$: аз., тур. *vurgu* (*urgu*) 'ударение', *vur-* (*ur-*) 'бить'; уйг. *voruř* (*örpüř*) 'поцелуй' (Рясянен, 1955, с. 167); узб. диал. *vajuw* (*ajuw*) 'медведь'; *vata* (*ata*) 'отец'; *vat* (*at*) 'конь', *valty* (*alty*) 'шесть', *vač-* (*ač-*) 'открыть', *vař* (*ař*) 'пища', *von* (*on*) 'десять', *vottuz* (*ottuz*) 'тридцать', *vördäk* (*ördäk*) 'утка', *vulum* (*ulum*) 'мой сын', *vuzyn* (*uzyn*) 'длинный', *vüj* (*üj*) 'дом', *wüč* (*üč*) 'три', *vüslä-* (*üslä-*) 'держат', *vüčün* (*üčün*) 'для' (Ахмедов, 1962; Шербак, 1965, с. 179); ккалп. ^uoq (*oq*) 'стрела', ^uoj (*oj*) 'мысль', ^uorun (*orun*) 'место', ^uös- (*ös-*) 'рости', ^uöt- (*öt-*) 'проходить', ^uöšür- (*öšür-*) 'погасить' и проч. (Баскаков, 1952, с. 32).

Те же дифтонгоидные элементы представлены в тех же позициях, т.е. перед начальными широкими губными гласными *o* и *ö*, например, в ногайском (Баскаков, 1940, с. 8) и казахском языках. В казахском языке, как это проверено экспериментальными исследованиями, гласные *o* и *ö* имеют *w*-образное начало, а гласный *e* — *j*-образное. Начальные *w, j* достигают 30—40% общей длительности гласных; например, казахское слово *on* 'десять' на русский слух воспринимается как *von* (Джунисбеков, 1969, с. 70).

Ярко выражено это явление, и в языках Юго-Восточной Европы, в частности в гагаузском: ^uon (*on*) 'десять', ^uo:lu (*o:lu*) 'сын', ^uodun (*odun*) 'дрова', ^uotuz (*otuz*) 'тридцать', ^uöküs (*öküs*) 'бык', ^uöldü (*öldü*) 'он умер', ^uördek (*ördek*) 'утка', ^uörtü (*örtü*) 'крыша', ^uosa (*osa*) 'а это, оказывается', ^uun (*un*) 'мука', ^uuřtum (*uřtum*) 'я полетел' (Покровская, 1964, с. 44).

2. Анлаутный согласный *j* или его дифтонгоидный вариант $j \sim i$: др.-тюрк. *jamrak* (в др. языках *amrag*) 'любимый, возлюбленный', *jäm* (*äm*) 'лекарство', *juza-* (*yuz-*) 'убегать', *juz* (*yuz*) 'музыка, пение', *jig* (*ig*) 'блезнь', *jidiz* (*idiz*) 'высокий', *jil-* (*il-*) 'привесить', *jınčka* (*inčka*) 'тонкий', *jir* (*ir*) 'север' (Gabain, 1950, р. 52); кбалк. *jeřik* (*eřik*) 'дверь', *jögüz* (*ögüz*) 'вол', *jüč* (*üč*) 'три', *jet-* (*et-*) 'делать', *jeski* (*eski*) 'старый' (Рясянен, 1955, с. 164; Акбаев, 1963, с. 31); аз. *jalo* (*alaw*) 'огонь', *jähär* (*äjär*) 'седло'; тур. анатолийск. *jiry* (*ik*) 'веретено'; кар. *jäsir* (*äsir*)

'пленник', juv' (üv') 'дом', jur'at' (ürat) 'учение', jördäk (ördäk) 'утка'; с.-юг. jim (jum ~ üm) 'штаны' (Рясянен, 1955, с. 164); ккалп. ¹er (er) 'мужчина, муж', ¹eki (eki) 'два', ¹endi (endi) 'теперь', ¹en, (en) 'очень', ¹el(el) 'страна', ¹esik (esik) 'двери', ¹ert- (ert-) 'водить', ¹emen (emen) 'дуб', ¹egew (egew) 'напильник' (Баскаков, 1952, с. 31, 45).

Последовательно отражено это явление в гаузском языке ješek (ešek) 'осел', jekin (ekin) 'посев', jekmek (ekmek) 'хлеб', jel (el) 'рука', jerik (erik) 'слива', jet (et) 'мясо', jev (ev) 'дом', jökçe (ökçe) 'пятка', jöküz (öküz) 'бык', jöl-(öl-) 'умирать', jölč- (ölč-) 'мерить', jör-(ör-) 'плести', jöt (öt) 'желчь', jič- (ič-) 'пить', jirin (irin) 'гной', jiz (iz) 'след', jin- (in-) 'спускаться', jüren-(üren-) 'учиться', jular (ular) 'поводья', jürk- (ürk-) 'пугаться, шарахаться', jüst (üst) 'верх', (Дмитриев, 1955, с.267); jerken (erken) 'рано', jerin (erin) 'губы', jetek (etek) 'подол', ješ (eš) 'друг', jerkek (erkek) 'мужчина', jilik (ilik) 'первый', jis (iš) 'дело', jön (ön) 'перед', jöpmäa (örpmäa) 'целовать', jörtü (örtü) 'крыша', jözek (özek) 'ядро', jüč (üč) 'гри' (Гафаров, 1969, с. 2).

3. Анлаутный согласный h : реализация элемента h в словах с начальным гласным характерна в той или иной степени для многих тюркских языков: халадж. här (är) 'мужчина', hadaq (adaq) 'нога', hat (at) 'лошадь', hüdžüm (üdžüm) 'виноград', hoograх (oraq) 'серп', huot (ot ~ o : t) 'огонь', häv (ev) 'дом', hašux (ašux) 'горький', hagač (aγač ~ juγač) 'дерево', huočaқ (očaқ) 'очаг', hur- (ur- ~ vur-) 'бить', hüüol (öl ~ höl) 'мокрый' (Doerfer, 1971; 1972, с. 94); тур. huçqurmaq (uçqurmaq) 'рыдать', hyryldamag ~ hyrlamag (uryldamag) 'ворчать, рычать', hajdy (ajdy) 'айда!' (Севортян, 1966, с. 55); кум. hiz (iz) 'след', hökünmek (ökünmek) 'раскаиваться'; hajva (ajva) 'айва' (Дмитриев, 1940, с. 16); ср-тюрк. hata (ata) 'отец', hana (ana) 'мать'; туркм. hindži (indži) 'жемчуг'; кар. harzala-(arzala-) 'желать' (Дмитриев, 1955, с. 286).

Анлаутный h последовательно представлен в тюркских языках Юго-Восточной Европы: тур. (македонские говоры) halbette (albette) 'конечно', hambar (ambar) 'амбар' (Рясянен, 1955, с. 31); гар. hajγur (ajγur) 'жеребец', hobu (obur) 'жадный', holuk (oluk) 'корзина, желоб', hendežä (endežä) 'локоть, мера длины', ha:džemi (adžemi) 'дикий', hangy (angy) 'какой, который', hany (any) 'кторый', hodžag (odžag) 'очаг', hasta (asta) 'больной', hadet (adet) 'обычай', hajva (ajva) 'айва', harap (arap) 'араб', hambar (ambar) 'амбар', harmut (armut) 'груша', hašča (ašča) 'деньги', hašxana (ašxana) 'кухня' (Дмитриев, 1955, с. 286); гарпа (арпа) 'ячмень', halma (alma) 'яблоко', hajurma : (ajurma:) 'выбирать', hajlaq (ajlaq) 'свободный', horuč (oruč) 'пост', hislemää (islemää) 'работать', hen (en) 'самый', he:r (e:r) 'если' (Покровская, 1964, с. 72).

Отмечая последовательное наличие h в анлауте слов в халаджском языке, Г. Дёрфер приходит к выводу, что начальный h восходит к пратюркскому *р. "Не думаю, — пишет он, — что халадж. h можно объяснять иначе, чем из древнейшего (диалектного древнетюркского или предшествующего ему состояния) h — пратюркск. *р. (Дерфер, 1972, с. 95). К выводу Г. Дерфера можно добавить, что начальный h является не только результатом фонетического развития *р/*b ~ f/v ~ v/w > h > 0, т.е. закона Рамстеда—Пельо, но и результатом воссновадения консонантного элемента в связи с развитием тюркского вокализма первого слога, т.е. закономерностей

образования анлаутных гласных из сочетаний $v_{\text{ч}} > o$; $^u o, o \sim u$; $v_{\text{ч}} > \ddot{o}$; $^u \ddot{o}, \ddot{o} \sim \ddot{u}$; $j_{\text{ч}} > a$; $^a a, a \sim y$; $j_{\text{ч}} > e \sim i$, по которым начальный h мог возникнуть как субститут консонантного начала v или j .

Что же касается начальных $v \sim w, h, j$, то они, безусловно, представляя-ют собой рефлексы тех же древних консонантно-вокалических сочетаний $v_{\text{ч}}, v_{\text{ч}}, j_{\text{ч}}, j_{\text{ч}}$, возможно восходящих к более древним сочетаниям с более сильным консонантным элементом.

Варьирование, т.е. наличие или отсутствие, начальных $v \sim w, j, h$ в анлауте тюркских слов, имеющих в большинстве современных тюркских языков вокалическое начало, объясняется общей тенденцией утраты этих звуков и в тех случаях, когда начальные $v \sim w, j, h$ являются нормой для некоторых конкретных языков. Так, например, тенденция исчезновения начального этимологического j характерна для многих современных тюркских языков, например:

аз. *igit* < *jigit* 'юноша'; *ilan* < *jylan* 'змея'; *ily* < *jyly* 'теплый'; *ilxy* < *jylxy* 'табун лошадей'; *ut-* < *jut-* 'глотать'; *ulduz* < *julduz* 'звезда'; *ürek* < *jürek* 'сердце'; *üzük* < *jüzük* 'кольцо'; *üz-* < *jüz-* 'плавать'; *üz* < *jüz* 'лицо' (Акбаев, 1963, с. 117);

кар. луцк. *ix-* < *jyk-* 'размолоть'; *irt-* < *jyrt-* 'разорвать'; тракайск. *illar* < *jyllar* 'годы'; *igit* < *jigit* 'юноша'; крымск. *öksek* < *jüksek* 'высоко' (Рясянен, 1955, с. 164);

тур. *irin* (узб. *jirin*) 'гной'; *iri* (узб. *jirik*) 'крупный'; *iraq* (узб. *jirāq*) 'далекый'; *ili* ~ *ilik* (кирг. *žylu:*) 'теплый'; *ig, igi* 'прялка' (узб. *jigirmāq*) 'прять', *ip* (кирг. *žip*) 'веревка'; *ipek* (кирг. *žibek*) шелк; *aglamaq* (узб. *jyylamaq*) 'плакать'; *agač* ~ *žyγac* 'дерево' (Севортян, 1955, с. 55);

сев.-вост. анатолийск. диалекты: *ilan* < *jylan* 'змея'; *üzmek* < *jüzmek* 'плавать';

среднеанатолийск. диалекты: *üzik* < *jüzük* 'кольцо'; *üdže* < *jüdže* 'высоко';

сев.-вост. болгарск. диалекты турецкого языка: *edi* ~ *jedi* 'семь'; *etmis* < *jetmis* 'семьдесят' (Рясянен, 1955, с. 165);

кбалк. *aхšy* < *jaхšy* 'хороший'; *aman* < *jaman* 'плохой'; *оуагу* < *јоуагу* 'верхний' (Акбаев, 1963, с. 116).

Из этих примеров следует, что для тюркских языков характерно явление исчезновения j в анлаутской позиции, что эта тенденция господствует и в современных тюркских языках.

То же можно сказать и о тенденции ослабления анлаутных губного согласного $v \sim w$ и ларингального h , которые закономерно исчезают либо через посредство перехода $p/b, \sim f/v \sim v/w > h > 0$, т.е. по так называемому закону Г.И. Рамседта—Пельо (например: чув. *byr-* > аз. *vur-*, ст.-узб. *hur-* > в других тюркских языках *ur-* 'бить, бросать'; чув. *vyl* > > с.-юг. *gol* ~ *hol* > в других языках *ol* ~ *ul* 'он'; чув. *vüdyr* > халадж. *hotuz* > в других тюркских языках *ottuz* ~ *otuz* 'тридцать'; чув. *vyrman* > > туркм. диал. *horman* > в других тюркских языках *orman* ~ *urman* 'лес'; чув. *vir* > уйг. *hür-* > в друг. *ür-* ~ *üür-* 'дуть'; чув. *vil* > узб. *höl* > в др. языках *öl* ~ *höl* 'мокрый'), либо непосредственно через $p/b \sim f/v \sim v/w > 0$ (например: каз. и др. *bol-* > тур. *ol-* 'быть'; каз. и др. *böl-* > в др. языках *öl-* ~ *ül-* 'делить'; каз. и др. *baqyr-* > тат. *aqyr-* 'кричать'; др.-тюрк. *bod* ~ *boz* ~ *boj* > в соврем. языках *öz* 'сам'; чув. *pyğar-* > в других

языках osur- 'пускать ветры'; монг. bod-ox 'думать' > в тюркских языках о j 'дума').

Те же закономерности характерны и для всей алтайской семьи, ср. например: монгор. fuguor > чув. vugur > монг. hūker > эвенк. xukur > уйг. hōküz > в других тюркских языках ögüz 'бык'; маньчж. fomon (< *fojiman) 'портянка' > монг. hojmasun > тюрк. oĵma 'чулок'; гольд. ruj-si 'вариться, кипеть', rujur- 'кипятить' > маньчж. fuji > тунг. huj-i, ~ huj-u > монг. üji (Doerfer, 1963), каз., ккалп. üjir- 'кипеть, вскипеть (о кумысе)'.
Выпадение слабого анлаутного согласного h характерно также для якутского языка при закономерности s > h > 0, например: sekkiz ~ segiz > башк. higid > як. аҕус 'восемь'; suw ~ suy > башк. hyw > як. uu (монг. usn) 'вода'; sūt > башк. hūt > (монг. hü) > як. ü:t 'молоко'; semiz > башк. himiz > як. emis 'жирный'; sajyn > башк. hajyn > як. a:ju 'каждый'; sal > башк. hal (монг. hala) > як. aal 'плот'; say- ~ saw- > башк. haw (монг. haa-xa) > як. ya- 'доить'; satuw > башк. hatyw > як. aty: 'торговля'; sen > башк. hin > як. en 'ты'; siŋ- > башк. hiŋ- > як. iŋ- 'впитывать'; soyuŋ- > башк. huŋyŋ > як. oŋus- 'ударяться'; söz > башк., hüŋ > як. ös 'слово'; sünek ~ süjek > башк. hüjäk > як. ичүөх 'кость'.

Таким образом, учитывая общую тенденцию ослабления и исчезновения слабых этимологических согласных v ~ w, j, h в анлауте, а также господство характерной для тюркских языков структуры корневой морфемы, состоящей из СГС, можно сделать общий вывод, что рудименты консонантного анлаута, сохранившиеся в некоторых тюркских языках в виде слабых согласных v ~ w, j, h или дифтонгоидных приступов в словах, имеющих в большинстве современных тюркских языков вокалическое начало, представляют собой следы этимологических согласных v ~ w, j, h, которые, как это подтверждается некоторыми фактами, могли восходить к более сильным согласным: p/b ~ f/v; n' ~ dj/tj; k/g. Следовательно, так называемые протетические согласные v ~ w, j, h, как это отмечал ранее Т. Ковальский (Kowalski, 1933, с. 22) в отношении звука j в тюркских языках Юго-Восточной Европы, не являются вставочными (~ протетическими), а представляют собой рудименты этимологических согласных, исторически восходящие к различным более сильным согласным. Соседние же неродственные языки служили лишь катализаторами или импульсами для их реализации в виде консонантных элементов.

В отношении корневых морфем типа (С)ГС можно сделать общий вывод о том, что начальный согласный в них редуцировался в результате постепенного ослабления и перехода сильных согласных сначала в слабые w ~ v, j, h, затем в дифтонгоидные элементы или придыхательные приступы, которые позже образовали долготу анлаутного гласного, перешедшего еще позже в полудолгий и, наконец, нормальный по долготе гласный.

На основе приведенного выше фактического материала мы можем констатировать, что во многих словах, начинающихся в большинстве тюркских языков на гласный, чувашский язык имеет в анлауте согласные j, w, h, которые в некоторых языках, например казахском, ногайском, каракалпакском, гагаузском, замещаются дифтонгоидным элементом перед анлаутными гласными (^uo, ^uö, ⁱe) или слабым гортанным присту-

пом перед другими гласными (‘а, ‘у, ‘і, ‘у, ‘ў), а в некоторых языках, например туркменском, анлаутный гласный переходит в соответствующий долгий гласный.

Так, чувашскому сочетанию ‘j + гласный” в других тюркских языках соответствуют:

сочетание $j_{\zeta} < \begin{matrix} ya \sim a: \sim a \\ y \sim u \end{matrix}$: чув. $j_{\zeta}an \sim j_{\zeta}an$ > туркм. а:га, каз. ага ~ тат. узан ‘межа’; чув. $j_{\zeta}yys' \sim j_{\zeta}yys'$ ст.-узб. жуащ, уйг. жуащ, туркм. а:уащ, каз. ауащ, др.-тюрк. ууащ, тув. ујащ, як. уас ‘дерево’;
сочетание $j_{\zeta} \sim j_{\zeta} > y \sim u$: чув. $j_{\zeta}n (a\check{s}) \sim j_{\zeta}n (a\check{s})$ -, туркм. уң(гап)-, як. ун (сүгта)-, тат. уң (ураш)-; ккалп. уң(et)-~уң(qылда)- ‘стонать’;

сочетание $j_{\zeta} < \begin{matrix} e \\ i \end{matrix}$: чув. $j_{\zeta}ik_{\zeta}res$, аз., туркм. ekiz, каз. i egiz, алт. egis ~ тат. ikizäk, як. ikir, хак. ikis, др.-тюрк. ikiz ‘двойня’;

сочетание $j_{\zeta} > i \sim \begin{matrix} i \\ i \end{matrix} \sim y$: чув. $j_{\zeta}ir$, туркм. у:z, каз. iz, кирг. iz ‘след’.
Чувашскому сочетанию ‘v + гласный” в других тюркских языках соответствуют:

сочетание $v_{\zeta} < \begin{matrix} uo, o: \\ u \end{matrix}, \begin{matrix} uo, o \end{matrix}$: чув. $v_{\zeta}urman$, каз. uorman, тат. urman ‘лес’;
чув. $v_{\zeta} > v_{\zeta}$ (ср. $v_{\zeta}yly \sim v_{\zeta}yly$ ‘ствол, дуло’; $v_{\zeta}alt \sim v_{\zeta}ult$ ‘обманывать’); чув. $v_{\zeta}ut$, туркм. о:t, каз. uot ~ тат. ut ‘огонь’; чув. $v_{\zeta}un, v_{\zeta}una$ > туркм. о:n, каз. uon ~ тат. un ‘десять’;

сочетание $v_{\zeta} > u, u$: чув. $v_{\zeta}urax$, кз. uraq ~ тат. uzaq далеко;

сочетание $v_{\zeta} \sim v_{\zeta} < \begin{matrix} uo, o: \\ u \end{matrix}, \begin{matrix} uo, o \end{matrix}$: чув. $v_{\zeta}i\check{s}$, туркм. о:щ, тур. oщ, каз. uos ~ тат. uш, башк. us ‘месть’; чув. $v_{\zeta}il$ > як. uol-, ккалп. ol-, тур. ol- ~ тат. ul- ‘умереть’;

сочетание $v_{\zeta} > u, u$: чув. $v_{\zeta}ir$ > туркм. ur- ~ hür-, каз. ur- ~ тат. ur- ‘ляять, выть’.

Сочетания $j_{\zeta}, j_{\zeta}, v_{\zeta}, v_{\zeta}$ с начальными слабыми согласными j и v восходят к сочетаниям с более сильными согласными $j < c \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}$ и т.п. и $v < b/p \sim f$ и т.д. Ср., например: монг. bod-ox ‘думать’ > чув. $v_{\zeta}ujla$ > туркм. о : j-la-, каз. uoj-la- ~ тат. uj-la- ‘думать’; чув. $v_{\zeta}ysar$, ккалп. uosur-, в других языках osur- ~ тат. usur- ‘пускать ветры’; др.-тюрк. и в других языках bol- > чув. vales- > др.-тюрк. üle- ‘делить, распределять’; др.-тюрк. böğün- ‘уразуметь, понимать, постигать’, böğü ‘мудрый’ > ög ‘разум, мысль’, ögä ‘мудрый’; др.-тюрк. bük- ‘сгибать’ > eg- ‘сгибать’; монг. bürg-ex > др.-тюрк. ür-k- ‘пугаться’; др.-тюрк. qaraq > туркм. ga:r, каз. qar, чув. jur; туркм. qa:n > др.-тюрк. и в др. языках qan > чув. jun ‘кровь’; туркм. qa:l-, каз. qal- > чув. jul- ‘оставаться’.

Нельзя категорически утверждать, что во всех этих случаях согласные h, j, w были этимологически древними. Некоторые из них часто являются результатом воздействия других языков; например, j в анлауте многих слов в гагаузском и в других языках — результат воздействия славянских языков, h в анлауте слов халаджского, азербайджанского, туркменского, уйгурского и узбекского языков результат воздействия иранских языков, w ~ v в анлауте слов джушского диалекта узбекского языка и в некоторых других языках — также результат влияния иранских языков.

Однако здесь воздействие адстартных и субстратных, а также соседних языков и диалектов заключалось только в некотором импульсе восстановления этимологических согласных, которые исторически наличествовали в словах, имеющих в большинстве современных тюркских языков начальный гласный, так как все начальные гласные в словах имеют естественный приступ, реализующийся в виде элементов близких к согласным *h, j, w*, т.е. тех согласных, которые этимологически наличествовали в древности и могли восходить к соответствующим по артикуляции более сильным согласным *h, x, q* и проч.; *j, s', ñ, č, dž, z* и проч.; *w, f, p, b* и т.д. При этом восстанавливающийся начальный согласный не всегда соответствовал этимологическому согласному и чаще являлся характерным для тех адстартных или соседних языков, которые влияли на данный тюркский язык. Впрочем, Т. Ковальский считает, что протетический согласный *j* в тюркских языках Балканского полуострова и примыкающей к нему территории в большинстве случаев не является результатом славянского влияния, а относится к этимологическим согласным (Kowalski, 1933, с. 22).

Исчезновение в слове начальных согласных $j > 0, s > h > 0, v/b/p > 0$ и более сильных их субститутов характерно для некоторых языков и в тех случаях, когда в большинстве тюркских языков эти согласные, как правило, присутствуют; ср., например, исчезновение *j* в карачаево-балкарском языке (Акбаев, 1963): *amaп* вм. *jamaп* 'плохой', *Ahja* вм. *Jahja* — собств. муж. имя и т.п., или исчезновение *b/p* в начальной позиции в огузских и некоторых других языках в основах, например: *ol* 'быть' в турецком языке и *bul* ~ *bol* ~ *pol* в других языках; *ʊʒ* 'сам' в казахском языке и *boj* ~ *bod* ~ *bođ* ~ *boz* ~ *bos* в других языках; *oj* 'дума' в казахском языке и *bod* 'думать' в монгольском языке; *ʊosur* 'пускать ветры' в казахском языке и *rusar* в чувашском языке; *up* 'мука' в каракалпакском языке и *synux* в чувашском; *u*: 'вода' в якутском языке, *huw* в башкирском и *suу* в некоторых других языках.

Что же касается согласных $j \sim v$ в анлауте чувашских слов, соответствующих в других тюркских языках слоомам с гласным в анлауте, то можно предполагать, что большинство из них относится к более древним рудиментам консонантного начала слова. Они, как нам представляется, не могут быть отнесены к вставочным или так называемым протетическим согласным, хотя бы потому, что образуют некую систему соответствий, объясняющую некоторые, до сих пор не выясненные закономерности тюркского вокализма, и позволяют обосновать гипотезу о развитии вокализма в тюркских языках вообще.

Как это следует из соответствий сочетаний " $j \sim v +$ гласный $y \sim i$ " в анлауте чувашских слов гласным в анлауте других тюркских языков, а именно:

$$\begin{aligned} j y < \begin{matrix} a:, \text{ } ^y a, a \\ j y, y, u \end{matrix} & \text{ и } j i < \begin{matrix} e:, \text{ } ^i e, e \\ i:, i \end{matrix} \\ v y < \begin{matrix} o:, \text{ } ^u o, o \\ u \end{matrix} & \text{ и } v i < \begin{matrix} \ddot{o}:, \text{ } ^u \ddot{o}, \ddot{o} \\ \ddot{u} \end{matrix} \end{aligned}$$

процесс фонетического развития анлаута в тюркских языках мог идти только от сочетания в начале слова согласного с гласным к дифтонгоидным и

долгим, а затем полудолгим и, наконец, нормальным гласным типа а ~ у, е ~ и, о ~ у, ö ~ ü, а в связи с этим следует признать, что сочетания согласного и гласного типа jü, jî, vü, vî в анлауте чувашских слов являются более древними по отношению как к долгим, так и нормальным гласным анлаута других тюркских языков.

Если вторичные долгие гласные, как это признано всеми тюркологами, произошли из стяжения комплексов согласных и гласных, то, вероятно, все другие процессы, характеризующие соответствия комплексов согласных и гласных долгим, а затем и обычным гласным также происходили в том же направлении, т.е. более древним состоянием из этих соответствий следует считать комплексы согласных и гласных, затем средним состоянием — долгие гласные и поздним — полудолгие или обычные гласные. Из этого следует, что легче объяснить направление процесса развития чувашских комплексов jü, jî, vü, vî в соответствующие долгие гласные, а затем в полудолгие и обычные, т.е. jü > а: ~ у: > а ~ у; jî > е: ~ и: > е ~ и vü > о: ~ уо ~ °о > о ~ у; vî > ö: ~ üö > ö ~ ü, чем наоборот.

Предположения же о том, что процессы происходили в обратном направлении, т.е. от [а], который чисто гипотетически сужался (а > у), или, напротив, [у] расширялся (у > а), затем [а] или [о] получал в силу сандхи или каких-либо других причин дифтонгоидный °о, а затем превращался в согласный в, и [о] преобразовалось в сложный комплекс vü, — менее вероятны.

КОРНИ ТИПА СГСС и (С) ГСС < СГС + С и (С) ГС + С

Происхождение корней данных моделей связано с наращением к первичной структуре аффиксов словообразования. Статистические подсчеты корней этих моделей показывают, что последние образовались главным образом из первичных корней с конечным сонорным г или л + афф. -yt или -уq, реже -ç — остальные корни этих моделей, оканчивающиеся на другие согласные, представлены единичными примерами. Ср., например:

1) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -yt (побудительного залога): sürt- < sür- 'вести, водить', sürt-t- 'втирать'; kert- < ker- 'растягивать, натягивать', ker-t- 'надрезать, надирать' (< 'заставить растянуться'); qajt- < qaj- 'поворачиваться', qaj-t- 'возвращаться'; ert- < er- 'следовать' + t > er-t- 'проходить, миновать' (< 'заставить следовать');

2) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -yt (образующий имя от глагола): qurt < qur- 'соскабливать, брить, срезать' + yt > > qur-yt 'обрезок, короткий'; qart < qaru- 'стариться' + -yt > qar(y)-t > > 'результат старения > старик'; ast 'низ' < as- 'свешиваться' + -t > 'результат свешивания' > 'низ'; üst 'верх' < ös- ~ üs- 'расти' + t > 'результат роста > верх';

3) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -уq (образующий форму страдательно-возвратного залога): qoq- < qoqu- 'охранять, оберегать' + -q > qoq(y)-q- 'оберегаться, охраняться > бояться, пугаться';

4) корни < основы, состоящие из первичного корня + афф. -уq (восходящий к показателю многократности): quq- 'стричь' < qu- 'скоблить,

соскабливать' + -уq > quḡ(y)q- 'стричь'; julq- 'тащить, обирать' < jul- 'отнимать, захватывать' + -уq > jul-(y)q- 'обирать';

5) корень < основа, состоящая из первичного корня + афф. -уq/-ik результата действия: köḡk 'образ, красота' < köḡ- 'видеть' + -(i)k > > köḡ-(i)k 'то, что видно > образ'; aḡq 'висок' < aḡ- 'разделять, отделять' + -уq > aḡ-(y)q 'то, что разделено > висок'; öḡk 'узда' < öḡ- 'плести' + -ik > öḡ-(i)k 'то, что сплетено > узда'.

Некоторая часть корней типа СГСС ~ (С)ГСС представляет собой заимствования из других языков.

КОРНИ ТИПА СГСГ ~ (С)ГСГ и СГСГС ~ (С)ГСГС

Корни данной структуры представляют собой вторичные образования из первичных корней типа СГС с наращением и слиянием с мертвыми аффиксами словообразования. Корни этого типа образованы:

1) либо по типу монгольских, т.е. с наращением конечного гласного по модели, которая сохранилась для многих монгольских корней, соответствующих в тюркских языках модели СГС, например: тюрк. saḡ-, монг. saḡa- 'доить'; тюрк. bas-, монг. basu- 'давить'; тюрк. qoḡ-, монг. xopo- 'ночевать'; тюрк. ṣoḡ- ~ ṣoḡu- 'клевать, жалить', монг. ṣoḡi 'ударять'; тюрк. eḡ ~ äḡ, монг. eḡe 'муж'; тюрк. öḡ, монг. eke 'мать'; тюрк. tüḡ, монг. tüne 'ночь';

2) либо в результате слияния с аффиксами словообразования, например: quḡu 'колодец' < quḡ- ~ quḡ- ~ quḡ- 'лить' + афф. -уq, указывающий на предмет, связанный со значением данного глагола: quḡ-uq ~ quḡ-uq ~ ~ quḡ-uq > quḡ-u(q) 'колодец'; aḡa 'промежуток' < aḡ- 'отделять' (< jaḡ- 'разрубить') + афф. -а, указывающий на имя действия > aḡ-a 'промежуток'; qaḡa ~ монг. хаḡ ~ хаḡа 'черный', заимствовано из монгольского во втором варианте qaḡa < хаḡа, генетически связано с qaḡa- ~ монг. хаḡах 'видеть, смотреть' и qaḡaḡ 'зрачок', а затем qaḡa(q) 'зрачок' и qaḡa 'черный' по аналогии с aḡ 'белок глаза' и aḡ 'белый'; ср. также saḡu ~ saḡuḡ 'желчь' и 'желтый' < монг. saḡ 'желтый', которое связано с глаголом saḡ-aḡ 'жарить, поджаривать'.

Наличие двусложных корневых морфем типа СГСГ и (С)ГСГ, а также СГССГ и (С)ГССГ в монгольских и, реже, тюркских языках В.Л. Котвич объяснял различными причинами. Структурные типы корневых морфем СГССГ и (С)ГССГ, по его мнению, объясняются тем, что "алтайские языки стремились отделить друг от друга два согласных звука каким-нибудь гласным или же добавить гласный звук в конце слога, т.е. изменить тип (С)ГСС в (С)ГСГС или (С)ГССГ или, иначе говоря, образовать на месте одного слога два (Котвич, 1962, с. 36). В качестве примеров он приводит: тюрк. ärk, монг. erke 'сила, власть'; тюрк. quḡq, монг. qirḡa 'стричь овец'; тюрк. jurt-, монг. joḡči- 'ехать на коне' и проч.

Перманентные изменения структуры корня и их переразложение, вызванное внутренними средствами корнесложения или фузией корневых и аффиксальных морфем, объясняет наличие в каждом тюркском языке и в каждом хронологическом срезе корней различной структуры, но, как правило, при образовании новых корневых морфем последние имеют тенденцию формирования в односложную и реже двусложную структуру.

Таким образом, все типы корневых морфем в тюркских языках, генетически восходящие к единой структуре СГС, в процессе развития могут изменяться, образуя следующие модели.

Первичные корневые морфемы

А. Простые корни I. Закрытые 1. СГС 2. (С)ГС II. Открытые 3. СГ(С) 4. (С)Г(С)	Б. Усложненные III. Закрытые 5. СГСС (< СГС + С) 6. (С)ГСС (< (С)ГС + С) IV. Открытые 7. СГСГ (< СГС + Г) 8. (С)ГСГ (< (С)ГС + Г)

Последняя группа двусложных открытых корней (IV, 7 и 8), наиболее редкая структура, в подавляющей своей части представлена заимствованными корневыми морфемами из других неродственных языков.

Указанная выше структура первичных простых и усложненных корней исторически сложилась как из первообразных, первичных корней (СГС), так и в результате сложения из нескольких, чаще из двух первичных корней (СГС + СГС), отдельные элементы которых, в процессе образования новых вторичных корневых морфем, элиминировались. Причем структурные элементы вторичных корневых морфем складывались как из состава первой, так и из состава второй первичной корневой морфемы.

Таким образом, каждой первичной корневой морфеме соответствовали следующие структуры вторичных корневых морфем.

Вторичные корневые морфемы

Простые

- I. Закрытые
- 1₁ СГС = П₁ СГС [< СГ(С) + С(ГС) ~ (СГ)С + (С)ГС ~ СГ(С) + (СГ)С]
- 1₂ (С)ГС = П₂ (С)ГС [< (С)Г(С) + С(ГС) ~ (СГС) + (С)ГС ~ (С)Г(С) + (СГ)С]
- II. Открытые
- 1₃ СГ(С) = П₃ СГ(С) [< (СГ)С + (С)Г(С) ~ С(ГС) + (С)Г(С)]
- 1₄ (С)Г(С) = П₄ (С)Г(С) [< (СГС) + (С)Г(С)]

Производные

- I. Закрытые
- 1₅ СГСС = П₅ СГСС [< СГС + С(ГС) ~ СГС + (СГ)С]
- 1₆ (С)ГСС = П₆ (С)ГСС [< (С)ГС + С(ГС) ~ (С)ГС + (СГ)С]
- II. Открытые
- 1₇ СГСГ = П₇ СГСС [< СГ(С) + СГ(С) ~ СГС + (С)Г(С)]
- 1₈ (С)ГСГ = П₈ (С)ГСГ [< (С)Г(С) + СГ(С) ~ (С)ГС + (С)Г(С)]

Существуют также некоторые структурные типы более сложных корневых морфем, представляющих собой также сочетание двух первичных корней, сохранивших более полный состав элементов того и другого корня, т.е. развитие которых (выражающееся в элиминировании, утрате некоторых элементов) не достигло однослоговой структуры. К последним отно-

сятся, например, следующие структурные типы:

1. СГС + СГС	4. (С) Г (С) + СГС
2. (С) ГС + СГС	5. СГС + СГ (С)
3. СГ (С) + СГС	6. (С) ГС + СГ (С)

Фонетическая структура корня в тюркских языках лимитирована определенным сочетанием фонем. Причем инлаутный гласный в корне представлен в большинстве тюркских языков восемью фонемами: а, е, о, ö, у, і, и, ü, которые варьируют по языкам главным образом в отношении е ~ і, о ~ и, ö ~ ü, а в некоторых языках либо с добавлением новых фонем, например [ä], либо с сокращением вокализма под влиянием субстратных или адстратных языков. Что касается начального и конечного согласного, то для большинства тюркских языков наибольшую фонологическую значимость имеют следующие согласные.

*Для начальной позиции*⁴

I. Передние или губные согласные

1. p[b ~ v ~ m] ◊ b, v, f, w
2. m [~b]

II. Средние или среднеязычные средненебные согласные

1. j [~ dj/tj ~ (d/t) ~ dž/č ~ ž/š ~ dz/c ~ z/s ~ s' (~ n ~ n')] ◊ ž, z, c
2. t [~ d] ◊ d
3. č [~ š ~ s]
4. s [~ s ~ h ~ 0]
5. š [~ s]

III. Задние или заднеязычные задненебные согласные

1. k [~ g ~ q ~ γ ~ x] ◊ g, x

Для конечной позиции

I. Передние или губные согласные

1. p [~ b ~ w ~ v ~ f] ◊ b, v, f, w
2. m

II. Средние или среднеязычные средненебные согласные

1. j [~ d/t ~ δ/θ ~ z/s ~ r]
2. t [~ d] ◊ d
3. s [~ z] ◊ z
4. č [~ š ~ s ~ c] ◊ c
5. š [~ š ~ l]
6. z [~ r]
7. l
8. r
9. n

⁴Косая черта указывает на фонологическое единство или неразличение звуков. В квадратных скобках представлены фонологически неразличающиеся соответствия — позиционные или по диалектам. За ромбом даны вновь осваиваемые под влиянием других языков. В круглых скобках даны редкие, спорадические соответствия.

III. Задние или заднеязычные, задненебные согласные

1. q/k [~ γ/g ~ x] ◇ k, x
2. γ/g [~ w ~ j ~ 0] ◇ g
3. ŋ

Обозначая условно консонантизм переднего ряда через w, среднего ряда через j и заднего ряда через h, а вокализм корня через тире, можем получить все комбинации звуков, образующих корневую морфему:

w —	—w	w — w	j — w	h — w
j —	—j	w — j	j — j	h — j
h —	—h	w — h	j — h	h — h

Причем w, j, h реализуется в конкретных языках в виде следующих фонем и их аллофонов.

1. Начальные

- w = p [~ b ~ v ~ m] ◇ b, v, f, w
 j = j [~ dj/tj ~ d/t ~ dʒ/č ~ ʒ/š ~ dz/-z ~ z/s ~ s' ~ n/n'] ◇ ʒ, z, c
 t [~ d] ◇ d
 č [~ š ~ s]
 š [~ s ~ h ~ 0]
 š [~ s]
 n ◇ l, r
 h = k [~ g ~ q ~ ġ ~ x] ◇ x, g

2. Конечные

- w = p [~ b ~ w ~ v ~ f] ◇ b, v, f, w
 m
 j = j [~ d/t ~ δ/θ. ~ z/s ~ r]
 t [~ d] ◇ d
 s [~ z] ◇ z
 č [~ š ~ s ~ c] ◇ c
 š [~ s ~ l]
 z [~ r]
 l
 r
 n
 h = k [~ q ~ γ/g ~ x ~ h] ◇ q, g, x, h
 g [~ γ ~ w ~ j] ◇ γ
 ŋ

Если же считать, что корни типа w—, j—, h— и —w, —j, —h восходят к соответствующим трехзвучным корням, то все типы корневых морфем могут быть сведены к следующим фонологическим моделям:

w — w

1. p — p, p — m
2. [m — p]

w-j

1. p-t, p-j, p-s, p-č, p-š, p-z, p-l, p-r, p-n
2. [m-t, m-j, m-s, m-č, m-š, m-z, m-l, m-r, m-n]

w-h

1. p-k, p-γ, p-η
2. [m-k, m-γ, m-η]

j-w

1. j-p, t-p, č-p, s-p, š-p, n-p
2. [j-m, t-m, č-m, s-m, š-m, n-m]

j-j

1. j-j, j-t, j-s, j-č, j-š, j-z, j-l, j-r, j-n
2. t-j, t-t, t-s, t-č, t-š, t-z, t-l, t-r, t-n
3. s-j, s-t, s-s, s-č, s-š, s-z, s-l, s-r, s-n
4. č-j, č-t, č-s, č-č, č-š, č-z, č-l, č-r, č-n
5. š-j, š-t, š-s, š-č, š-š, š-z, š-l, š-r, š-n

j-h

1. j-k, t-k, s-k, č-k, š-k
2. j-γ, t-γ, s-γ, č-γ, š-γ
3. j-η, t-η, s-η, č-η, š-η

h-w

1. k-p, k-m

h-j

1. k-j, k-t, k-s, k-č, k-z, k-l, k-r, k-n, k-š

h-h

1. k-k, k-γ, k-η

В квадратных скобках даны вторичные возможные модели корневых морфем. Общее количество моделей корневых морфем в конкретных языках увеличивается за счет интерконсонантных гласных и соответствующих аллофонов консонантных элементов.

ИНДЕКС КОРНЕВЫХ МОРФЕМ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (по "Древнетюркскому словарю")

В индекс включены в алфавитном порядке основные корневые морфемы восьми типов, из них четыре типа первичных по своей структуре корней — 1. (C)Г(C), 2. СГ(C), 3. (C)ГС, 4. СГС и четыре типа вторичных — 5. (C)ГС + C, 6. СГС + C, 7. (C)ГС + Г и 8. СГС + Г.

Наибольшее количество корневых морфем представлено четвертым типом — СГС. Они даны с учетом фонетических соответствий как начальных так и конечных согласных корней. В индексе приведены только корни с начальными b, č, j, q/k, s, t и конечными č, γ/g, j, q/k, l, m, n, η,

p, r, s, š, t, z — все другие анлаутные и ауслаутные согласные корневых морфем представляют собой исторически закономерные соответствия, а потому корневые морфемы с ними как дериваты основных морфем в индексе отсутствуют. К таким соответствиям условно отнесены следующие.

1. Согласные в анлауте:

p/b ~ v/w ~ m
j ~ dž/č ~ dz/c ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ n ~ n'
č ~ š ~ s
s/z ~ θ/δ ~ s ~ s' ~ h ~ 0
t ~ d
q/ġ ~ k/g ~ x/ ~ h

2. Согласные в ауслауте:

p/b ~ v/f ~ w ~ m
j ~ d/t ~ θ/δ ~ s/z ~ r
t ~ d
s ~ z
č ~ š ~ s
š ~ l
z ~ r
q/ġ ~ k/g ~ x
γ/g ~ w ~ j ~ 0

3. Гласные в инлауте: e, i, o, u, ö, ü.

Корневые морфемы типа (C)ГC приведены на все анлаутные гласные — a, e, y, i, o, ö, u, ü — соответственно с теми же согласными в ауслауте — č, γ/g, j, q/k, l, m, n, ŋ, p, r, s, š, t, z. В переводе указаны только основные значения имен и глаголов. Корневые морфемы, имеющие общий фонологический состав, но различное происхождение, разделены косой линией.

Все приведенные корни даны в хронологических границах лексики, отраженной в "Древнетюркском словаре". Они не дифференцированы в отношении временной последовательности своего оформления, а потому в индекс включены как первообразные корни более древнего происхождения и, так и корни, сформировавшиеся позже, путем переразложения и фузии с аффиксами словообразования. Некоторые корни снабжены примечаниями либо о возможном их происхождении, либо о их вариативности. При каждом корне типов (C)Г(C) и CГ(C) дан восстановленный более полный фонетический состав их корневых морфем.

В связи с тем, что в индексе приводятся все потенциальные возможности корнеобразования указанными выше фонетическими средствами вокализма и консонантизма, вместо реально отсутствующих, но потенциально возможных моделей в индексе даются прочерки, хотя в некоторых случаях можно было бы привести эти модели из других тюркских языков, где данное фонетическое оформление корней существует.

Вторичные корневые морфемы типа (C)ГC + C и CГC + C приведены в индексе относительно полно, модели типа (C)ГC + Г и CГC + Г — только выборочно, поскольку в большинстве своем они являются заимствованиями из других языков. В индексе отсутствуют нехарактерные для тюркских языков современные типы корневых морфем, заимствованных из арабского, персидского, русского и других языков.

Индекс включает в себя абсолютное большинство корней основного

словарного состава лексики всех современных тюркских языков, хотя, возможно, и не охватывает весь состав корневых морфем древнетюркских языков.

Корни тупа (C)Г(C)

a-: қап а- 'остановиться' (о кро-
ви) < қап аҗ < қап јуу
у 'растение' < јиг
ö- 'думать' < ög < bög
u 'сон' < uj < ud
u- 'мочь' < uy < јун

Корни тупа СГ(C)

ba- 'связывать' < бау ср. туркм.
ba: γ < бау-уу 'связка'
bi 'кобыла, паук' < bij ~ bize
bu 'пар' < bu: < buw < буу
či 'роса' < čij < čig
ja 'лук' < ja: < јау
je- ~ ji- 'есть, кушать' < јij; ср. iјim
'корм'
ju- 'мыть' ju: < јuw < јуу
kö ~ kü 'молва, слава' < köj ~ küj <
< kög ~ küg
qa 'сосуд' < qar/ ~ 'складывать'
sa- 'считать' < сау; ср. сау-уш 'счет'
sy- 'ломать' < суу; ср. суу-ун; ср.
туркм. sy: n- 'ломаться'
su- 'тянуть' < suz- ~ soz-
te- ~ ti- 'говорить' < tij-; ср. туркм.
dij-
tu- 'закрывать' < тuj ~ tud
tü 'волосок' < түк

Корни тупа (C)ГC

a-
ac- 'открывать'
aγ ~ aw 'силок, охота'
aj- 'говорить' / ~ 'месяц'
al- 'брат' / ~ 'низ'
am 'vulva'
ap-уq 'дурной'
aγ 'зверь' / ~ 'сознание'
ap- 'брызгать'
aq- 'течь' / ~ 'белый'
ar- 'отделять'
as- 'вешать'
aš 'пища' / ~ 'увеличивать'

at- 'бросать' / ~ лошадь
az 'мало' / ~ 'заблуждаться'

e-

eš-kü 'коза'
eg- ~ eγ- 'сгибать'
ej 'вещь'
ek- 'сеять'
el 'рука'
em- 'лечить' / ~ 'сосать'
en- 'спускаться' / ~ 'ширина'
eγ 'щека'
ep 'дом' / ~ 'ловкость'
eg- 'быть' ~ 'следовать за'
es- 'дуть' / ~ 'пьянеть'
eš 'друг' / ~ -id 'слушать'
et- 'совершать' / ~ 'мясо'
ez- 'сдирать шкуру'

y-

yš- 'скрывать'
yγ -
yi -
yl-y- 'портиться'
ym -
yn-ya 'низкий'
yγ-ug- 'стонать'
yp -
yq-urmaq 'удушье'
yr-ya- 'двигать, трясти'
ys-ug- 'кусать'
yš- 'копать' / ~ -уу 'веревка'
yt- ~ yd- ~ yj- 'посылать'
yz ~ iz 'след'

i-

iš- 'пит' / ~ нутро
ig-id- 'поднимать'
ij- ~ id- 'посылать, следовать'
ik-ki 'два'
il- 'прицепит' / ~ 'спускаться'
im 'знак'

in 'пещера'
 in-ir 'рассвет'
 ip ~ ib 'дом'
 ir- 'вздрагивать'
 is-tä- 'искать, нюхать'
 iš 'дело'
 it- ~ id- 'следовать'
 iz 'след'

o-

oš-oj- 'выступать бугром' / ~ aq 'очаг'
 oγ-uš 'род, племя'
 oj ~ od 'низина'
 ol- 'быть' < bol
 om-yl- 'поднимать'
 on- 'выздаравливать'
 oγ- 'улучшаться' / ~ 'правый'
 op- 'хлебать'
 oq 'стрела' / ~ -y- 'звать, читать'
 ot- 'жать' / ~ -na- 'помещать'
 os-u 'вид, способ'
 oš —
 ot ~ od ~ oj 'бодрствовать' < bod
 oz- 'опережать'

ö-

öš- 'гаснуть'
 ög 'разум'; ср. bög-ün- 'уразуметь'
 öj ~ öd 'время'
 ök-ün- 'каяться'
 öl- 'умирать'
 öm 'штаны' / ~ -älä 'ползти'
 ön-lä- 'выступать'
 öγ 'цвет' / ~ 'линять' / ön-üs 'гор-
 тань'
 ör- 'целовать' / ~ -kä 'легкие'
 öγ- 'вязать' / ~ -t 'огонь'
 ös- 'расти' / 'пьянеть'; ср. es
 öš —
 öt ~ öd ~ öj 'время' / ~ 'желчь' /
 öz 'сердцевина' / ~ 'долина'

u-

uš- 'летать' / ~ 'конец'
 uγ-an бог
 uj- 'трамбовать' / ~ -u- 'спать'
 ul-la- 'связывать' / ~ -u 'большой'
 um- 'надеяться'
 un-ut- 'забывать'

uγ-га 'навзничь'
 ur ~ ub-u 'стыд'
 uq- 'понимать', ср. uq-us 'разум'
 ur- 'бить' / ~ -u 'зерно'
 us 'иметь жажду'
 uš 'сердцевина'
 ut- ~ ud- ~ uj- 'выигрывать'
 uz- 'идти за кем либо', ср. ut, er

ü-

üš 'три'
 üg-i 'молоть'
 üj = üt
 ük- 'собирать, накапливать'
 ül-ä- 'делить', ср. böl
 üm —
 ün 'голос'
 ün- 'пробивать отверстие'
 ür ~ üb дом
 ür- 'лаять, дуть'
 üs-t 'верх'
 üš- 'сверлить'
 üt ~ üd ~ üj 'дыра, отверстие'
 üz- 'рвать', ср. jüz 'сдирать'

Корни типа СГС

ba-

baš —
 baγ 'связка, оковы'
 baj 'богатый'
 bal 'мёд' / ~ -uγ 'рыба'
 bam —
 ban —
 baγ- 'рыдать' / ban- ~ man- 'шагать'
 bar —
 baq- 'смотреть'
 baγ- 'идти' / ~ 'есть, наличие'
 bas- 'давить'
 baš 'голова'
 bat- 'погружать'
 baz —

be-

beš —
 beg-lä- 'оберегать, беречь'
 bej-ük 'большой, высокий'
 bek 'крепкий'
 bel 'поясница' / ~ -ä- 'пеленать, увя-
 зывать'

bem —
 ben —
 beŋ-gü 'вечный', ср. men-gü
 ber —
 ber- 'давать'
 bes —
 beš 'пять' / ~ -ik 'колыбель'
 bet 'щека, лицо'
 bez ~ biz 'железа'

by-

byč- 'кроить', ср. bič
 byu —
 byj —
 byl-čuj- 'приплюснуться'
 bum —
 byn —
 byn, —
 byp —
 byq- 'быть неподвижным'
 byt-yš 'морщина'
 bys —
 byš- 'созревать'
 byt-uga- 'трещать'
 byz —

bi-

bič- 'срезать'
 big —
 bij 'танец'
 bik —
 bil- 'знать'
 bim —
 biŋ ~ min, 'тысяча'
 bin- ~ min- 'садиться на что-либо'
 bip —
 bir 'один'
 bis —
 biš- 'спеть, зреть'
 bit- 'кончаться'
 biz ~ bez 'железа' / ~ 'дрожать'

bo-

boč —
 boγ- 'душить'
 boj ~ bod 'тело'
 bol- 'быть'
 bom —
 bon —

boŋ —
 bor —
 boq 'экскременты'
 bor 'мел'
 bos —
 boš 'пустой'
 bot-u 'верблюжонок'
 boz ~ buz 'серый'

bö-

böč —
 böğ-ä 'герой' / ~ -ün- 'уразуметь',
 ср. öğ
 böj —
 bök- 'запруживать' / ~ 'надеяться'
 böl- 'делить', ср. ül-e
 böm —
 bön —
 böŋ —
 böp —
 böŋ-ük 'шапка' / ~ -t- 'ощущать'
 böš —
 böš —
 böŋ —
 böz ~ büz 'серый', ср. büz

bu-

buč-ur- 'приказывать' / ~ -qaq 'угол'
 buγ-ag- 'делать зарубки'
 buj-ur- 'приказывать'
 bul- 'находить'
 bum —
 bun- ~ mun- 'зablуждаться'
 buŋ ~ muŋ 'печаль, забота'
 bur —
 buq- 'сгибать', ср. бүк-
 bur- 'пухнуть' / ~ -un 'нос'
 bus 'серый', ср. boz
 buš- 'печалиться'
 but-aq 'ветка'
 buz 'лед' / ~ 'ломать'

bü-

бүč-ü 'завязка'
 бүğ- 'сгибаться', ср. бүк
 бүj-ür- 'делать складки'
 бүк- 'сгибаться', ср. eg ~ eŋ
 бүl 'обветшалый'
 бүm —

bün ~ mün 'богатство'
 bū —
 būp —
 būr 'почка' / ~ -üš- 'морщиться'
 büs —
 büš-ür- 'варить'
 būt- 'кончаться, созреть'
 būz 'серый'

ča-

čač- 'разбрызгивать' / ~ 'волосы'
 čaγ 'пора, время'
 čaj-qa- 'качать' / ~ 'жевать'
 čal- 'ударять'
 čam-a 'сила, мощь'
 čan- 'относиться с пренебрежением'
 čaγ 'утренняя заря'
 čar- 'рубить, скакать'
 čaq- 'высекать огонь'
 čar-la- 'плакать', ср. jγ-la-
 čas —
 čaš —
 čat 'пах' / ~ 'собирать'
 čaz —

če-

čeč- 'рассеиваться'
 čeg-in- 'пятиться'
 čej —
 ček- 'тянуть' / ~ 'граница'
 čel- 'зацеплять рогами'
 čem —
 čen 'мера'
 čeγ —
 čer 'сено, трава'
 čer 'время'
 čes —
 češ —
 čet 'край'
 čez —

čy-

čyč- 'испражняться'
 čyγ- 'завязывать узел'
 čyγ-gal- 'скручиваться'
 čyl-a- 'мешать'
 čym-yp 'насекомое'
 čyn —
 čyγ 'влажный'

čyr-yq 'прут'
 čyγ- 'выходить'
 čyγ —
 čys —
 čyš —
 čyt —
 čyz- 'шарахаться'

či-

čic —
 čig-ān 'узда'
 čij- 'провести черту'
 čik 'роса'
 čil-ā- 'намачиваться'
 čim-ig- 'пустить'
 čin 'истина'
 čin 'влажный'
 čir-ik 'прут'
 čir 'сало'
 čis —
 čiš —
 čit —
 čiz- 'чертить'

čo-

čoč- 'пугаться'
 čoγ 'блеск, сияние'
 čoj- 'вытягивать', ср. soz- ~ čoz-
 čol- 'убывать о воде', ср. čöl-
 čom- 'нырять', ср. čöm- ~ čüm-
 čon —
 čonγ 'большой'
 čop —
 čoq- 'бить, кидаться' / ~ -u- 'клевать'
 čog- 'затвердевать, опухать'
 čos —
 čoš —
 čot —
 čoz- 'вытягивать', ср. čoj- ~ čüz- ~
 ~ soz-

čö-

čöč —
 čög —
 čöj —
 čök- 'опускаться на колени', ср. čük-
 čöl- 'убывать о воде', ср. čol-
 čöm- 'нырять'
 čön —

čōŋ —
 čōr 'мусор, осадок'
 čōr —
 čōs —
 čōš —
 čōt —
 čōz-ül- 'раскидаться, рассыпаться'

ču-

čuč-uj- 'быть тесным'
 čuγ- —
 čuj —
 čul —
 čum-bur- 'набрасываться'
 čun- 'мыться', ср. juw-un-
 čuŋ —
 čur-yq-la- 'хлестать прутом'
 čuq —
 čur-a- 'бежать', ср. jür-
 čus —
 čuš —
 čut-ur- 'иметь вид бугра'
 čuz- 'вытягивать', ср. čoz-

čü-

čüč-čü- 'испытывать оргазм'
 čüg —
 čüj-gün 'жирный'
 čük- 'опускаться на колени', ср. čök-
 čül-ük- 'приходить в упадок'
 čüm- 'нырять', ср. čom- ~ čöm-
 čün-čü- 'изнуряться'
 čün —
 čür —
 čür-üs- 'морщиться', ср. bür-üş-
 čüs —
 čüş —
 čüt —
 čüz- 'вытягивать', ср. čoz-

ja-

jač —
 jaγ 'жир' / ~ 'лук, оружие' / ~ 'па-
 дать об осадках', ср. jaw-
 jaj- 'рассеивать', ср. jad- ~ jaz- ~ jas-
 jal 'грива'
 jam 'сор' / ~ -a- 'чинить'
 jan 'бок' / ~ 'возвращаться' / ~ -č-
 'давить'

jaŋ-aq 'щека, сторона', ср. jaq
 jar- 'покрывать' / ~ 'строить, делать'
 jaq 'сторона' / ~ 'приближаться'
 jar- 'рассекать' / ~ 'овраг' / ~ -a-
 'подходить, годиться'
 jas- 'рассеивать' / ~ -a- 'строить', ср.
 jaj-
 jaš 'год' / ~ 'молодой, зеленый' / ~
 ~ 'слеза'
 jat- 'лежать' / ~ 'расстилать'
 jaz- 'развязывать' / ~ 'весна' / ~ 'оши-
 баться'

je-

ječ —
 jeg 'хороший', ср. ijgi
 jej- 'есть, кушать'
 jek 'демон'
 jel 'ветер' / ~ 'скакать, бродить'
 jem-ig- 'ломать'
 jen-i- 'облегчаться'
 jeŋ 'рукав' / ~ 'побеждать'
 jer —
 jer 'земля'
 jes —
 ješ —
 jet- 'достигать'
 jez-a- 'обходить, осматривать'

ju-

juč —
 juγ- 'валить' / ~ 'собирать'
 juj —
 jul 'год', ср. jaš
 jum —
 jun 'помет'
 juŋ 'сопли', ср. jin
 jur 'нить'
 juq- 'валить', ср. juγ-
 jug 'песня'
 jys —
 juš —
 jut 'запах'
 juz 'след', ср. yz ~ iz

ji-

jič —
 jig 'болезнь'
 jij 'шов'

jik 'веретено'
 jil —
 jim —
 jin 'тело, плоть'
 jiq 'сопли', ср. жуц
 jir —
 jig-in 'гной'
 jis —
 jiš —
 jit- 'исчезать'
 jiz 'след'
 jo-
 joč —
 joу 'поминальный обряд' / ~ -ur-
 'мешать'
 joj- 'прятать' / ~ 'уничтожать'
 jol 'дорога'
 jom-uz 'пах'
 jon 'способ' / ~ 'строгать'
 joп-а- 'ябедничать'
 jor —
 joq 'нет' / ~ 'бедный'
 jog-i- 'идти'
 jos- 'объяснять'
 još —
 jot- ~ jod- ~ joj- 'собирать'
 joz —
 jö-
 jöč —
 jög —
 jöj —
 jök —
 jöl-ä- 'подпирать'
 jöm —
 jön 'жир'
 jöп —
 jör —
 jör 'распутать' / ~ 'толковать'
 jös —
 jöš —
 jöt-ül 'кашель'
 jöz —
 ju-
 juč —
 juу- 'мыть'
 juj- ~ jud- 'забирать, захватывать'

jul- 'отнимать, выкупать'
 jum- 'закрывать' / ~ -ša- 'мягчить'
 jun-t 'лошадь'
 juп-la- 'расходовать'
 jur-qa 'тонкий'
 juq- 'прилипать'
 jur-t 'дом'
 jus —
 juš- 'наливать струей' / ~ 'скопле-
 ние'
 jut- 'глотать'
 juz —
 jü-
 jüč —
 jüg 'поклажа'
 jüj —
 jük- 'собирать, накапливать'
 jül-i- 'брить'
 jüm- 'закрывать, зажмурит', ср.
 jum-
 jün —
 juп —
 jür —
 жү-i- 'ходить'
 jüs —
 jüš —
 jüt- 'нагружать'
 жүз 'лицо' / ~ 'плавать' / ~ 'сдирать'

qa-
 qač- 'убегать'
 qay- 'жарить, калить' / ~ -ar 'снег'
 qaj- 'поворачиваться'
 qal- 'оставаться' / ~ -у- 'подни-
 маться'
 qam- 'сваливать, сбивать' / ~ -u
 'весь'
 qap 'кровь' / ~ 'удовлетворяться'
 qaп —
 qar 'сосуд, мешок' / ~ 'хватать'
 qaq 'сухой' / ~ 'стучать'
 qar 'снег' / ~ 'смешивать'
 qaš 'кора' / ~ -уq 'кожа'
 qaš 'бровь, край'
 qat- 'становиться твердым' / ~ 'слой'
 qaz- 'рыть, копать'

ke-

keš- 'переходить' / ~ 'опаздывать'
 keg-ir- 'грызть'
 kej- 'надевать'
 kek- 'вражда'
 kel- 'приходить'
 kem- 'болезнь'
 ken-dü 'сам'
 keñ 'широкий'
 ker- 'форма'
 ker- 'растягивать'
 kes- 'резать'
 keš- —
 ket- 'уходить' / ~ 'конец, зад'
 kez- 'бродить' / ~ -ek ряд, очередь

qu-

quš- —
 quу 'навоз'
 quj- 'срезать косо' / ~ 'отпускать'
 quI- 'делать' / ~ 'волос'
 qum-uz 'кумыс'
 qun- 'мучить'
 quñ, —
 qur- —
 quq- —
 quг- 'соскабливать' / ~ 'плоскогорие'
 quс- 'укорачивать, сжимать'
 quš 'зима'
 qut- —
 quz- 'раскалять' / ~ 'девушка'

ki-

kiš-i 'чесаться' / ~ -ig 'маленький'
 kig- —
 kij- —
 kik- 'точить'
 kil- —
 kim 'кто'
 kin 'чрево'
 kiñ, —
 kip 'форма', ср. ker
 kir- 'входить'
 kis- 'резать', ср. kes-
 kiš-i 'человек'
 kit- 'уходить', ср. ket-
 kiz- —

qo-

qoš 'баран'
 qoу- 'гнать'
 qoj- 'ставить, класть' / ~ 'овца' / ~
 ~ -и 'густой'
 qol 'рука' / ~ 'просить'
 qom-у- 'тосковать'
 qon- 'садиться на' / ~ 'лоно, грудь'
 qoñ 'мышца'
 qor- 'подниматься'
 qoq- 'уменьшаться' / ~ -us 'пустой'
 qor 'убыток' / ~ -q- 'бояться'
 qos- 'рвать, блевать' / ср. quс-
 qoš- 'соединять, запрягать'
 qot- 'оставлять, покидать'
 qoz 'орех', ср. quz

kö-

köš 'кочевка' / ~ 'кочевать'
 kög- —
 köj- 'гореть'
 kök 'небо' / ~ 'голубой, зеленый' / ~
 ~ 'корень'
 köI- 'запрягать' / ~ 'озеро'
 köm- 'погружать, закапывать'
 kön- 'выпрямляться' / ~ 'кожа'
 köñ-ül 'сердце'
 köp 'много' / ~ -ik 'пена'
 köг- 'видеть'
 köс- —
 köš-i 'заслонять, закрывать'
 köt 'зад'
 köz 'глаз'

qu-

quš- 'обнимать'
 quу-и- 'сохнуть' / ~ 'лебедь'
 quj- 'лить'
 quI 'раб'
 qum 'песок'
 qun- 'грабить'
 quñ, —
 qur- —
 quq- —
 quг- 'строить' / ~ 'пояс'
 quс- 'блевать, рвать', ср. qos-
 quš 'птица'
 qut 'душа' / ~ 'счастье'
 quz 'орех', ср. qoz

kü-
 küç 'сила'
 küğ —
 küj- 'охранять'
 kük —
 kül- 'смеяться' / ~ 'зола'
 küm —
 күн 'день, солнце' / ~ -i 'зависть'
 күң 'рабыня'
 күр 'кувшин'
 күр 'смелый' / ~ -а- 'бежать'
 күс- 'ждать' / ~ 'обижаться'
 күс —
 күт- 'беречь, охранять'
 күз 'осень'

sa-
 saç- 'сыпать, рассыпать' / ~ 'волосы'
 sağ 'здоровый' / ~ 'чистый' / ~
 ~ 'ум' / ~ 'доить' / ~ -уп- 'желать,
 хотеть'
 saj- 'прикалывать' / ~ 'каменистое
 место'
 sal- 'класть' / ~ 'бросать' / ~ 'бить,
 ударять'
 sam-la- 'лечить'
 san- 'думать, считаться' / ~ 'бед-
 ро' / ~ 'число'
 san, —
 sar- 'соединять' / ~ 'ручка' / ~ 'оче-
 редь' / ~ -у- 'махать'
 saq- 'думать' / ~ -la- 'хранить'
 sar-уу 'желтый'
 sas-у- 'вонять'
 saş 'боязливый'
 sat- 'продавать'
 saz 'болото'

se-
 seç- 'выбирать'
 seg —
 sej-гä- 'редеть'
 sek-гi- 'прыгать'
 sel —
 sem-iz 'жирный'
 sen 'ты'
 seң —
 ser- 'любить'

ser- 'терпеть'
 ses —
 seş- 'распутывать'
 set —
 sez- 'чувствовать'
 sy-
 syç- 'испражняться'
 syğ- 'вмещаться'
 suj-у 'пола одежды'
 syl-у 'величественный'
 sym —
 syn 'туловище' / ~ -а- 'проверять'
 syn, —
 sur —
 syq- 'давить' / ~ -а- 'гладить'
 sur 'краска'
 sys 'вертел'
 syş 'опухоль'
 syt- 'выжимать'
 syz- 'таять' / ~ 'просачиваться'

si-
 siç —
 sig —
 sij- 'мочиться'
 sik 'моча' / ~ 'совокупляться'
 sil-ik 'чистый' / ~ -k- 'трясти'
 sim-lä- 'растирать'
 sin —
 siң- 'впитываться'
 sip-ir- 'подметать'
 sir-kä 'уксус'
 sis —
 siş 'опухоль'
 sit- 'мочиться'
 siz- 'просачиваться'

so-
 soç —
 soğ-у- 'остывать'
 soj- 'снимать кожу'
 sol- 'убывать, уменьшаться' / ~ 'ле-
 вый'
 som —
 son —
 soң 'конец' / ~ 'после'
 sor —

soq- 'бить' / ~ 'всасывать' / ~ 'жалить'

sor- 'сосать' / ~ 'спрашивать'

sos —

soš —

sot —

soz- 'вытягивать', ср. čoz-, čoj-, čüz-

sö-

söč —

sög —

söj —

sök- 'ругать' / ~ 'рвать' / ~ 'преклонять колени'

söl —

söm —

sön- 'ослабевать, прекращаться'

sön —

söp —

sör —

sös —

söš —

söt —

söz 'слово'

su-

süč-y- 'прыгать'

suγ 'вода'

suγ- 'плевать'

sul-aq 'селезенка'

sum-ly- 'распространяться'

sun- 'протягивать'

sun —

sup —

suq-y- 'щекотать'

sur —

sus- 'задевать'

suš —

sut- 'плевать'

suz —

sü-

süč-i- 'быть сладким'

süg-ül 'бородавка'

süj —

sük —

sül 'свежесть'

süm —

sün —

sün-üs- 'сражаться'

sür —

sür- 'гнать, вести' / ~ -t- 'втирать'

süs- 'бодаться'

süş —

süt 'молоко'

süz- 'очищать'

ta-

tač —

taγ 'гора'

taj- 'поскользнуться' / ~ -a- 'приклониться'

tal- 'лишаться чувств' / ~ -a- 'грабить'

tam 'стена' / ~ -yz- 'капать'

tan- 'отказываться' / ~ -y- 'знать'

taγ 'рассвет, заря'

tar- 'находить' / ~ 'служить'

taq- 'прикреплять'

tar- 'распутывать, расчесывать' / ~ ~ -y- 'сеять'

tas 'плохой'

taš 'камень'

tat- 'пробовать'

taz 'парша' / ~ 'лысый'

te-

teč —

teg- 'касаться'

tej —

tek 'только'

tel —

tem —

ten —

teγ 'ровный'

ter- 'лягать, пинать'

ter- 'собирать, копить' / ~ 'пот'

tes —

teš- 'продырявливать'

tet- 'противиться'

tez- 'бежать, убегать'

ty-

tyč —

tyγ- 'притуплять' / ~ 'покоряться'

tyi- 'препятствовать, задерживать'

tyl —

tym —
 tyn- 'дышать'
 tyŋ 'звучание' / ~ 'слушание'
 typ —
 tyq- 'набивать'
 tyr —
 tys —
 tyš 'зуб' / ср. tiš
 tyt- 'задерживать'
 tyz —
 ti-
 tič —
 tig —
 tij —
 tik- 'втыкать, устанавливать' / ~
 ~ 'шить' / ~ 'жалить'
 til- 'разрезать на узкие полоски' / ~
 ~ 'язык'
 tim 'бурдюк'
 tin 'узда'
 tin 'ровный', ср. teŋ
 tip —
 tir- 'жить' / ~ -ä- 'подпирать'
 tis —
 tiš 'зуб', ср. tyš
 tit- 'отвергать' / ~ 'разрывать' / ~
 ~ 'болеть'
 tiz- 'нанизывать'
 to-
 toč —
 toγ- 'рождаться' / ~ 'подниматься'
 toj- 'насыщаться'
 tol- 'наполняться'
 tom-yl- 'охлаждаться'
 ton 'платье, одежда'
 toŋ- 'замерзать' / ~ 'мерзлый'
 tor-уq- 'складывать' / ~ 'лодыжка'
 toq 'кусок' / ~ 'сытый' / ~ -u-
 'бить, ударять'
 tor 'сеть, тенета'
 tos-уq 'сытый'
 toš- 'наполнять', ср. ~ tol-
 tot = toj
 toz 'пыль' / ~ 'береста'
 tö-
 töč —

tög- 'толочь'
 töj —
 tök- 'лить'
 töl-ä- 'платить'
 töm —
 tön- 'возвращаться'
 töŋ-ül- 'отказаться'
 tör-ü 'темя'
 tög-i- 'создавать'
 töš —
 töš 'грудь' / ~ -ä- 'стелить'
 töt —
 töz 'корень'
 tu-
 tuč —
 tuγ 'знамя'
 tuj —
 tul —
 tum —
 tun- 'успокаиваться'
 tuŋ —
 tup —
 tuq —
 tur- 'вставать, стоять' / ~ 'худеть'
 tus-u 'польза'
 tuš- 'встречаться' / ~ 'противопо-
 ложный'
 tut- 'держать, хватать'
 tuz- 'настраивать' / ~ 'правдивый'

tü-
 tüč —
 tüg 'волосок' / ~ 'завязывать, затя-
 гивать'
 tüj —
 түk 'шерсть'
 түl 'сон'
 түm —
 түn 'ночь'
 түŋ-üt- 'наклонять'
 түp 'дно' / ~ 'низ'
 түr- 'сворачивать'
 түš —
 түš 'падать' / ~ 'полдень'
 түt- 'дымиться'
 түz- 'выравнивать'

Корни тина ГСС

alp 'герой, стрелок'
 alq- 'губить'
 arq 'висок'
 art- 'увеличиваться, нагружаться' / ~
 ~ 'спина' / ~ 'гора'
 ast 'низ'
 elt- 'нести'
 enč 'покой'
 erk 'сила'
 ert- 'проходить, миновать'
 ört- 'покрывать' / ~ 'огонь'
 örk 'узда'
 ürk- 'пугаться'
 üst 'верх'

Корни тина СГСС

bert- ~ birt- 'увечить'
 jalt 'отвислый'
 jarp 'прочный'
 julq- 'тащить, обдирать' < jul-yq-
 'выщипывать'
 jont ~ junt 'лошадь'
 jurt 'дом'
 kert- 'подрезать'
 körk 'вид, образ, красота' < kör-ük
 kürs- 'подходить о тесте'
 qajt- 'возвращаться' < qaj-yt
 qart 'старик'
 qolt- 'просить'
 qorq- 'бояться' < qor-yq-
 qurt 'червь'
 qutq- 'стричь'
 qurt 'короткий'
 sanč- 'колоть'
 sarq- 'неметь'
 sügč- 'споткнуться'

sürt- 'втирать'
 tart- 'тащить'
 terk 'быстро'
 ters 'превратный'
 turq 'длина, размер'
 türk 'сильный, могучий'

Корни тина (С)ГСТ

ada 'бедствие'
 aja 'ладонь'
 eki 'два'
 eri- 'таять'
 isi- 'стать горячим'
 oba 'род, племя'
 oңa 'легкий'
 oqu- 'читать'
 ota- 'лечить' < ot-ta- < ot-la-

Корни тина СГСТ

bala 'дитя'
 basa- 'делать надрезы'
 buyu 'олень, бык'
 böri 'волк'
 čaqa 'ребенок'
 jara- 'подходить, годиться'
 jasa- 'строить'
 jeti 'семь'
 juга- 'удаляться'
 juqa 'тонкий'
 kecä 'ночь'
 kemi 'лодка'
 qaja 'скала'
 qara 'черный'
 quna 'мучить'
 qary 'старый'
 syna- 'проверять'
 tevi 'верблюду'
 tiki 'шум'

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Существующие типы фонологической структуры конкретных тюркских языков, а отчасти и основных их групп — болгарской, огузской, кыпчакской, карлукской, уйгурской и проч. — сохранили свои специфические особенности, возникшие в процессе их фонологического развития от более ранней поры, когда тюркские языки имели близкий к изолирующим языкам морфологический тип, до настоящего времени.

Как уже отмечалось выше, более сложный процесс развития претерпела система вокализма, характер и тип которой могут служить основными признаками, определяющими целую группу языков. В меньшей степени изменялась система консонантизма, отличающаяся относительной стабильностью, хотя и она имела свои особенности, характеризующие различия как древних, исторически сложившихся фонологических структур, так и структур современных тюркских языков и их групп.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ВОКАЛИЗМА

Исходя из существующих закономерностей фонологического развития тюркских языков и фактического материала по современным и древним языкам и диалектам, можно представить следующую периодизацию в развитии тюркских языков и их фонологической эволюции.

1. Доалтайский период, когда тюркские языки, как и другие алтайские языки, имели изолирующий грамматический строй и характеризовались нерасчлененными морфонемами моновокалического типа, т.е. с одной гласной фонемой, имеющей функцию морфочленения, и системой консонантизма, характеризующегося наличием восьми вариантов для каждой согласной фонемы, дифференцированных по признакам тембра (подъема), лабиализации и палатализации.

2. Алтайский период, когда тюркские языки, как и другие алтайские языки, приобрели черты агглютинирующих языков, и слово представляло собой уже сочетание морфофонем, в котором начальная морфофонема представляла собой корневую морфему, а последующие приобретали отвлеченное значение аффиксальных морфем. В данный период вокализм состоял уже из двух основных фонем, характеризующихся дифференциацией только по тембру (подъему), а в консонантизме каждая фонема соответственно имела по четыре варианта, дифференцирующих слово по признакам лабиализации и палатализации. Это состояние, по существу, сохранилось в современных языках по отношению к аффиксальным морфемам.

3. Хуннский период, когда тюркские языки выделились из алтайских и имели последовательный агглютинативный тип с вокализмом, состоящим уже из восьми гласных, характер которых был общим для четырех узких кратких гласных фонем неполного образования (y, i, u, ü) и различался для гласных полного образования — широких для одной группы языков (a, e, o, ö) и узких (y, i, u, ü) — для другой, с консонантизмом также общим для той и другой группы языков.

4. Древнетюркский период, когда тюркские языки приобрели уже специфические признаки дальнейшего фонологического развития по основным группам: болгарской, огузской, кыпчакской, карлукской, уйгурской и проч.

5. Период формирования современных тюркских языков, фонологические особенности которых определяются частными признаками для каждого конкретного языка.

Если процессы развития вокализма и дифференциации гласных от одной гласной с функцией морфочленения и слогообразования к дальнейшему различению их имели последовательность прежде всего в отношении тембра (подъема), а затем лабиализации и палатализации, то эволюция согласных происходила прежде всего в отношении соноризации и спирализации, т.е. фонематизации аллофонов по признаку соноризации, а затем по признаку проточности и позже, глухости и звонкости. Последний процесс — фонематизация аллофонов по глухости и звонкости для некоторых языков, например алтайского, по существу не завершился и в настоящее время. Развитие типов фонологической структуры тюркских языков схематическим можно представить в следующем виде (см. схему).

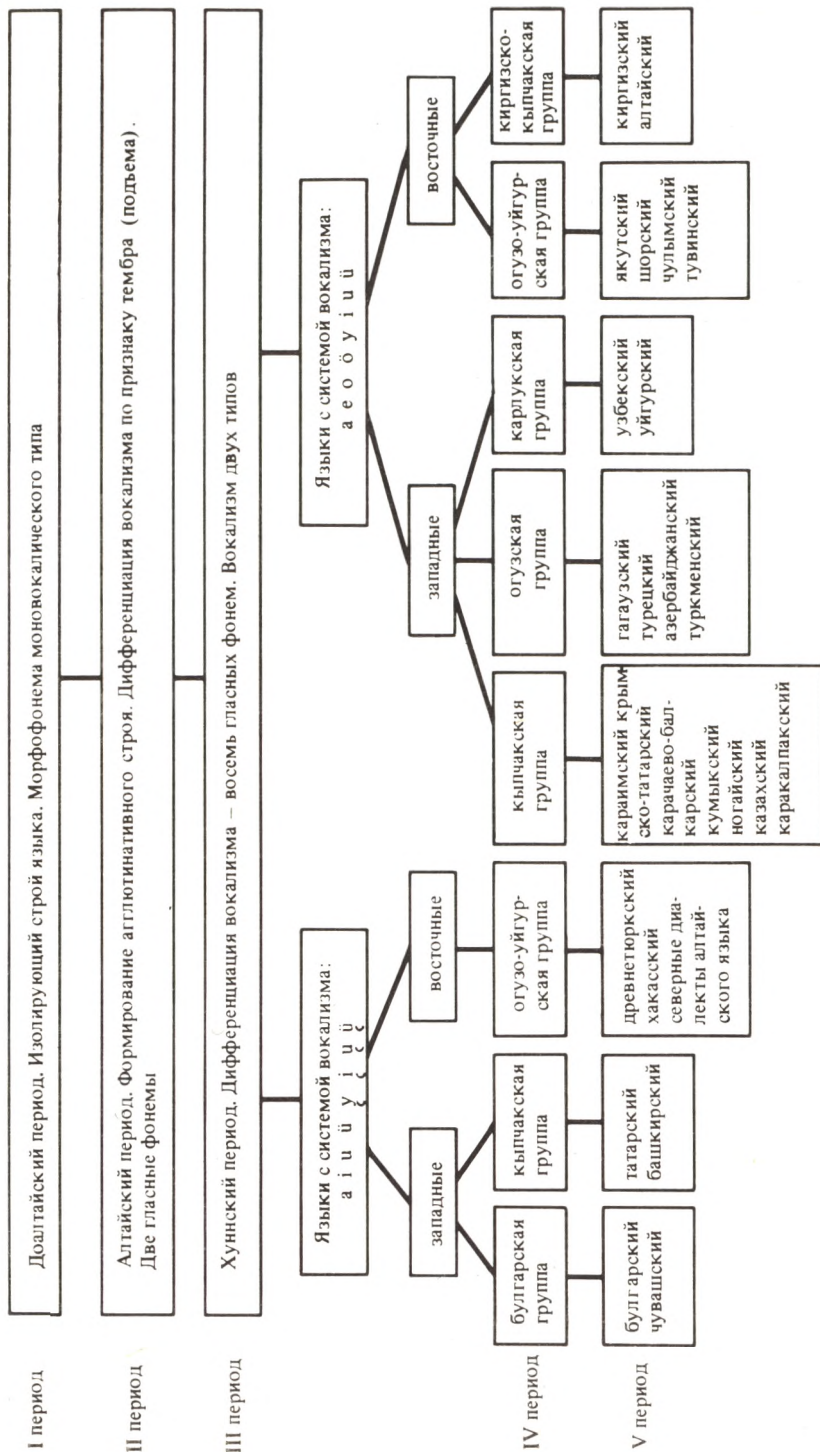
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Фонологическая структура тюркского слова исторически представляла собой последовательный ряд морфем, первоначально имевших самостоятельный характер с определенным лексическим значением, а затем интегрировавшихся в изоморфные словосочетания, сначала парные, а затем в более сложные группы, в которых начальная корневая морфема имела основные лексические значения, а последующие, исторически грамматикализовавшиеся аффиксальные морфемы — отвлеченное грамматическое значение.

В процессе своего развития, когда в более ранний период каждая морфема была самостоятельной с определенным лексическим значением, т.е. когда строй тюркских языков носил характер изолирующих языков, фонологическая структура слова-морфемы совпадала с морфофонемой, представлявшей собой нерасчлененный комплекс звуков с общими дифференциальными признаками.

Конечно, до настоящего времени не сохранилось никаких следов такого состояния тюркских языков, и мы можем судить о данной структуре слова только по аналогии с языками типологически близкими к изолирующим языкам, но закономерности, характеризующие структуру современного тюркского слова и в особенности корневых его морфем

СХЕМА

позволяют гипотетически предполагать возможность такой моновокалической ее структуры.

Как уже отмечалось в вводной части, в начальной моновокалической морфонеми все дифференциальные признаки — тембр (подъем), лабиализация и палатализация — относились не только к гласному, т.е. интерконсонантному элементу в структуре СГС, но и ко всей морфонеми в целом, т.е. характеризовали в одинаковой степени, как интерконсонантный, так и анлаутный и ауслаутный консонантные элементы, иначе говоря, — весь комплекс структуры, морфонеми, состоящей из трех элементов СГС. Ср. в этом отношении дифференциальную структуру того же комплекса в русском языке, в котором консонантные элементы, например, в отношении палатализации различаются независимо от интерконсонантного элемента, т.е. гласного:

пыл	был	мат	пат
п'ыл	б'ыл	м'ат	п'ат
пыл'	был'	мат'	пат'
п'ыл'	б'ыл'	м'ат'	п'ат' и проч.,

в то время как в тюркских языках в отношении дифференциального признака палатализации были бы возможны только:

пыл	был	мат	пат
п'ыл'	б'ыл'	м'ат'	п'ат'

Но не только признак палатализации, но и признаки тембра (подъем) и лабиализации относились ко всей морфонеми, характеризуя ее как единый нерасчлененный звуковой комплекс, составные части которого имели общие дифференциальные признаки тембра, лабиализации и палатализации. Следовательно, все три дифференциальных признака как бы представляли единый синтез, который можно условно обозначить единым знаком, символом или каким либо иным средством, например, определенным тоном, как то и имеет место в изолирующих языках.

Обозначив условно тембр знаком $\wedge$, лабиализацию — o и палатализацию — $'$ перед соответствующей морфонеми и приняв условно за исходный тип морфонеми, характеризующуюся а) высоким подъемом, б) отсутствием лабиализации и в) отсутствием палатализации, мы получим ряды морфонеми, которые и представляли собой древнейшее состояние моновокалической структуры тюркского слова. Ср. следующие примеры¹:

tIk (tyk)	'сунь'	$\wedge$ tIk (tak)	'прицепи'
'tIk (tik)	'шей'	$\wedge$ 'tIk (tek)	'порода'
o tIk (tuk)	'запруда'	$^o\wedge$ tIk (tok)	'сытый'
o 'tIk (tük)	'шерсть'	$^o\wedge$ 'tIk (tök)	'просьба'

¹ При каждом примере в круглых скобках даны соответствия в современном казахском языке. Однако в древних морфонеми гласный элемент ни в какой степени не совпадал с условно приведенными здесь казахскими гласными. Так, например, признаки тембра (подъема) интерконсонантного элемента могли быть дифференцированы соответствующим тоном.

или:

bII (byl-ya)	'смешивай'	^ bII (bal)	'мед'
'bII (bil)	'знай'	'^ bII (bel)	'поясница'
°bII (bul)	'этот'	°^bII (bol)	'будь, стань'
'°bII (bül-ik)	'смута'	'°^bII (böI)	'дели'

или:

kII (kyl)	'делай'	^ kII (kal)	'оставайся'
'kII (kil)	'киль'	'^ kII (kel)	'приходи'
°kII (kul)	'раб'	°^kII (kol)	'рука'
'°kII (kül)	'пепел'	'°^kII (köI)	'озеро'

или:

kIz (kyz)	'девушка'	^ kIz (kaz)	'гусь'
'kIz (kiz)	'зажги'	'^ kIz (kez)	'момент'
°kIz (kuz)	'утес'	°^kIz (koz)	'возбуждайся'
'°kIz (-küz)	'осень'	'°^kIz (-köz)	'глаз'

или:

tIs (-tys)	'внешность'	^ tIs (-tas)	'камень'
'tIs (-tis)	'зуб'	'^ tIs (-tes)	'проткни'
°tIs (-tus)	'противопо- ложная сто- рона'	°^tIs (-tos)	'жди'
'°tIs (-tüs)	'сойди'	'°^tIs (-tös)	'грудь'

Морфофонемы этого типа, таким образом, имели следующую характеристику:

1) tIk, bII, kII, kIz, tIs — верхнего подъема, задние, нелабиализованные, т.е. в казахском языке они соответствовали бы сочетаниям: tuq, byl, qyl, qyz, tys;

2) tIk, 'bII, 'kII, 'kIz, 'tIs — верхнего подъема, передние, нелабиализованные = tik, bil, kil, kiz, tis;

3) °tIk, °bII, °kII, °kIz, °tIs — верхнего подъема, задние, лабиализованные = tuq, bul, qul, quz, tus;

4) '°tIk, '°bII, '°kII, '°kIz, '°tIs — верхнего подъема, передние, лабиализованные = tük, bül, kül, küz, tös;

5) ^tIk, ^bII, ^kII, ^kIz, ^tIs — нижнего подъема, задние, нелабиализованные = taq, bal, qal, qaz, tas;

6) ' ^tIk, ' ^bII, ' ^kII, ' ^kIz, ' ^tIs — нижнего подъема, передние, нелабиализованные = tek, bel, kel, kez, tes;

7) ° ^tIk, ° ^bII, ° ^kII, ° ^kIz, ° ^tIs — нижнего подъема, задние, лабиализованные = toq, bol, qol, qoz, tos;

8) '° ^tIk, '° ^bII, '° ^kII, '° ^kIz, '° ^tIs — нижнего подъема, передние лабиализованные = tök, böI, köI, köz, tös.

В подобных морфофонамах все дифференциальные признаки были

общими для всех элементов их составляющих, а следовательно, каждый согласный элемент имел восемь вариантов, например t, 't, °t, '°t, ^t, ^'t, °^t, '°^t:

- t — верхнего подъема, задний, нелабиализованный,
- 't — верхнего подъема, передний, нелабиализованный,
- °t — верхнего подъема, задний, лабиализованный,
- '°t — верхнего подъема, передний, лабиализованный,
- ^t — нижнего подъема, задний, нелабиализованный,
- ^'t — нижнего подъема, передний, нелабиализованный,
- °^t — нижнего подъема, задний, лабиализованный,
- '°^t — нижнего подъема, передний, лабиализованный.

Подобные аллофоны были характерны для каждой согласной фонемы. Что же касается интерконсонантных элементов, то представляя собой вокалическую реализацию морфофонемы, они получали в зависимости от оформляющих их согласных элементов соответствующие окраски. Позже, в процессе фонологического развития, с последующей дифференциацией согласных по соответствующим дифференциальным признакам эти интерконсонантные элементы фонематизировались в соответствующие гласные фонемы:

- .I. > y — верхнего подъема, задняя, нелабиализованная;
- 'I. > i — верхнего подъема, передняя нелабиализованная;
- °I. > u — верхнего подъема, задняя, лабиализованная;
- '°I. > ü — верхнего подъема, передняя, лабиализованная;
- ^I. > a — нижнего подъема, задняя, нелабиализованная;
- ^'I. > e — нижнего подъема, передняя, нелабиализованная;
- °^I. > o — нижнего подъема, задняя, лабиализованная;
- '°^I. > ö — нижнего подъема, передняя, лабиализованная.

Последние три фонемы — e ~ i, o ~ u, ö ~ ü — имели особые пути образования, о чем будет сказано ниже.

Если вокализм тюркских языков для более раннего периода их фонологического развития характеризовался наличием одной вокалической фонемы с функцией морфофонеморазличения, то консонантизм той же эпохи, при ограниченности дифференцированных фонем, был более развит в отношении многообразия вариантов и аллофонов, которые и конструировали соответствующие морфофонемы.

Подобно современным тюркским языкам консонантизм раннего периода также различался позиционно и имел разный состав для начальной и конечной позиции в морфофонеме.

Характерной особенностью консонантизма этого периода является отсутствие процесса соноризации консонантных элементов и слабая их спирализация для начальной позиции в морфофонеме, но наличие соноризации при той же слабой спирализации — для конечной позиции. Вместе с тем каждый консонантный элемент имел значительную вариативность и наличие восьми аллофонов для каждой фонемы в зависимости от характера морфофонемы.

Таким образом, консонантизм этого периода имел следующий состав.

I. Для начальной позиции:

1. $[p (\sim b \sim f/v \sim w \sim m)]^8$,
 2. 1) $[t (\sim d)]^8$, 2) $[j (\sim nj/tj/dj \sim \check{c}/d\check{z} \sim c/dz \sim \check{s}/\check{z} \sim s/z \sim s')^8$, 3) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim s \sim s')^8$; 4) $[s (\sim h \sim 0)]^8$,
 3. $[k (\sim g \sim q/\dot{q} \sim \gamma \sim x \sim h)]^8$,
- т.е. состоял из одной передней (губной), четырех средних и одной задней фонемы, всего из шести основных фонем с аллофонами (в круглых скобках), реализующихся в восьми вариантах каждая в зависимости от характера морфофоном.

II. Для конечной позиции:

1. $[p (\sim b \sim m \sim w \sim f/v)]^8$,
2. 1) $[t (\sim d)]^8$, 2) $[j (\sim t/d \sim \theta/\delta \sim s/z \sim r)]^8$, 3) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim s)]^8$, 4) $[\check{s} (\sim l)]^8$, 5) $[s (\sim z) \sim \theta/\delta]^8$, 6) $[r]^8$, 7) $[l]^8$, 8) $[n]^8$,
3. 1) $[k \sim g \sim q/\dot{q} \sim x \sim \gamma \sim h)]^8$, 2) $[\eta]^8$,

т.е. состоял из одной передней (губной), восьми средних и двух задних фонем, всего из 11 основных фонем с аллофонами (в круглых скобках), реализовавшихся в восьми вариантах каждая в зависимости от характера морфофонемы.

Следовательно, процессы развития консонантных элементов морфофоном для раннего периода характеризовался отсутствием сонорных фонем и слабой спирализацией ($s, \check{s}$) — для начальной позиции и наличием сонорных фонем (n, r, l, η) и также слабой спирализацией ($s, \check{s}$) — для конечной позиции.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Значительные сдвиги как в отношении вокализма так и в отношении консонантизма произошли в морфологическом и фонологическом развитии тюркских языков в последующий период — образование агглютинативного строя, когда из изолированных морфофоном, совпадающих со знаменательными словами, стали формироваться слова, состоящие из сочетаний этих морфофоном, в которых первая морфофонема приобрела значение корневой, а последующие, абстрагируясь и грамматизируясь превратились в аффиксальные морфемы с отвлеченным лексическим, а затем грамматическим значением. Образовался новый морфологический и фонологический тип, близкий к современному морфологическому и фонологическому типу тюркских языков.

Если в морфофонеме, состоящей из элементов СГС все дифференциальные признаки — тембр (подъем), лабиализация и палатализация — составляли единый синтез и относились к каждому из ее элементов, то в последующий период образования агглютинативного строя тюркских языков, когда морфофонемы приобрели свойство сочетаться между собой, образуя цепочки СГС + (С)ГС ~ СГС + СГ(С) ~ СГС + (С)Г(С) и более сложные сочетания с единым значением сложного слова, в котором первая морфема получила значение корневой с полным лексическим значением, а последующие — значение аффиксальных морфем, изменился и их фонематический состав. Вместе с редукцией и элизией, выпадением некоторых элементов в аффиксальных морфемах, появи-

лась необходимость дифференциации элементов, их составляющих. И первым дифференциальным признаком, выделившимся из синтеза, характеризующего морфофонеми, был признак тембра (подъема).

Признак тембра (подъема) послужил импульсом для образования двух типов интерконсонантного элемента в морфофонеми, т.е. дифференцированных гласных фонем — типа [y] — верхнего подъема и типа [a] — нижнего подъема — и соответственно двух типов согласных элементов, т.е. согласных верхнего подъема и согласных нижнего подъема.

Наличие только двух основных фонем — [y] и [a] — сохраняется и в современных языках в аффиксальных морфемах при восьми фонемах для корневой морфемы, так как аллофоны для [y] — i, u, ü и для [a] — e, o, ö регулировались законами сингармонизма палатального и лабиального. Признаки же лабиализации и палатализации остались общими для всего слова. Следы этого состояния, т.е. сохранения палатализации и лабиализации для всего слова, характерны, по существу, и для большинства современных языков: палатализация в той или иной степени — для всех языков, а лабиализации — например, для киргизского или алтайского языков.

Для иллюстрации данного фонологического типа, в котором был уже дифференцирован вокализм основ слова, состоящих из двух или нескольких морфем, мы приводим те же примеры основ из современного казахского языка, характеризующегося уже агглютинативным строем:

tykty (tykty 'он сунул')
'tykty (tikti 'он шил')
°tykty (tuktu 'запруду')
'°tykty (tүktү 'имеющий шерсть')
takty (takty 'он прицепил')
'takty (tekti 'имеющий породу')
°takty (toktu 'ягненок')
'°takty (tөktү 'он просыпал')

или:

bylґa (bylґa 'смешивай')
'bylґy (bildi 'он знал')
°bylak (bulak 'родник')
'°bylyk (bүlүk 'смута')
balyk (balyk 'рыба')
'balym (belim 'моя поясница')
°baldy (boldu 'он стал')

или:

'°baldy (böldү 'он разделил')
tyska (tyska 'к внешности')
'tyska (tiske 'к зубу')
°tyska (tuska 'к противоположной стороне')
'°tysty (tүstү 'он сошел')
taska (taska 'к камню')
'tasty (testi 'он проткнул')

^otasty (tostu 'он ждал')
^otaska (tōskó 'к груди') и проч.

Фонематическая структура слова этого периода, как видно из указанных выше примеров, определялась наличием двух основных фонем, дифференцированных по тембру (подъему), остальные же дифференциальные признаки лабиализация и палатализация являлись общими и относились ко всей основе слова, которая, благодаря наличию двух основных гласных фонем, характеризовалась либо как основа верхнего подъема — tykty (tykty 'он сунул'), 'tykty (tikti 'он шил'), ^otykty (tuktu 'запруды'), ^otykty (tūktū 'имеющий шерсть'), либо как основа нижнего подъема — takty (takty 'он прицепил'), 'takty (tekti 'имеющий породу'), ^otakty (toktu 'ягненок'), ^otakty (tōktū 'он просыпал').

Согласные же элементы в слове, благодаря общим для всего слова признакам лабиализации и палатализации, имели уже не восемь вариантов, а четыре: t, 't, ^ot, ^ot так как по тембру (подъему) они были дифференцированы ранее наличием двух гласных фонем [y] и [a], т.е. характеризовались как:

t — задний, непалатализованный, нелабиальный;
't — передний, палатализованный, нелабиальный;
^ot — задний, непалатализованный, лабиальный;
^ot — передний, палатализованный, лабиальный.

Соответственно интерконсонантный элемент в слове имел следующие признаки.

Верхний подъем

.y. — задний, непалатализованный, нелабиальный = y
'y. — передний, палатализованный, нелабиальный = i
^oy. — задний, непалатализованный, лабиальный = u
^oy. — передний, палатализованный, лабиальный = ü

Нижний подъем

.a. — задний, непалатализованный, нелабиальный = a
'a. — передний, палатализованный, нелабиальный = e
^oa. — задний, непалатализованный, лабиальный = o
^oa. — передний, палатализованный, лабиальный = ö

Вместе с вокализмом, который для данного периода состоял из двух основных фонем, дифференцированных по тембру (подъему), усложняется несколько и консонантизм, хотя структура и основной его состав остаются стабильными. Если для предыдущего периода каждая основная консонантная фонема и ее аллофоны имели восемь вариантов, то для данного периода, когда вокализм состоял уже не из одной, а из двух основных фонем, та же консонантная фонема и ее аллофоны реализовались только в четырех вариантах.

Что же касается процессов фонологического развития консонантизма в данный период, то характерной особенностью его является соноризация и спирантизация некоторых передних, средних и задних согласных, т.е. фонематизация передних [m] и [w (~ 0)], среднего [n] и заднего

[h (~0)], — для начальной позиции и появление тех же сонорных и спирантов [m], [w], [n] и [h] — в конечной позиции.

Таким образом, консонантизм для данного периода состоял из следующих фонем.

I. Для начальной позиции:

1. 1) [p (~b ~m ~f/v)]⁴, 2) [m]⁴, 3) [w (~0)]⁴,
2. 1) [t (~d)]⁴, 2) [j (~nj/tj/dj ~ dʒ/č ~ c/dz ~ s/z ~ š/ž ~ s)]⁴, 3) [č (~š ~S ~s')]⁴
- 4) [ʃ]⁴, 5) [s ~θ]⁴, 6) [n]⁴,
3. 1) [k (~g ~q/ġ/g ~x ~h)]⁴, 2) [h (~0)]⁴,

т.е. из трех передних (губных) шести средних и двух задних, всего из 11 основных фонем с соответствующими аллофонами, реализовавшихся каждая в четырех вариантах в зависимости от характера слова.

II. Для конечной позиции:

1. 1) [p (~b ~m ~w ~f/v)]⁴, 2) [m]⁴, 3) [w (~0)]⁴,
2. 1) [t (~d)]⁴, 2) [j (~t/d ~ θ/δ ~ s/z ~ r)]⁴, 3) [č (~š ~S ~s')]⁴,
- 4) [ʃ (~l)]⁴, 5) [s ~θ ~z ~δ]⁴, 6) [r]⁴, 7) [l]⁴, 8) [n]⁴, 9) [z]⁴,
3. 1) [k (~g ~q/ġ ~x ~γ ~h)]⁴, 2) [γ]⁴, 3) [ŋ], 4) [h (~0)],

т.е. из трех передних (губных) фонем, девяти средних и четырех задних, всего из шестнадцати основных фонем с соответствующими аллофонами, реализовавшихся в четырех вариантах в зависимости от характера слова.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Для третьего периода характерны более сложные процессы в развитии фонематической структуры тюркских языков: вокализм приобрел восьмиричную систему и соответствующим образом усложнилась система консонантизма.

С закреплением за согласными элементами в структуре тюркского слова определенного дифференцированного значения как согласные, так и гласные элементы приобрели в корневой морфеме самостоятельную, независимую друг от друга значимость, в то время как аффиксальные морфемы сохранили свою общую зависимость от лабиализации и палатализации предыдущего периода с сохранением для аффиксальных морфем только двух гласных фонем, различающихся по признаку тембра (подъема).

Таким образом, в корневой морфеме стали различаться восемь фонем, симметрично соответствующие по всем трем признакам:

- 1) тембру (подъему): широкие — а, е, о, ö, узкие — у, и, u, ü;
- 2) лабиализации: негубные — а, е, у, i, губные — о, ö, u, ü;
- 3) палатализации: задние — а, у, о, u, передние — е, i, ö, ü.

В аффиксальных морфемах гласные сохранили древнюю дифференциацию только по признаку тембра (подъема), т.е. вокализм аффиксальных морфем остался ограниченным двумя фонемами [a(е, о, ö)] и [y(i, u, ü)].

Однако, как известно, состав гласных фонем в современных тюркских языках, равно как и в некоторых древних, не был единообразен. В одних языках наряду с общим для всех тюркских языков составом узких кратких гласных у, i, u, ü (с некоторыми их вариантами) имеются широкие гласные а, е, о, ö; в других языках, например, башкирском, татарском, отчасти древнетюркском, хакасском и некоторых других, широкие гласные а, е, о, ö соответственно замещаются узкими полудолгими: у, i, u, ü. Эти

различия в составе вокализма и причины возникновения в одних языках системы а, е, о, ö, у, i, u, ü, а в других — а, у; i, u, ü; у, i, u, ü объяснялись тюркологами в большинстве случаев субъективно, без достаточного фактического материала, иногда на основе противоречивых гипотез. Так, Д.Г. Киекбаев считал, что передвижение гласных имело два этапа: 1) сужение широких гласных о, ó, е, давших узкие u, ü, i и 2) расширение узких u, ü, i и переход их в о, ö, е (Киекбаев, 1956, с. 14); А.М. Щербак утверждал, что процессы имели обратный порядок: 1) расширение узких гласных i, u, ü > е, о, ö вследствие сокращения их длительности и 2) сужение этимологических широких е, о, ó как более позднее явление (Щербак, 1970, с. 33); В.А. Богородицкий данное передвижение гласных объяснял "ослаблением первого безударного гласного с утратой ясности звучания в результате сокращения его сонорной длительности" (В.А. Богородицкий, 1953, с.86); Г. Шараф это явление объяснял специфической татарской акцентуации — крайне слабо выраженным побочным ударением на первом слоге многосложных слов и вызванной ею закрытостью неударного гласного первого слога (1928, с. 240) и проч.

Если мы возьмем два конкретных современных тюркских языка с различным типом вокализма, например каракалпакский и татарский, и сравним гласные корневых морфем одних и тех же слов, то можем устаность общую закономерность, заключающуюся в том, что некоторые корневые морфемы имеют одинаковые гласные, например: а) негубные, редуцированные краткие гласные: тат. iŋ ~ ккалп. iŋ 'нужно'; тат. iŋ ~ ккалп. is 'дело'; тат., ккалп. til 'язык', уң-уң- 'стонать', қул- 'делать'; б) губные, редуцированные гласные: тат. uŋ ~ ккалп. uŋ 'конец', тат. küŋ ~ ккалп. küŋ 'сила'; тат., ккалп. қул 'раб', күл 'пепел'.

Другие же корневые морфемы резко различаются по составу своих гласных, например: а) с негубными, нередуцированными гласными: тат. it ~ ккалп. it 'мясо', in ~ in 'широкий', kil ~ kel 'приходить'; б) с губными нередуцированными гласными: тат. öl ~ ккалп. öl 'умереть', üt ~ üt 'проходить', kül ~ köl 'озеро', ün ~ ün 'десять', қул ~ қол 'рука'. Эта закономерность распространяется и на другие современные тюркские языки, которые по данному признаку разделяются по две группы: а) группу языков, в которых нередуцированные гласные состоят из (а), е, о, ö и б) группу, в которой этим гласным соответствуют (а), i, u, ü.

Вместе с тем, если сопоставить эти соответствия с материалами языка, то оказывается, что как основы с полудолгими i, u, ü, так и основы с гласными е, о, ö в чувашском языке имеют в анлаутной позиции общее соответствие, состоящее из СГ, т.е. из согласного и гласного, которое в других тюркских языках через ступени дифтонга и долгого гласного переходит либо в е, о, ö, либо в полудолгие i, u, ü, т.е.:

чув. jy > ya	а: > а	или ji > ie	е: > е
у: > у	у: > у		i: > i
чув. vy > vo	о: > о	или vi > vö	ö: > ö
u: > u	u: > u		ü: > ü

Что же касается инлаутных гласных в корневых морфемах i, u, ü и е, о, ö, то они во многих основах соответствуют в чувашском более сложным

комплексам, состоящим из ГСГ, которые также имеют через ступень дифтонга и долгого гласного те же соответствия — либо *i, u, ü*, либо *e, o, ö*, т.е.:

чув. $y_j y > y_a \begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases}$ или $y_v y > u_o \begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases}$
 чув. $j_i i > i_e \begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases}$ или $i_v i > ü_ö \begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases}$

В качестве консонантного элемента в чувашском языке могут выступать и другие согласные, кроме *j* и *v*, например *γ, g, b*.

Сиро Хаттори (1980) справедливо выделяет татарский и башкирский языки в составе кыпчакских языков, ссылаясь на специфику вокализма этих языков, т.е. на соответствие состава их гласных — *a, i, u, ü, y(ä), i(ë), u(o), ü(ö)*, а, гласным *a, e, o, ö, y, i, u, ü* в других кыпчакских языках (в скобках даны специфические знаки транскрипции С. Хаттори). Далее он отмечает, что татарские краткие редуцированные гласные *y(ä), i(ë), u(o), ü(ö)* соответствуют таким же редуцированным гласным *y, i, u, ü* других тюркских кыпчакских языков, например казахского, с тем отличием, что татарские гласные более тяготеют к центральным (mixed, по Г. Суиту). Все эти тюркские гласные по своему качеству и количеству соответствуют чувашским: тат. *i(ë)* = чув. *i* (орф. *ë*); *y(ä)* = *y(ä)*; *u(o)* = *u(ä°)*, *ü(ö)* = *ü(ö°)*, хотя в современном чувашском литературном языке представлены только две редуцированные негубные фонемы *y(ä)* и *i(ë)*, соответствующие же лабиальные гласные *u(ä°)* и *u(ö°)* сохранились только в чувашских диалектах.

Некоторые следы подобного вокализма встречаются также в древнетюркских языках, где гласные *y ~ a, i ~ e, u ~ o, ü ~ ö* являются полностью или частично неустойчивыми. То же следует сказать о северных диалектах алтайского языка и диалектах шорского, чулымского, тувинского, хакасского и якутского языков.

Вместе с тем все редуцированные гласные количественно короче гласных *a, e, o, ö* и соответствующих татарских и чувашских *y, i, u, ü*, которые сохраняют относительную длительность, впрочем, отличную от долгих гласных, например, первичных долгих гласных в туркменском языке: *a:, i:, u:, ü:*. Свойство относительной длительности гласных С. Хаттори объясняет тем, что исторически они образовались из соответствующих дифтонгоидных гласных, сохранившихся, например, в якутском языке, и, таким образом, происхождение татарского, башкирского, чувашского вокализма он представляет следующим образом:

Общетюрк.	Булг.	Тат., башк.	Чув.
a >	a (или ä) >	a (или ä) >	a (или ä)
e >	ie >	ië >	i
o >	uo >	uo >	u
ö >	üö >	üö >	ü
y >	y >	y >	y
i >	i >	i >	i
u >	u >	u >	u(ö)
ü >	ü >	ü >	ü(ö)

В данной схеме исходным составом общетюркского вокализма С. Хаттори считает а, е, о, ö, у, і, u, ü, болгарский же и татарско-башкирско-чуваши́й — результатом более позднего развития.

Однако нам процессы развития вокализма в тюркских языках нам представляются несколько иными. Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что древнейшим и исходным составом гласных в тюркских языках были все восемь фонем: а, е, о, ö, у, і, u, ü. Восьмеричная система тюркского вокализма была результатом длительного развития, и если узкие гласные у, і, u, ü имели общее развитие и общее происхождение, то гласные (а), е, о, ö в одной группе языков и (а), і, u, ü — в другой претерпели более сложные процессы своего развития.

Как уже отмечалось выше, некоторые современные тюркские языки имеют в своем составе узкие, сильно редуцированные у, і, u, ü, как справедливо отмечает С. Хаттори, тяготеющие к центральным (mixed, по Г. Сунту). К этим языкам относятся татарский, башкирский, чувашский, а также некоторые кыпчакские языки, например казахский, каракалпакский, ногайский и др. В других же языках те же узкие гласные редуцированы в меньшей степени. Вместе с тем эти узкие гласные имеют общее происхождение, которое может быть представлено таким образом:

Древнее состояние		Общетюрк.		Тат., башк.		Чув.		Другие тюрк. языки
у	>	у ~ у	>	у (ы)	>	у (ă)	>	у ~ у
і	>	і ~ і	>	і (е)	>	і (ě)	>	і ~ і
u	>	u ~ u	>	u (о)	>	u (ă ^о)	>	u ~ u
ü	>	ü ~ ü	>	ü (ə)	>	ü (ě ^о)	>	ü ~ ü

Что же касается относительно длительных гласных — общетюркских а, е, о, ö и татарско-чувашско-башкирских у, і, u, ü, то процесс их развития, как нам представляется, был иной и более сложный.

Гласные (а), е, о, ö в одной группе языков и соответствующие им у, і, u, ü — в другой отличаются от узких у, і, u, ü прежде всего своей относительной длительностью, а следовательно, по аналогии с вторичными долгими гласными, можно предположить, что они являются результатом стяжения двух или нескольких элементов, что характеризует также и вторичные долгие гласные в современных тюркских языках.

Фактический материал, сравнение и сопоставление фактов современных и других тюркских языков и диалектов позволяет установить именно эту последовательность в развитии и формировании длительных, по отношению к узким редуцированным гласным, т.е. гласных а, е, о, ö в одной группе языков и гласных у, і, u, ü — в другой.

Как свидетельствуют реальные факты современных и древних тюркских языков, гласные а, е, о, ö в одной группе языков и соответствующие им у, і, u, ü — в другой имеют соответствия с долгими гласными и дифтонгами, которые произошли, в свою очередь, либо из СГ, либо из ГСГ, либо из ГС, т.е. имели следующую последовательность своего развития:

Древнее состояние		Общетюрк.	Современные языки	
			I тип	II тип
$Cy \sim yC$	$>$	$ya \sim ya$ a: → y: →	a	y
$Ci \sim iCi$	$>$	$ie \sim ie$ e: → i: →	e	i
$Cu \sim uCu$	$>$	$uo \sim uo$ o: → u: →	o	u
$C\ddot{u} \sim \ddot{u}C$	$>$	$\ddot{u}o \sim \ddot{u}o$ ö: → ü: →	ö	ü

В сочетаниях Cy , Ci , Cu , $C\ddot{u}$ консонантный элемент (C) соответствовал согласным j, v, h и некоторым другим их субститутам; в сочетаниях же типа yC , iC , а также yC , iC консонантный элемент соответствовал j, γ, g и некоторым другим их субститутам.

Процесс развития комплексов типа СГ в анлауте, типа ГСГ в интерконсонантной позиции и ГС — в ауслауте в дифтонги и долгие гласные, а затем широкие а о е ö или узкие полудолгие у и i ü на ранних этапах развития вокализма и консонантизма является общим для всех тюркских языков. Процесс этот характеризуется своей необратимостью даже в отношении долгих гласных при их переходе в нормальные. Как отмечает Л. Базэн, "Долгие гласные (в частности, а:, i:, u:) могут вновь появиться в различных тюркских языках, но только путем заимствования иностранных слов (главным образом, арабских и персидских), например в османском языке, но не возрождаются в словах тюркского происхождения, и даже в заимствованных словах долгие гласные тяготеют к сокращению при их употреблении в речи" (Bazin, 1961).

Закономерность стяжения как рефлекс общей тенденции сокращения звукового облика слова, вызванного различными звуковыми законами и общей экономией, сохранилась и в современных языках на живых примерах превращения комплексов типа СГ, ГСГ, ГС в долгие гласные, а долгих гласных в нормальные, например: др.-тюрк. *bigiz* > туркм. *bi:z* > тув. *bis* > хак. *pis* 'шило'; др.-тюрк. *taquu(u)* > ккалп. *tawuq* > тоох 'курица'; др.-тюрк. *quruysaq* (**qu:tsaq*) > в др. яз. *qursaq* 'брюхо'; *sönük* > каз. *süjek* > чул. *süäk* > алт. *sö:k* > куманд. *sök* 'кость'. Эти процессы объясняют нам и более древние явления сокращения и изменения звуков в словах, например: *jaγ* 'мазать': **jaγ-uγ* 'масло' > туркм. *ja:γ* > в др. яз. *jaγ*; *joq* ~ *joγ* 'уничтожать': **joγ-uγ* 'уничтожение, нет' > туркм. *jo:q* > в др. яз. *joq*; *syq* ~ *syγ* 'давить, ломать': **syγ-un* 'сломаться' > туркм. *sy:n* > в др. яз. *syn*; *jaq* 'зажигать': **jaγ-yl* 'гореть' > туркм. *ja:l*; **jaj-un* 'воспламениться': > туркм. *ja:n*; **baγ* 'связывать': **baγ-uγ* 'связка' > туркм. *ba:γ* 'завязка, связка'; ср. *baγ-uš* 'место соединения, остова кибитки с крышей'; **saγ* 'думать, считать': туркм. *saγ-uš* 'мышление'; **saγ-un* > туркм. *sa:n* > *sap* 'число, количество'; др.-тюрк. *soγuq* > уйг. *soγaq* > чул. *suaq* > алт. *so :q* > куманд. *soq* 'холод, холодный'.

Проследивая эти закономерности на обширном живом материале современных тюркских языков, мы можем установить общую систему и общий

закон образования гласных в различных тюркских языках, с одной стороны, структуры вокализма, характеризующегося наличием полудолгих у, і, u, ü, т.е. структуры типа татарского, башкирского и отчасти перечисленных выше сибирских языков, и, с другой, — структуры, характеризующейся наличием широких а, е, о, ö, т.е. структуры других тюркских языков, при наличии для того и другого типа языков кратких звуков у, і, u, ü.

Таким образом, развитие полудолгих гласных того и другого типа, т.е. і, u, ü и е, о, ö, можно представить в следующих схемах:

I. В анлауте

1. j _ç > ya	$\begin{matrix} a: > a \\ y: > y \end{matrix}$	3. v _ç > uo	$\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$
2. ji > ie	$\begin{matrix} e: > e \\ i: > i \end{matrix}$	4. vi > üö	$\begin{matrix} ö: > ö \\ ü: > ü \end{matrix}$

II. В инлауте

1а. yj _ç ~ 1б. y _ç y > ya	$\begin{matrix} a: > a \\ y: > y \end{matrix}$	3а. uv _ç ~ 3б. u _ç y > uo	$\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$
2а. ij _ç ~ 2б. i _ç j > ie	$\begin{matrix} e: > e \\ i: > i \end{matrix}$	4а. üv _ç ~ 4б. ü _ç j > üö	$\begin{matrix} ö: > ö \\ ü: > ü \end{matrix}$

III. В ауслауте

1. y _ç /a _ç < aw > ua	$\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$	3. u _ç /o _ç > uw > uo	$\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$
2. i _ç /e _ç > ij > ie	$\begin{matrix} a: > a \\ y: > y \\ e: > e \\ i: > i \end{matrix}$	4. ü _ç /ö _ç > üw > üö	$\begin{matrix} ö: > ö \\ ü: > ü \end{matrix}$

I. В анлауте

1. j_ç > ya $\begin{matrix} a: > a \\ y: > y \end{matrix}$
 чув. juraп ~ тат. yzaп ~ туркм. a:ra в др. яз. ara 'межа';
 *j_çrt ~ чув. irt- ~ туркм. диал. a:rt- ~ як. угыт- ~ в др. яз. аргыт- 'чистить';
 *j_çy_ç ~ чув. j_çy_ç ~ як. уаг- ~ туркм. а: y_ç ~ ккалп. aw_ç ~ хак.а: г 'тяжелый'.

2. ji > ie $\begin{matrix} e: > e \\ i: > i \end{matrix}$
 *jiп ~ як. ien ~ туркм. i:n ~ алт. e:n ~ в др. яз. äп ~ in ~ en 'ширина';
 *ji_çg ~ як. sie ~ туркм. ij- ~ тур. диал. ji:- ~ в др. яз. je-, ji-, dže-, ži-, džij-, džej- 'есть, кушать'.

3. v_ç > uo $\begin{matrix} o: > o \\ u: > u \end{matrix}$
 *v_çт ~ чув. vut ~ як. uot ~ сал. out ~ ккалп. ^uot ~ туркм. o: t ~ в др. яз. ot ~ ut 'огонь';
 *vut-yn ~ чув. vut-y ~ ккалп. ^uot-yn ~ в др. яз. ot-yn ~ ut; yn 'дрова';

*vun ~ чув. vun ~ vuny ~ vunny ~ як. uon ~ туркм. o:n ~ ккалп. узб. диал. uon ~ в др. яз. on ~ un 'десять'.

4. vü > üö : > ö
 ~ ü: > ü

*vüt ~ vis ~ чув. vat ~ як. üös ~ туркм. ö: t ~ гаг. jöt хак. сагайск. ü:t ~ в др. яз. öt ~ ü t 'желчь';

*vür ~ чув. var ~ др. яз. bod ~ bod ~ шор. poz(y) ~ roj(y) ~ як. üös ~ туркм. ö:z ~ в др. яз. öz ~üz 'сам'.

II. В инлауте

1а. yjy > ya : > а
 ~ у: > у

*ryj-yg ~ (монг. *baj-yg; ср. baj-ux 'иметься, находиться') ~ як. byar ~ba:г ~ туркм. ba:г ~ в др. яз. rag ~bar ~var ~ чув. руг ~ rug 'есть, имеется';

*qyj-un ~ (монг. *qian) ~ як. ха:n ~ туркм. qa:n ~ в др. яз. qan ~чув. jun 'кровь';

*tyj-yl ~ tyj-ys ~ (монг. *tial ~cial > čyl ~čul ~čylaγun) ~ як. tyas ~ta:s ~ туркм. da:s ~ta:s ~ в др. яз. taš ~tas ~daš 'камень';

*djyj-yg ~ djyj-yz ~ (монг. džyg ~ džiu) ~ туркм. ja:δ- ~ja:j- ~ в др. яз. jaz- ~jaj- чув. s'yg- ~s'ig- 'распутывать, развизывать, расстилать, писать';

*qyj-yl ~ (монг. yl- 'остановиться') ~ як. ха:l- ~ туркм. qa:l- ~ в др. яз. qal- ~чув. jul- 'остаться';

*qyj-yj ~ башк. jaja ~ туркм. ja:j ~ja:γ ~ як. sa: ~алт. dja: 'лук (оружие)'.

1б. yyy > ya : > а
 ~ у: > у

*quy-yg ~ (монг. *qiar) ~ др.-тюрк. qaγ-ag ~ туркм. qa:г ~ як. ха:г ~ в др. яз. qaf ~чув. jur 'снег';

*tyy-yg ~ чув. tyv-yg ~ туркм. da:г ~чув. диал. tyг ~tur (Чуркин, 1963) ~ в др. яз. dar ~tar 'узкий';

*djyy-yč ~ н.-уйг. jaγ-ač ~jyy-ač ~ кирг. džyy-ač ~ башк. jyy-ac ~чув. jyy-as ~ туркм. а: γ-ač ~ др.-тюрк. уγ-ač ~тув. уi-ač ~ в др. яз. aγač ~aγač ~ тур. а:č 'дерево';

*djyy-yt ~ чув. yv-at- ~ як. у:t- ~yt- ~ в др. яз. at- 'бросать, стрелять';

*djyy-yg ~ djyy-yz ~ чув. s'yv-ag ~ туркм. aγ-yδ ~каз. aw-yz ~ хак. а:s ~ кирг. о:z ~алт. диал. u:s 'рот'.

2а. iji > ie : > е
 ~ i: > i

*rij-il ~ туркм. bi:l ~ як. bi:l ~ в др. яз. bel ~bil 'поясница';

*rij-il ~ rij-iš ~чув. rij-il(ek) ~ як. bies ~ туркм. bā:š ~ в др. яз. peš ~piš ~ peš ~beš ~biš ~bes 'пять';

*rij-ig- ~ як. bier- ~ туркм. ba:г- ~ в др. яз. ber-/per- ~bir-/pir- 'давать';

*ijj-il ~ як. siel- ~ в др. яз. jel- ~jil- 'бежать рысью';

*ij-iz ~ як. ties ~ туркм. ti:z ~ в др. яз. tez ~tiz 'быстро';

*kij-in ~ як. kjeñ ~ ieñ ~ туркм. gi:ñ ~ i:ñ ~ в др. яз. keñ ~eñ ~kiñ ~iñ 'широкий, ширина';

*tij-ig ~ туркм. dij- ~ як. die- ~ в др. яз. de-/te- ~ di-/ti- 'говорить, сказать';
 *jjj-ig ~ др.-тюрк. jej (ср. jej-im 'пища') ~ туркм. jji- ~ ij- ~ як. sije- ~ в др. яз. jē- ~ jej- ~ ji- ~ jij- (с вариантами) 'есть, кушать';
 *kji-ič ~ як. kiche ~ туркм. gi:č ~ в др. яз. keč/keš ~ kič/kiš 'вечер'.

2б. i*g*_i > ie < ^{e: > e}_{i: > i}

*pig-ig ~ як. iex- ~ туркм. a:g- ~ в др. яз. beg- ~ eg- ~ ig- 'гнуть';
 *čig-ig ~ (монг. čigig) ~ туркм. či:g ~ в др. яз. čij 'сырой'.

3а. u*γ*_γ > uo < ^{o: > o}_{u: > u}

*djuv-γq ~ як. suox ~ туркм. jo:q ~ в др. яз. joq ~ juq (с вариантами) 'нет';
 *tuv-γl ~ як. tuol- ~ туркм. do:l- ~ в др. яз. tol- ~ tul- 'наполняться';
 *puv-γl ~ як. buol ~ в др. яз. bol/bul ~ pol/pul ~ ol 'быть';
 *tuv-γz ~ tuv-γr ~ монг. dabus(un) ~ davs(un) ~ чув. tɣvar ~ як. tu:s ~ туркм. du:z ~ в др. яз. fuz ~ duz 'соль'.

3б. u*γ*_γ > uo ~ ya < ^{o: > o}_{u: > u}

*djuγ-γr ~ чув. jyv-γr ~ як. yar ~ уйг. аууғ ~ ног. awuγ ~ кирг. o:r ~ шор. а:г, о:г ~ алт. u:r 'тяжелый';
 *djuγ-γl ~ (монг. jaγulč'in ~ jiγulč'in) ~ як. suol ~ туркм. jo:l ~ в др. яз. jol ~ jul (с вариантами) 'путь';
 *djuγ-γz ~ djuγ-γr ~ чув. suvar ~ туркм. аууз ~ казах. awyz ~ хак. a:s ~ алт. u:s ~ кирг. o:z 'рот';
 *tuγ-γr ~ (монг. toγur(un) ~ туркм. to:r ~ в др. яз. tor ~ tur 'сеть';
 *buγ-γr ~ чув. pur ~ руγ ~ якут. buor ~ туркм. bo:r ~ в др. яз. bor ~ bur 'мел';

4а. u*vi* > uo < ^{o: > o}_{u: > u}

tub-ir-t ~ чув. *tyvart ~ tyvatta ~ tyvata ~ (монг. ta:wen ~ tabun ~ taun ~ ~ tava) ~ як. tüort ~ туркм. düört ~ dö:rt ~ в др. яз. dört/dürt ~ tört/türt 'четыре' (ср. Poppe, 1965, p. 179);

*kub-ik ~ чув. kuv-ak ~ як. küöx ~ туркм. gö:k ~ в др. яз. gök ~ kök ~ kük 'синий'.

4б. ü*gi* > üö < ^{ö: > ö}_{ü: > ü}

*küg-il ~ *kub-il ~ чув. *kuv-al > küli ~ як. küöl ~ туркм. gö:l ~ в др. яз. göl ~ gül ~ köl ~ kül 'озеро';
 *tüg-is ~ *tub-is ~ як. tüös ~ туркм. dö:š ~ в др. яз. töš/tös ~ tüş/tüs 'грудь';
 *süg-ik ~ süb-ik ~ як. üöx ~ туркм. θö:k ~ в др. яз. sók- ~ sük- 'браниться'.

III. В ауслауте

1. ау > aw > ya > o: ~u: > u

узб., хак. тау ~турк. дау ~каз. тау ~як. туа 'лес';

кирг. то: ~тур. да: ~алт. ту: ~чув. ту 'гора';

узб. хак. сау ~каз. saw ~як. уа-а: - 'дойти';

хак. сау ~каз. žaw 'падать (о дожде)';

уу > уј > ya > у:

туркм. јуу- ~хак. џуу- ~н.уйг. žiу- ~каз. žyу- ~кирг. džu:- ~алт. dju:- 'собирать';

ног. туq- ~хак. туј 'втыкать'.

2. eg/ig > ij > ie ~e:(~e) ~i:(~i)

ккалп. ЮЗ. deg ~МК tig ~СС teg- tej ~ккалп. СВ tij- 'трогать, касаться';

туркм. ag- ~ног. eg- ~кирг. ij- ~як. iex- 'гнуть';

*jeg- ~др.-тюрк. jej- (ср. jej-im 'пища') ~jig- ~ккалп. džej- туркм. jij ~ij- ~як. sije- ~кирг. dže- ~каз. ži- ~в др. яз. je- ~ji- 'есть';

*teg- ~dig- ~ккалп. dij- ~туркм. dij- ~як. die- ~в др. яз. de-/di- 'говорить'.

3. оу/уу > uw > uo ~o: ~u:(~u)

тоу- ~туу- ~ккалп. каз. туw- ~кирг. то:- ~алт. ту: 'родиться';

суу ~ккалп. suw ~алт. su: ~в др. яз. su 'вода';

qоу ~qow ~кирг. qo:- ~алт. qu:- 'гнать'.

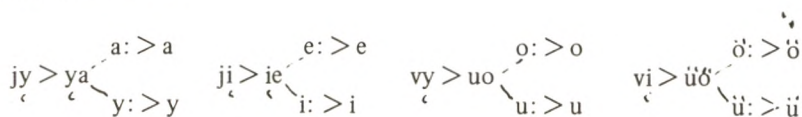
4. öğ ~üğ > üğ > üö ~ö ~ú: (~ü)

küğ ~küj ~kü: ~kö: 'слава'; üğ > üj 'дом'.

Из приведенных примеров на анлаутные, инлаутные и ауслаутные соответствия комплексов СГ, ГСГ, например типа чувашских ују (äjä), уву (ävä) и т.п., дифтонгам, затем долгим гласным и, наконец, полудолгим гласным можно сделать общий вывод о происхождении инлаутных полудолгих гласных а ~у, о ~и, е ~и, ö ~ü (в отличие от кратких у, і, ц, и) из долгих гласных, которые, в свою очередь, произошли из дифтонгов, а последние — из сочетаний СГ или ГСГ; ср., например, подобный процесс в следующих примерах: др.-тюрк. соуq ~уйг. соуq ~кюзрик. suaq ~алт. so:q ~куманд. soq 'холод, холодный'; др.-тюрк. šöñük ~каз. süjek ~кюзрик. süäk ~алт. sö:k ~куманд. šök 'кость'; др.-тюрк. öğrān- ~каз. üğren- ~алт. ü:ren- ~üren- 'учиться'; др.-тюрк. оуul ~уйг. оуal ~як. uol ~тув. o:l ~алт. u:l ~каз., ккалп. ul 'сын'.

Закономерности перехода сочетаний анлаутных ју, јі, ву, вј и инлаутных уву, іві, јіі, ују в долгие гласные, а затем в полудолгие а, е, ö, ö, и, ü, у, і могут пролить свет также и на происхождение двух основных типов вокализма тюркских языков — с одной стороны, вокализма в языках с доминирующим составом узких гласных (языки чувашский, татарский, башкирский, хакасский, а из древних языки болгарский и, отчасти, енисейско-орхонский), а с другой — вокализма в остальных тюркских языках, где узким полудолгим гласным і, и, и первых языков соответствуют широкие е, о, о, отсутствующие в первых, а в чувашском языке, в особенности в низовом его диалекте, замещение широких гласных узкими было еще более последовательным, так как во многих случаях замещался и а полу-

долгим узким у или u; ср., например, чув. руг- в.м. раг- 'идти', тугу в.м. тару 'хлеб на корню', s'уг- в.м. jaz- 'писать', һугу в.м. qагул 'желудок', јун в.м. qап 'кровь', һуг в.м. qaz 'гусь' (Владимирцов, 1924), причем Т.М. Матвеев (Матвеев, 1960) относит это явление, как и Т.Я. Владимирцов (Владимирцов, 1924), к древнейшей ступени развития чувашского вокализма. Итак:

Образование двух типов вокализма в тюркских языках объясняет нам:

1) характер вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского (у, i, u, ü, y, i, u, ü), сохранившегося не только в древних языках — болгарском и енисейско-орхонском, но и в современных языках: на западе — в чувашском, татарском и башкирском, а на востоке — в хакасском, северных диалектах алтайского языка и некоторых других тюркских языках Сибири, а также в качестве рефлексов, спорадически, в отдельных основах во всех остальных тюркских языках; 2) характер вокализма типа у, i, u, ü, а, е, о, ö в других тюркских языках.

Только фонетическим развитием анлаутных сочетаний согласных j и w с гласными типа чув. ју (jā), ји (jē), ву (vā), ви (vē) можно объяснить наличие двух отличающихся друг от друга структур вокализма: 1) вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского типа, характеризующегося отсутствием широких гласных е, о, ö и замещением их узкими i, u, ü;

2) вокализма других тюркских языков, характеризующегося наличием широких гласных е, о, ö вместо узких полудолгих i, u, ü.

Структура вокализма болгарско-чувашско-татарско-башкирского типа может быть представлена следующей схемой:

а (а, а)	у (ǎ, ы)	у (ы, ый)	и (ǎ°, о)	и (у, у)
е/ǎ (е, э)	і (ē, е)	і (и, и)	ı (ē°, ө)	ü (ý, у)

В скобках даны знаки транслитерации на основе русского алфавита — на первом месте для чувашского и на втором — для татарского языков.

В чувашском (низовом диалекте), татарском и башкирском литературных языках в составе вокализма отсутствуют звуки о, ö. В татарском и башкирских языках звук ä (э) соответствует в чувашском звуку е. Звуки ä (э) в татарском и е в чувашском имеют более позднее происхождение в связи с влиянием либо соседних, либо других адстратных языков, а для татарского языка может быть и в связи с явлением палатализации согласных.

Структура вокализма других тюркских языков, например кыпчакского типа — казахского, ногойского, каракалпакского, имеет следующую схему:

а (а, а)	у (ы, ы)	о (о, о)	ү (у, ү)
ä (ä)	і (и, и)	ö (ө)	ұ (ү, ү)

В скобках даны знаки транслитерации на основе русского алфавита —

на первом месте для ногайского и каракалпакского, на втором — для казахского.

В коренных словах отсутствуют звуки $y, i, u, \ddot{u}$ при наличии близких, но не совпадающих с ними $\ddot{y}, \ddot{i}, \ddot{u}, \ddot{\ddot{u}}$. Звук $\ddot{a}$ во всех указанных языках имеет более позднее происхождение в связи с влиянием арабского и иранских языков.

Различия в двух типах структур вокализма заключаются в отсутствии в первом типе гласных $e, o, \ddot{o}$, а во втором — $i, u, \ddot{u}$. Соответствиями для $e, o, \ddot{o}$ второй структуры в первой структуре служат $i, u, \ddot{u}$. Этим, возможно, объясняется наличие одних и тех же знаков рунического енисейско-орхонского письма для гласных $o \sim u$ и $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ (Батманов, 1962, с. 54) и соответствие $i \sim e$ в языках этой письменности, например: $eki \sim iki$ 'два', $el \sim il$ 'народ', $elig \sim ilig$ 'рука', $et- \sim it-$ 'делать', $e\check{s}/es \sim i\check{s}$ 'товарищ', $jet- \sim jit-$ 'достигать', $te- \sim ti-$ 'говорить' (Малов, 1951, с. 17).

Последний период фонетического развития тюркских языков характеризуется развитием восьмиричной системы гласных фонем и, таким образом, полной дифференциацией всех гласных по трем основным дифференциальным признакам — подъему, палатализации и лабиализации, развитием двух типов вокализма — 1) $a, e, o, \ddot{o}, y, i, u, \ddot{u}$ и 2) $y, i, u, \ddot{y}, \ddot{i}, \ddot{u}, \ddot{\ddot{u}}$ и, вместе с тем, слабым по сравнению с предыдущим периодом развитием консонантизма.

Усложнение консонантизма произошло главным образом в связи с развитием лексики и терминологии, заимствованной из соседних неродственных языков. Процесс этот характеризуется фонематизацией звонких аллофонов основных фонем как в начальной, так и в конечной позиции: фонематизацией губного b , средненебных d, z , заднего g и, реже, аллофонов-спирантов: в начальной позиции — губного v и начальной и конечной позиции задних — x и h .

Таким образом, консонантизм тюркских языков третьего периода имеет следующий состав.

I. Для начальной позиции:

1. 1) $[p (\sim b)]^1$; 2) $[m]^1$; 3) $[w (\sim v \sim f)]^1$; 4) $[v]^1$;
2. 1) $[t]^1$; 2) $[d]^1$; 3) $[j (\sim nj/tj/dj \sim \check{c}/d\check{z} \sim \check{s}/\check{z} \sim \check{c}/dz \sim s/z \sim s')^1$; 4) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim \check{s})]^1$; 5) $[\check{s}]^1$; 6) $[s]^1$; 7) $[z]^1$; 8) $[n]^1$;
3. 1) $[k (\sim g \sim q \sim \check{q})]^1$; 2) $[h (\sim 0)]^1$; 3) $[x]^1$.

II. Для конечной позиции:

1. 1) $[p]^1$; 2) $[m]^1$; 3) $[w]^1$;
2. 1) $[t]^1$; 2) $[d]^1$; 3) $[j (\sim \theta/\delta \sim t/d \sim s/z \sim r)]^1$; 4) $[\check{c} (\sim \check{s} \sim s)]^1$; 5) $[\check{s} (\sim 1)]^1$;
- 6) $[s (\sim z)]^1$; 7) $[r]^1$; 8) $[l]^1$; 9) $[n]^1$; 10) $[z]^1$;
3. 1) $[k (\sim g \sim q \sim x)]^1$; 2) $[\gamma]^1$; 3) $[\eta]^1$; 4) $[h]^1$.

Все согласные фонемы для данного периода дифференцированы соответствующим восьмиричным вокализмом, т.е. их позиционные особенности в отношении подъема, палатализации и лабиализации дифференцировались уже соответствующими гласными.

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ ПЕРИОДЫ

Процессы развития вокализма от моновокалической структуры к двухфонемной и позднейшей восьмифонемной структуре, характеризующиеся указанными выше закономерностями, были, по существу, аналогичными и для более позднего и современного структурного состава гласных тюркских языков.

Если сочетания комплексов, состоящих из двух узких гласных неполного образования (у, і), с интервокальным согласным в первые периоды развития вокализма реализовывались в дифтонгоиды и долгие гласные, а затем в нормальные а, е, о, ö в одних языках и у, і, u, ü — в других, сохраняя в языке отношения и дифтонговость и долгих гласных, то в более поздний период развития тюркских языков уже с восьмиричной структурой гласных те же процессы образования дифтонгоидов и долгих гласных продолжались вместе с процессами корнеобразования, т.е. с формированием новых, более поздних корневых морфем.

Иначе говоря, приведенные выше закономерности последовательного развития гласных не только сохранились как хронологические отношения каждой ступени древнейшего развития, но и продолжали реализовываться в современных языках в новых условиях восьмиричной структуры вокализма в той же последовательности: 1) более древние первичные сочетания типа ГСГ (ayy ~ egi, uy ~ ügi), СГ (jy ~ yj) и ГС (yj ~ yy); 2) переход их в дифтонги типа як. ya/ie ~ uo/üö; 3) трансформация их в долгие гласные типа туркм. у: (~ yj), і: (~ ij), u:, ü:, а:, е:, о:, ö:; 4) превращение их в нормальные нередуцированные гласные а, е, о, ö, у, і, u, ü, например в современном алтайском языке.

Все эти процессы происходят и в последний, пятый период, т.е. в современных языках. В связи с этим представляется возможным не только гипотетически установить последовательность их развития, но и раскрыть природу и происхождение каждой из ступеней развития гласных и, в первую очередь, дифтонгоидов типа як. ya/ie, uo/üö и долгих гласных, а также становления всей восьмиричной системы тюркского вокализма и природы нормальных гласных а, е, о, ö в одних и у, і, u, ü — других языках.

Одной из сложных проблем тюркского вокализма, до сих пор не решенного единообразно, является проблема происхождения дифтонгов типа як. ya/ie; uo/üö, а также так называемых первичных долгих гласных, встречающихся в туркменском и некоторых других языках.

Существует много различных гипотез и теорий о происхождении как дифтонгов, так и долгих гласных в тюркских языках (Ligeti, 1938; Németh, 1938; Menges, 1938; Биишев, 1963; Щербак, 1967), из которых ныне справедливо является господствующей теория, изложенная сначала В. Радловым (В. Radloff, 1882), а затем П. Пельо (Pelliot, 1925) и более конкретно развитая Л. Лигети (Ligeti, 1938). Сущность этой теории заключается в том, что как вторичные, так и первичные долгие гласные в тюркских языках образовались из стечения комплексов типа ГСГ, т.е. двух гласных с интервокальным согласным γ, j, ɟ и более сильных их субститутов.

Развивая эту наиболее вероятную теорию образования дифтонгоидов и долгих гласных, отметим, что процессы стяжения и конкретизации при образовании долгих гласных, сохранившихся в современных тюркских

языках, хронологически были не единовременны. В каждом конкретном случае можно констатировать либо более древнее их образование либо более новое. Вместе с тем технологический процесс образования долгот был единообразным и общим как для более древнего, так и для более поздних периодов развития тюркского вокализма. Схематически эти процессы могут быть представлены в следующем виде.

I. В анлауте

[СГ] С > Г:С > ГС, например: чув. *vut* ~ як. *uot* ~ туркм. *o:t* > *ot* ~ *ut* в др. яз. 'огонь'; чув. *vun* ~ як. *uon* ~ туркм. *o:n* > *on* ~ *un* в др. яз. 'десять'.

II. В инлауте

1. С [ГСГ] С > СГ:С > СГС: чув. *kyv-ak* > туркм. *gö:k* > *gök* ~ *kük* ~ *kök* в др. яз. 'синий'; др.-тюрк. *qay-ar* ~ туркм. *ğa:r* > *qar* ~ *хаг* в др. яз. 'снег'.

2. (С) [ГСГ] С > (С)Г:С > (С)ГС: чув. *yvat-* > як. *y:t-* > *at-* в др. яз. 'бросать, стрелять'; н.-уйг. *jaγ-ač* ~ *jyγač* > кирг. *džyγ-ač* > чув. *jyv-as'* > туркм. *a:γ-ač* > др.-тюрк. *yγač* ~ тув. *yj-ač* > тур. *a:č* 'дерево'.

III. В ауслауте

С[ГС] > СГ: > СГ, например: узб. *taγ* ~ туркм. *daγ* > як. *tya* 'лес' > кирг. *to:*, тур. *da:*, алт. *tu:* > чув. *tu* 'гора'; др.-тюрк. *toγ-* ~ *tuγ-* > каз. *tuw-* > кирг. *to:* ~ алт. *tu:* 'родиться'.

Следовательно, первичные долгие гласные в современных языках — туркменском, тувинском и проч., а также дифтонги типа *ya*, *ie*; *uo*, *üö* в якутском представляют собой ни что иное как следы сохранившихся ступеней фонологического развития тюркского вокализма, т.е. результаты стяжения комплексов согласных и гласных типа С[ГС], С[ГС-Г]С, [СГ]С — процессы, по существу, общие с образованием современных вторичных долгих гласных с той только разницей, что образование первичных долгих гласных относилось к более древнему периоду, причем образование их могло возникнуть в простых морфемах типа С[ГС, > Г:] (др.-тюрк. *sa:-* < [s(aγ-)] 'считать', *ba:-* < [b(aγ-)] 'связывать' и проч.), [СГ]С (например, як. *a:x-* < (sa)γ- 'считать', *a:l* < (sa)l 'плот'; як. *y:r*, туркм. *a:r-* < н. уйг. [ha]r- 'уставать') и сложных морфемах, представляющих собой более позднее соединение и фузию двух и более простых морфем, из которых первая сохраняла реальное лексическое значение, а последующие грамматикализировались в аффиксальные морфемы, например типа С[ГС-Г:] *ta:m* [< t(aγ >) a: m] 'стена', *qa:r* [< q (aγ-a:) r] 'снег', типа С[ГС-Г]С > (С) [ГС-Г]С: як. *uas* [< (saγy-ya) s] 'сера', хак. *a:s* ~ кирг. *o:z* ~ алт. *ü:s* (< чув. *s'av-ar* ~ туркм. *aγ-yz*) 'рот'; шор. *a:r* ~ кирг. ~ *o:r*, алт. ~ *u:r* (< чув. *jyv-ar* ~ ног. *aw-yr*) 'тяжелый'.

Для более позднего состояния имело место превращение долгих гласных либо в краткие, что характерно для большинства тюркских языков, не имеющих так называемых "первичных долгих гласных", либо в комплексы С[ГСГ]С > СГСГ ~ (С)ГГС, что характерно для некоторых тюркских основ, например: н.-уйг. *teri-* < туркм. *ti:r-* 'собирать урожай'; алт. *aγy-* < туркм. *a:r-*, як. *y:r-* 'уставать'; тув. *örü* < туркм. *ö:r-* ~ в др. яз. *ör-* 'плести'; кирг. *uju* < туркм. *u:j-* 'следовать за кем-либо' и проч.,

возможно, и для некоторых общих с тюркскими, монгольскими основ (например, монг. *köke* < туркм. *gö:k*, чув. *кулак* 'синий', голубой', монг. *aba* < туркм. *a:w* 'охота'), но не обратное явление, как предполагал К. Менгес (Menges, 1938), так как в монгольском образовании типа *köke* 'синий' были более поздними, чем долгие гласные в тюркских языках.

Однако процессы образования в тюркских языках долгих гласных имеют свою периодизацию в отношении способов их образования от наиболее древнего периода, когда долгие гласные образовались от сочетания первичных узких редуцированных гласных *y, i, u, ü* в стяжении с соответствующими согласными, к среднему периоду образования из сочетаний как узких редуцированных, так и соответствующих широких гласных *a, e, o, ö* (образование так называемых современных "первичных долгих") и, наконец, к третьему периоду образования современных так называемых вторичных долгих гласных.

В древнейший период образования долгих гласных последние представляли собой сочетания согласных и гласного либо в начале морфофонемы по типу *СГ > Г:*, либо в конце — *ГС > Г:*, либо при сочетании морфофонем — в средние, по типу *СГС + СГС > С [ГС(С)Г]С > СГ:С*; при этом гласный элемент соответствовал реализации одного из узких редуцированных *y, i, u, ü*, которые в сочетании с согласными и образовывали соответствующие долгие, позже превратившиеся в одних языках в нередуцированные широкие гласные *a, e, o, ö*, в других — в полудолгие *y, i, u, ü* через ступень дифтонгов, т.е. по схеме:

$$\begin{array}{ll} \text{C}y > ya \begin{cases} a: > a \\ y: > y \end{cases} & \text{C}u > uo \begin{cases} o: > o \\ u: > u \end{cases} \\ \text{C}i > ie \begin{cases} e: > e \\ i: > i \end{cases} & \text{C}ü > üö \begin{cases} ö: > ö \\ ü: > ü \end{cases} \end{array}$$

Можно предположить, что первоначально соотношение системы нередуцированных гласных, т.е. системы *y, i, u, ü*, и системы *a, e, o, ö* при наличии в той и другой системах общих редуцированных гласных *y, i, u, ü* было неустойчивым, что, например, характерно для древнетюркских языков и, в частности, языка енисейско-орхонских надписей, где гласные *a ~ y, e ~ i, o ~ u, ö ~ ü* замещали друг друга.

В более поздний, пятый, период та или другая система нередуцированных гласных, т.е. широкие *a, e, o, ö* и полудолгие *y, i, u, ü*, закрепилась бы за определенными языками и, таким образом, в одних из них восьмеричная система вокализма устанавливалась бы в составе *a, e, o, ö, y, i, u, ü* (для большинства тюркских языков), в других же — в составе *a ~ y, i, u, ü*, например в современном татарском и башкирском языках.

При становлении и закреплении той или другой системы вокализма происходила некоторая интерференция между этими системами, образуя чередования таких, например, гласных, как *y ~ a*, сохранившихся во многих тюркских языках в единичных случаях, например в карачаево-балкарском, в других же — довольно регулярно, например в чувашском, якутском, тувинском, тофаларском, кумандинском и проч., а также в древних языках — в языке тюркутов (огузов), чигиль и аргу (по Махмуду Кашгарскому).

Соответствие у ~ а вызвано было, видимо, тем, что языки, имевшие систему гласных, состоящую из редуцированных у, i, ɥ, ü и нередуцированных полудолгих у, i, u, ü, в которых гласный у был результатом стяжения СГ > уа > а: > а (или > у: > у) и соответствовал в языках, имевших систему из редуцированных у, i, ɥ, ü и нередуцированных а, е, о, ö, гласному а, что и вызвало вибрацию у ~ а.

Вместе с тем отдельные тюркские языки независимо от системы гласных сохранили дифтонги типа уа, ie, uo, üö или долгие гласные, частично развившиеся позже в нередуцированные а, е, о, ö или у, i, u, ü, а частично сохранившиеся в виде первичных долгих гласных, как это имеет место и в процессах, характерных для более позднего периода; ср., например: *syγ-yn- > туркм. sy:n- > в др. яз. syn- 'ломаться' или чув. кув-ак > туркм. go:k > kök > күк 'синий'.

Соответствие у ~ а, т.е. сохранение узкого нередуцированного у или u вместо широкого а, как отмечалось выше, наиболее характерно для у-языков: чувашского, якутского, тувинского, тофаларского, кумандинского и некоторых других в отличие от прочих а-языков (ср.: Eren, 1942), например:

чув.	хут- ~ в др. яз.	qata-	'твердеть'
	хут-а-	qat-yγ	'твердый'
	пур-	bar-	'идти'
	yltyn	altyn	'золото'
	tymar	tamyr	'жила'
	тыгу	taryγ	'зерно, хлеб'
	ур-	ar-, a:r-	'устанавливать'
	yt-	at-	'стрелять'
	s'yt-(ar)	jat-džat-, čat-	'лежать'
	tyt-	tart-	'тянуть'
	s'yr-	jaz-	'писать'
	pyl	bal	'мед'
	хур-ум	qaryn	'живот'
чув.	хут ~ в др. яз.	qat	'слой'
	xur-an	qajyn	'береза'
	xum-yš	qamuš	'камыш'
	sux-al	saqal	'борода'
	pus'	baš, bas	'голова'
	čup-	čap-	'бежать'
	put-	bat-	'тонуть'
	s'uxa	jaqa	'воротник'
	ulty	alty	'шесть'
	ut-aj	ad-ym	'шаг'
як.	us'-	ač-, aš-, as-	'открывать'
	yl-	al-	'взять'
	yj	aj	'месяц'
	yrt-	art-	'навыючивать'
	пух-	baq-	'смотреть'
	тын	tan	'заря'

	tyj	taj	'жеребенок'
	yt-	at-	'стрелять'
тув.	čyt-	čat-, jat-, džat-	'лежать'
	tyrt-	tart-	'тащить'
	typ-	tap-	'находить'
	qylyn	qalyn	'толстый'
	čyryq	jaryq	'свет'
	dyryaq	taraq	'гребень'
куманд.	yq-	aq-	'течь'
	djyla-	jala-	'лизать'
	djyγ	jaγ	'жир, сало'
	djyt-	jat-	'лежать'

Соответствие $y \sim a$, например в северных диалектах алтайского языка, распространяется и на аффиксы словообразования и словоизменения: -lyt в м. -lar — аффикс мн. числа; -dyj в м. -daj — аффикс уподобления: -lyq в м. -laq — аффикс местонахождения и проч.

Из других процессов развития гласных фонем, кроме процесса их фонематизации от одной гласной фонемы к двум фонемам, различающимся по дифференциальному признаку тембра (подъема) и к восьми фонемам, обусловленным лабиализацией и палатализацией, т.е. сингармонизмом всей основы и развитием из комплексов $[C\Gamma]C \sim C[C\Gamma] \sim C[\Gamma C]$ дифтонгов и долгих гласных, а затем образованием двух типов систем вокализма с узкими полного образования и с широкими полного образования, отметим следующие частные процессы, характерные для более поздних периодов развития тюркских языков и представляющие собой результат влияния субстратных и адстратных языков: 1) наличие специфических гласных в некоторых языках — $\ddot{a}$ (ə) и $\hat{a}$; 2) делабиализация; 3) депалатализация, 4) фарингализация и 5) умлаут.

Наличие гласного $\ddot{a}$ (ə) ограничено несколькими тюркскими языками, в вокалической системе которых этот звук появился в результате деформации общетюркского вокализма под влиянием главным образом иранского субстрата. К этим языкам относятся из огузских языков азербайджанский и гагаузский, из карлукских — уйгурский и узбекский, из кыпчакских — татарский и башкирский. В некоторых языках этот звук весьма ограничен либо употреблением в заимствованных словах, сложных словах, состоящих из двух основ с различным рядом гласных, например в казахском, каракалпакском, ногайском и крымско-татарском, либо использованием как результата стяжения дифтонга или субститута долгого гласного, например в туркменском. В остальных языках $\ddot{a}$ (ə) как самостоятельная фонема — отсутствует.

Что касается гласного $\hat{a}$, то он характерен для узбекского языка (как влияние иранского субстрата) и для татарского и башкирского языков, в которых появление этого звука объясняется, как и наличие $\ddot{a}$ (ə), иными причинами (Богородицкий, 1934).

Явление делабиализации в отношении гласных третьего ряда ($\ddot{o} > e$, $\ddot{u} > i$) встречается оказнонально как в кыпчакских, так и огузских язы-

ках, например: туркм. *tepe* 'холм', в др. яз. *töbe*; ккалп. *eški* 'коза', в др. яз. *öski* ~ тув. *öskü* ~ хак. *öski*; ккалп. *düz-* 'составлять, нанизывать' ~ алт. *tis-*; ккалп. *turna* ~ *tyrna* 'журавль', *byzaw* ~ *buzaw* 'теленки'. Особенно последовательно оно выражены в галицко-луцком диалекте караимского языка, например: *beri* 'волк', в др. яз. *börü*; *el-* 'умирать', в др. яз. *öl-*; *et* 'желчь', в др. яз. *öt*; *kin* 'день', в др. яз. *kün* ~ *gün*; *ic* 'три', в др. яз. *üç* ~ *üş* (Баскаков, 1970).

Делабиялизация, безусловно, прежде всего связана с влиянием соседних языков и не является характерной для общей типологической характеристики тюркских языков. К подобным фонетическим закономерностям, не оказавшим значительного воздействия на общие процессы развития тюркского вокализма, может быть отнесена депалатализация гласных, ср., например: як. *tyl* ~ тув. *dyl* 'язык', в др. яз. *tıl* ~ *dıl*; тур. н.-уйг. *jeşil* 'зеленый', в др. яз. *jaşyl* ~ *džasyl*; тур. *jeni* 'новый', в др. яз. *jaңy* ~ *jaңyу* (Дмитриев 1955).

Нетипичным для тюркских языков является также фарингализованные гласные, встречающиеся в тофаларском (Рассадин, 1971), тувинском языках (Сат 1966), которые объясняются исследователями этих языков влиянием кетского или самодийского и которые, однако, слабо противопоставлены нефарингализованным гласным.

Специфическими закономерностями сингармонизма, с одной стороны, и редукции гласных, с другой, что иногда смешивается фонологами (Виноградов, 1970), характеризуется современный уйгурский язык. Особенностью сингармонизма этого языка является наличие особой закономерности обратного влияния узкого индифферентного *i* в конечной позиции двусложного слова на широкие гласные первого слога (*a*, *ä*), которые в словах с передними гласными дают *ä* > *e*, например; *käl-iş* > *kel-iş* 'приход', а в словах с задними гласными — *a* > *e* и определяют всю основу слова, т.е. и гласные и согласные, например: *al-iş* > *el-iş* 'взятие'. Более сложные закономерности связаны с обратной губной гармонией: узкие *u*, *ü*, губные гласные второго слога, огубляют негубной корневой морфемы первого слога, например: *aç-uq* > *oç-uq* 'открытый', *jäjdür* $\cong$ *jädür* > *jödür* ~ *jödür* 'кормить'.

Другая закономерность — закон редукции гласных, который связан не с сингармонизмом, как предполагают некоторые исследователи, а со структурой ударений в слове — второстепенных и главного, заключается в том, что широкие гласные *a* и *ä*, попадая в безударную позицию, редуцируются и переходят в узкие *i* или *u* ~ *ü*, например: *kemä* — *kemi-lä(r)* 'лодка — лодки'; *harva* — *harvu-la(r)* 'арба — арбы'.

Закономерности эти характерны для уйгурского языка и некоторых диалектов узбекского языка и, по-видимому, объясняются влиянием иранского субстрата.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНСОНАНТИЗМА

Процессы развития согласных, как и гласных, для разных тюркских языков не одновременны. Одни языки до настоящего времени имеют архаичный консонантизм, другие языки под влиянием субстратных и адстратных языков приобрели особые, специфические черты, отличающих

их от других тюркских языков. Для установления закономерностей развития консонантизма рассмотрим последовательно все существующие соответствия согласных в анлауте, инлауте и ауслауте в отношении передних согласных (губных), средних (передне- и средняяязычных) и задних (задняяязычных, фарингальных).

Общей закономерностью развития согласных фонем можно считать процесс фонематизации существовавших в более ранние периоды развития консонантизма аллофонов ранее выделившихся фонем, т.е. превращение аллофонов в самостоятельные фонемы. Развитие это происходило, как правило, не для всех типов согласных последовательно — сначала в виде соноризации, затем спирализации и, наконец, вокализации (озвончения), т.е. в первую очередь шло развитие в самостоятельные фонемы аллофонов сонорных, затем аллофонов-спирантов и, наконец, аллофонов звонких согласных, причем процессы фонематизации аллофонов были специфичны для различных типов согласных, а также для различных их позиций в корневой морфеме и слове, т.е. в начале, конце или середине слова.

ПЕРЕДНИЕ (ГУБНЫЕ) СОГЛАСНЫЕ

В наиболее ранний период губные согласные были представлены только одной фонемой [p] с соответствующими аллофонами, как для анлаута, так и для ауслаута, т.е. имели следующий состав аллофонов:

I. [p (~ b ~ f/v ~ w ~ m)].

Следы фонематического неразличения всех этих аллофонов, представляющих одну губную фонему в наиболее ранний период развития консонантизма тюркских языков, сохранилась в современных языках и диалектах в анлауте некоторых слов в отношении аллофонов [p] ~ [b] ~ [m]. Так, например, соответствие p ~ b ~ m в аунлауте сохранилось в следующих языках:

с.-юг. perek, хак. rözük, rözik, шор. конд. röjik ~ в большинстве яз. büjuk, bijik, bejik, др.-тюрк. bedük, тув. bedik ~ шор. mраск. mözük, mözäk — в общем значении 'высокий';

хак. pü:r, rö:r, алт. pöru, böru ~ в большинстве яз. börü ~ bürü ~ куманд. möre, черн. тат. mörü, mürö — в общем значении 'волк';

алт. palta, balta ~ в большинстве яз. balta ~ черн., куманд., чул. malta, хак. maly, palty — в общем значении 'топор';

алт. polot, bolot ~ в большинстве яз. bolat, bulat, bolot ~ хак. molot, molat — в общем значении 'сталь'. Ср. также: тур., гаг. ben 'я', кр.-тат. bin 'тысяча' ~ в большинстве яз. men ~ män ~ min 'я', кар. min, кум. кбалк., узб. min, ног., каз. муң 'тысяча' и проч.

В конечной позиции в корневой морфеме эти соответствия отсутствуют. Это свидетельствует о том, что дифференциация шумных и сонорных передних (губных) согласных представляет собой наиболее древнее явление.

Второй период в развитии губных согласных в анлауте и ауслауте характеризуется выделением в самостоятельные фонемы сонорных аллофонов [m], [w]. Дифференциация шумных (проточных и взрывных звонких и глухих) аллофонов [p (~ b ~ f/v)], с одной стороны, и сонорных [m] и [w] — с другой, обусловила появление уже трех самостоятельных губных фонем:

II. 1. [p (~b ~f/v ~w)]; 2. [m]; 3. [w].

Этот состав фонем еще совсем недавно был характерен для некоторых современных тюркских языков, например алтайского, где при наличии этих трех фонем, четко различаемых в языке, до самого последнего времени не было фонематической дифференциации таких звуков, как p/b ~ ~f/v ~ w, и только позже, в результате значительного количества лексических заимствований из русского языка звуки [p], [b], [f], [v] фонематизировались, т.е. получили статус самостоятельных смыслоразличительных фонем.

Таким образом, для второго периода развития губного консонантизма тюркских языков была характерна соноризация и спирализация, т.е. выделение в самостоятельные фонемы сонорного аллофона [m] и спиранта w, противопоставленных шумным (проточным и взрывным) аллофонам фонемы [p (~ b ~ f/v)]. Ср., например, слова, в которых фонемы [p (~ b ~ f/v)] и [m] дифференцированы: maq 'хвала'; maqta- 'хвалить' и baq- 'ухаживать, смотреть за к.л.'; maj 'жир, масло' и baj 'богатый' и проч., или в ауслауте в кыпчакских языках: tap- 'находить' и taw 'гора', sap 'рукоятка' и saw 'здоровый; доить' и проч.

Третий период развития губных согласных в ауслауте характеризуется дальнейшей спирализацией, т.е. выделением в самостоятельные фонемы аллофонов-спирантов v/f. К этому процессу следует отнести фонематизацию, с одной стороны, взрывной согласной фонемы [p (~ b)] и сонорной [m], а с другой — проточных согласных [w (~ v)] и [v]. Таким образом, в третий период в состав губных согласных фонем входит уже четыре фонемы:

III. I. [p (~ b)]; 2. [w (~ v)]; 3. [m]; 4. [v].

Следы процесса спирализации, т.е. выделения в самостоятельную фонему спирантов [w (~ v)], [v], противопоставленных взрывному согласному [p (~ b)] и сонорному [m], сохранились в следующих языках: b/p — ber- ~ per- 'давать', bar ~ paq 'есть, имеется' в большинстве языков; v — ver- 'давать', var 'имеется' в огузских (турецком, азербайджанском) языках; m — maj 'масло', baj 'богатый'.

Характерной для тюркских языков закономерностью в отношении соответствия [p (~ b)] ~ [w (~ v)] в ауслауте является также соответствие [p (~ b)] ~ [w (~ v)] ~ 0, т.е. ослабление переднего (губного) согласного и его исчезновение; ср., например, в кыпчакских и в некоторых других языках bol- ~ pol- 'быть, стать' ~ огузск. (турецкий, азербайджанский) ol- в том же значении; ср. также соответствие по различным тюркским языкам: böl- ~ bül- > öl- ~ ül- 'делить'; baqur- > aqur 'кричать'; bod ~ bođ ~ boj > öz 'сам' и проч. (Баскаков, 1979).

Результатом процесса фонематизации [v], т.е. превращения данного аллофона в самостоятельную фонему, можно считать также чувашский этимологический согласный [v], сохранившийся как субститут более сильных согласных, например: чув. vut ~ в др. яз. vot ~ ot ~ ut 'огонь'; чув. vun ~ vuna ~ в др. яз. von ~ o:n ~ on ~ un 'десять'; чув. vil- ~ в др. яз. *öl- ~ *öl- ~ öl- ~ ül- 'умереть'. К процессу фонематизации спирантов-аллофонов [v], [w] в ауслауте корневых морфем следует отнести все соответствия, относящиеся к закону Рамстедта—Пельо, т.е. соответствия [p (~ b)] ~ [v(w ~ f)] ~ [h] > 0.

В конечной позиции в корневой морфеме соответствие [p(~ b)] ~ [v(~ w ~ f)] встречается редко; ср., например *täf ~ täv ~ täp* 'хитрость' и проч. (Рясянен, 1955, с. 149).

Наконец, к четвертому и пятому периодам развития передних (губных) согласных в анлауте и ауслауте корневых морфем следует отнести процесс выделения в самостоятельные фонемы глухих и звонких аллофонов, т.е. фонематизацию аллофонов [p], [b], [v], [f]. Таким образом, эти периоды характеризуются наличием шести самостоятельных губных согласных фонем:

IV—V. 1. [p], 2. [b], 3. [v], 4. [w], 5. [f], 6. [m].

Фонематизация глухих и звонких аллофонов передних (губных) согласных является позднейшим процессом, возникшим в тюркских языках в связи с массовым заимствованием лексики из неродственных языков (арабского, персидского, русского). До самого позднего времени для тюркских языков согласные [p] и [b], а также [f] и [v] не были фонематическими, т.е. не имели смысловозначительной функции. В одних языках, где господствующую функцию выполнял аллофон [p], в связи с заимствованием иноязычных слов со звонким согласным [b], а также с [f] и [v] самостоятельное значение фонем, получили как [p], так и [b], [f], [v] в других же языках, где господствующую функцию выполнял аллофон [b], в связи с заимствованием слов с глухим [p], а также с [f] и [v] самостоятельное значение фонем получили аллофоны как [b], так и [p], [f], [v]. Ср., например:

1. [p]: *paј* 'пай, доля'; *pes* 'проказа'; *pul* 'деньги';
2. [b]: *baj* 'богатый'; *bes ~ beš* 'пять'; *bul* 'этот';
3. [v]: *vaza* 'ваза'; *-vuz* 'вуз';
4. [w]: *waq ~ waqyt* 'время'; *wat-* 'размельчать'; *waj* 'ай, ой';
5. [f]: *faza* 'фаза'; *fän* 'наука';
6. [m]: *maj* 'жир, масло'; *maq* 'хвала'; *muz* 'лед' и пр.

Таковы основные процессы эволюции аллофонов в самостоятельные фонемы для передних (губных) согласных.

Что же касается таких явлений в тюркских языках, как палатализация [p^h], [b^h], например в караимском языке, или придыхательность [p^h] в тувинском, тофаларском языках, то эти особенности в отношении передних (губных) согласных относятся к более новым явлениям, которые объясняются воздействием соседних адстратных языков, в первом случае славянских, а во втором, может быть, — китайского.

С х е м а развития фонемного состава передних (губных) согласных в тюркских языках:

В анлауте

- I. 1. [p(~ b ~ v ~ w ~ f ~ m)]
 II. 1. [p(~ b ~ v ~ w ~ f)]; 2. [m]; 3. [w]
 III. 1. [p(~ b)]; 2. [m]; 3. [w(~ v ~ f)]; 4. [v]
 IV—V. 1. [p]; 2. [b]; 3. [v]; 4. [w]; 5. [f]; 6. [m]

В ауслауте

- I. 1. [p(~ b ~ v ~ w ~ f ~ m)]
 II. 1. [p(~ b ~ m ~ w ~ v ~ f)]; 2. [m]; 3. [w]
 III. 1. [p(~ b ~ m ~ v ~ f ~ w)]; 2. [m]; 3. [w/v]; 4. [v]
 IV—V. 1. [p]; 2. [b]; 3. [v]; 4. [w]; 5. [f]; 6. [m]

К средним согласным относятся согласные зубные, переднеязычно-небные и среднеязычно-небные.

Развитие этих согласных характеризуют более сложные процессы, хотя последовательность фонематизации аллофонов остается общей с передними (губными) согласными, — сначала дифференциация аллофонов реализовалась в их соноризации, т.е. появлении соответствующих сонорных фонем, затем спирализации, т.е. фонематизации спирантов, и вокализации, т.е. фонетизации глухих и звонких аллофонов.

Вместе с тем развитие средних согласных во многих отношениях имеет и свои особенности. Так, если для передних (губных) согласных процессы фонематизации аллофонов были в основном общими для анлаута так и для ауслаута корневой морфемы, то в отношении средних согласных, как состав — фонем, так и их развитие для анлаута и ауслаута, были различны. В связи с этим анализ состава фонем в начальной позиции в корне и в его конце следует производить отдельно.

Начальная позиция в корневой морфеме

В наиболее ранний, первый, период своего развития средние согласные в анлауте были представлены только четырьмя фонемами: I. 1. [t (~ d)]; 2. [nj (~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0)]; 3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č (~ š ~ s ~ s')].

Каждая из четырех фонем реализовалась в конкретных языках и диалектах несколькими аллофонами, вариативность которых сохранилась в современных тюркских языках, например:

1. [t (~ d)]:

1) t: узб. tay ~ каз. taw ~ алт. tu: to: 'гора'; в большинстве яз. til ~ тув. dyl 'язык';

2) d: туркм., азерб., гаг., тур. day 'гора', dil 'язык';

2. [nj (~ j ~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0)]:

1) nj: алт. диал. njaan 'большой'; njan 'бок'; njeñil 'легкий';

2) tj/dj: алт. djol/tjol 'дорога'; djaan/tjaan 'большой'; djyl/tjyl 'год';

3) č: тув., хак., куманд. čol 'дорога'; čer 'место, земля';

4) dž: кирг. džol 'дорога'; džer 'земля, место';

5) c: бараб., чул. col 'дорога'; cer 'земля';

6) dz/z: кбалк. dzol ~ zol 'дорога'; dzer/zer 'земля';

7) s: кызыл. šol 'дорога'; šer 'земля';

8) z: каз. žol 'дорога'; žer 'земля';

9) s: як. suol 'дорога'; sir 'земля';

10) s': чув. s'ul 'дорога'; s'ir 'земля';

11) j: в большинстве яз. jan 'бок'; jeñil 'легкий'; jyl 'год'; уйг. 'juyač 'дереву'; juyla- 'плакать';

12) 0: гаг. il 'год'; туркм. ayla- 'плакать', кбалк. axşu 'хороший'.

3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]:

1) s: в большинстве из suy ~ suw ~ su 'вода'; sal 'плот'; sūt 'молоко'; söz 'слово';

2) θ: туркм. θōd 'слово'; θuw 'вода'; θūt 'молоко';

3) h: башк. hyw 'вода'; hal 'плот'; hüt 'молоко'; höb 'слово';

4) O: як. u: 'вода'; a:l 'плот'; üüt 'молоко'.

4. [č (~ š ~ s ~ s')]:

1) c: в большинстве яз. čuq- 'выходить'; čar- 'рубить'; aç- 'открывать'; küč 'сила';

2) š: каз. ног. šuq- 'выходить'; šar- 'рубить'; aç- 'открывать'; küš 'сила';

3) s: башк. хак., як. suq- 'выходить'; sar- 'рубить'; as- 'открывать'; küs ~ küüs 'сила';

4) s': чув. s'ar- 'бить'; s'üs 'волосы'.

Второй период в развитии средних согласных в анлауте характеризуется прибавлением сонорного согласного [n] и спиранта [s]. Таким образом, состав согласных анлаута корневых морфем определяется для данного периода следующими шестью фонемами:

II. 1. [t (~d)]; 2. [j (~nj/dj/tj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0)];

3. [s (~h ~ 0)]; 4. [č (~š ~ s ~ s')]; 5. [š]; 6. [n].

Каждая из фонем реализовалась в соответствующих аллофонах, вариативность которых сохранилась в современных языках и диалектах в тех же соответствиях, что и в предыдущий период.

Характерной для данного периода особенностью является фонематизация в анлауте сонорного [n] и спиранта [s] отчасти в связи с древними заимствованиями из субстратных и адстратных языков, ср., например:

1. [š]: др.-тюрк. šaš- 'сбиваться с пути, отклоняться, заблуждаться'; šuš 'опухоль; пухнуть'; šul 'тот'; šad (др.-тюрк. < согд.) — один из высших титулов; širä < монг. 'стол'.

2. [n] др.-тюрк. и в др. яз. ne 'что'; neç 'вещь, предмет, дело'; nökar ~ nökur (др.-тюрк. < монг.) 'дружинник, воин'; nom (др.-тюрк. < согд.) 'учение, книга'.

Третий период в развитии консонантизма в анлауте корневых морфем характеризуется наличием уже восьми самостоятельных фонем:

III. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [j]; 8. [n].

Каждая из восьми фонем в анлауте современного тюркского языка имеет уже дифференцированное значение; ср., например, в каракалпакском языке:

1. [t]: til 'язык'; tar 'узкий';

2. [d]: dill 'сердце'; dar 'виселица';

3. [č]: čaj ~ šaj 'чай'; çek 'чек';

4. [š]: šaq 'время'; šoq 'веселый';

5. [s]: sat- 'продавать'; ser 'внимание';

6. [z]: zat 'вещь'; zer 'позумент';

7. [j]: još 'вдохновение'; jod 'йод';

8. [n]: naz 'каприз'; nap 'хлеб'.

Наконец, четвертый и последний период характеризуется полным развитием всех средних согласных фонем, состав которых в анлауте с фонематизацией глухих и звонких аллофонов определяется 12 фонемами:

IV. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [ž]; 8. [c]; 9. [j]; 10. [r]; 11. [n]; 12. [l].

Фонемы [ž], [c], [r], [l] не характерны для начальной позиции тюркских слов, это заимствованные согласные, вошедшие в фонемный состав в связи с заимствованием лексики из персидского, арабского и русского

языков; ср., например: žurnal 'журнал', žargon 'жаргон'; centr 'центр', сех 'цех', cirk 'цирк'; radio 'радио', radius 'радиус', rajon 'район'; lal 'рубин', limon 'лимон'.

Согласные [ž] и [c] как аллофоны древней фонемы [nj (~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0)] встречались в анлауте в различных языках и диалектах также и до их фонематизации, т.е. до развития их в самостоятельные фонемы, встречающиеся, правда, только в заимствованных словах.

Конечная позиция в корневой морфеме

В первый, наиболее ранний период развития средних согласных в ауслауте состав их определяется восемью фонемами:

1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ)]; 6. [l]; 7. [n]; 8. [r].

Большинство из представленных фонем реализовались несколькими аллофонами, вариативность которых сохранилась в современных языках и диалектах; ср., например:

1. [t (~ d)];

1) t: каз. et-ik 'сапог'; чаг. ot-aγ ~ узб. ot-aw 'хижина, палатка';

2) d: тур. ād-ik ~ id-ik, алт. öd-ük 'сапог'; тур. od-a, конд. o: d-aq 'комната, место стоянки'.

2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s...)]:

1) j: в большинстве яз., qoj-ставить; aj-aq 'нога'; quj-ruq 'хвост'; pij-ik ~ bij-ik ~ büj-ük ~ bej-ik 'высокий'; qaj-уң 'береза';

2) r: чув. хур-ставить; ur-a 'нога'; xür-e 'хвост'; с.-юг. per-ik 'высокий'; хур-уң 'береза';

3) d: др.-тюрк. qod-ставить; др.-тюрк., тув. ad-aq 'нога'; др.-тюрк. qud-rud, тув. qud-uruq 'хвост'; др.-тюрк. bed-ük, тув. bed-ik, як. bōd-ōñ 'высокий, большой'; тув. xad-уң 'береза';

4) t: др.-тюрк. qot-ставить; як. at-ax 'нога', xat-уң 'береза';

5) δ: др.-тюрк., ср.-тюрк. ad-aq 'нога'; др.-тюрк. qod-ставить, qud-ruq 'хвост', bed-ük 'высокий', qad-уң 'береза';

6) z/s: хак., шор. qoz- ~ qos-ставить, az-aq 'нога'; хак. qaz-уң 'береза'; хак., ср.-чул. quz-ruq 'хвост'; хак. roz-uk, шор, мрас. möz-ük ~ müz-ük, с.-юг. rez-ik, чув. рус-ук 'высокий'.

Соответствие j ~ d ~ t ~ δ широко зафиксировано для древнетюркских языков, ср., например: tyj- ~ tyd- ~ tyt- ~ tyδ- 'задерживать, препятствовать', sij- ~ sid- ~ sit- ~ siδ- 'мочиться', а также близкие по значению корневые морфемы **su**j- ~ sud- ~ sut- ~ suδ 'плевать' и **sy**t- 'выжимать'.

3. [č (~ š ~ s)]:

1) č: узб. и др. яз. aç- 'открывать', küč 'сила', üç 'три';

2) š: каз., ног. aç- 'открывать'; küš 'сила'; üç 'три';

3) s: башк. as- 'открывать'; küs 'сила'; üç 'три'.

4. [š/s (~ l)]:

1) š/s: в большинстве яз. daš ~ taš ~ tas 'камень'; quš ~ qys 'зима'; ešik ~ esik ~ išik 'двери'; др.- (тюрк. teš- ~ tes- 'протыкать';

2) l: чув. čul 'камень'; xil 'зима'; alyq 'двери'; др.-тюрк. tel- 'сверлить, бурить'.

5. [s(~ z ~ δ)]:

1) s: алт. qys 'девушка'; kòs 'глаз'; as 'мало'

2) z: в большинстве яз. qyz 'девушка'; köz ~ göz 'глаз'; az 'мало';

3) δ: туркм., башк. quδ ~ qyz 'девушка'; göδ ~ küδ 'глаз', ad 'мало'.

Общими для всех тюркских языков а ауслауте корневых морфем являются для данного периода фонемы [l], [n] и [r]: qol ~ qul 'рука'; kel- ~ ~ gel- ~ kil- 'приходить'; öl- 'умирать'; kün ~ gūn 'день'; tün 'ночь'; kög- ~ ~ gög- ~ kür- 'видеть'; tur- ~ dur- 'стоять' и проч.

Во второй период конечные средние согласные получили дальнейшее развитие в том же составе согласных первого периода, но с добавлением звонкой фонемы [z]:

II. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z],

В третий период состав средних фонем в ауслауте остался неизменным, но добавилась фонема [d].

III. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z]; 10. [d].

В последние четвертый и пятый периоды состав средних согласных фонем в ауслауте характеризуется 12 фонемами:

IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 4. [č (~ š ~ s)]; 5. [š (~ l)]; 6. [s (~ θ)]; 7. [z (~ δ)]; 8. [l]; 9. [n]; 10. [r]; 11. [c]; 12. [ž], т.е. фонематизацией всех звонких и глухих аллофонов исконных средних согласных фонем и включением нехарактерных для ауслаута заимствованных фонем [c], [ž]; ср., например, в заимствованиях: kod 'код', sud 'суд', abzac 'абзац', etaž 'этаж', багаž 'багаж' и проч.

Наличие в некоторых языках в ауслауте палатализованных средних согласных, например в караимском языке, шелкающих, например в кумыкском языке, или придыхательных, например в саларском языке, объясняется воздействием субстратных и адстратных языков. Для караимского языка характерны палатализованные t'/d', č', s'/z', l', n', r' — t'up'a 'вчера', s'oz' 'слово', p'eč'a 'сколько', č'urğ'ak 'тряпка' (КРПС) для диалектов кумыкского — шелкающие t^q, č^q, s^q — t^qapav 'ноздри', t^qal 'верба' (Дмитриев, 1940), для саларского — придыхательные — p^hurn-u 'нос', p^heçax 'нож', t^ham 'пресный', k^humur 'мост' (Тенишев, 1976) и проч.

С х е м а

развития фонемного состава средних согласных в тюркских языках

В а н л а у т е

I. 1. [t (~ d)]; 2. [*nj (~ tj/dj ~ č/dž ~ c/dz š/ž ~ s/z ~ s' ~ j ~ 0)]; 3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č (~ š ~ s ~ s')]

II. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ nj/dj/tj ~ č/dž ~ c/dz ~ š/ž ~ s/z ~ s' ~ 0)]; 3. [s (~ θ ~ h ~ 0)]; 4. [č (~ š ~ s ~ s')]; 5. [š]; 6. [n]

III. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [s]; 5. [s]; 6. [z]; 7. [j]; 8. [n]

IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [č]; 4. [š]; 5. [ž]; 6. [s]; 7. [z]; 8. [c]; 9. [j]; 10. [r]; 11. [n]; 12. [l].

В ауслaute

- I. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ θ/δ)]; 6. [l]; 7. [n], 8. [r]
 II. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (~ z ~ δ/θ)]; 6. [r]; 7. [l]; 8. [n]; 9. [z]
 III. 1. [t (~ d)]; 2. [j (~ r ~ d/t ~ δ/θ ~ z/s)]; 3. [č (~ š ~ s)]; 4. [š (~ l)]; 5. [s (z ~ θ/δ)]; 7. [n]; 8. [r]; 9. [z]; 10. [d]
 IV-V. 1. [t]; 2. [d]; 3. [j]; 4. [č]; 5. [š]; 6. [s (~ θ)]; 7. [z ~ δ]; 8. [l]; 9. [n]; 10. [r]; 11. [c]; 12. [ž]

ЗАДНИЕ СОГЛАСНЫЕ

Группа задних согласных фонем имеет, как и передние (губные) согласные, четыре основных периода в своем развитии, причем закономерности их развития несколько различны для начальной и конечной их позиции в корневой морфеме.

Начальная позиция в корневой морфеме

Первоначально, как это видно из привлеченного фактического материала по всем тюркским языкам, задние согласные были представлены одной фонемой с множеством аллофонов, не имевших смысловоразличительной функции:

1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)].

Фонематическое неразличение задних согласных в анлауте в первый период их развития определялось корневой морфемой — передним или задним ее рядом. Аллофоны k ~ g реализовались в корневой морфеме, характеризующейся передним рядом ее образования, а аллофоны q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h — в корневой морфеме с согласными заднего ряда.

Таким образом, смысловоразличительным фактором были не реализующие данную фонему аллофоны, а строение всей корневой морфемы. И реализация аллофонов фонемы [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)] происходила следующим образом.

В корневых морфемах переднего ряда: k — в большинстве яз. kök 'зеленый', kel- 'приходить', kiün 'солнце'; g — туркм. gō:k 'зеленый', gel- 'приходить', gūn 'солнце'; x' — тоф. x'öl 'озеро'; k^h — с.-юг. k^hün 'солнце'; g' — азерб. g'el- 'приходить'; k' — кар. k'un' 'солнце', k'ol' 'озеро'.

В корневых морфемах заднего ряда: q — в большинстве яз. qaq 'снег', qyz 'девушка', qal- 'оставаться', qaṣan 'когда'; q̇ — туркм. q̇yız 'девушка'; qal — 'оставаться', q̇a:r (< qayar) 'снег', qol 'рука'; x — хак. xol 'рука'; x̄a:r (< qayar) 'снег', чув. хир- 'класть'; q^h — тув. q^hal- 'оставаться'; h — тур. haṣan 'когда'.

Второй период в развитии согласных характеризуется выделением и фонематизацией в начальной позиции спиранта h, и состав фонем задних согласных определяется наличием двух фонем:

- II. 1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x)]; 2. [h (~ 0)].

Если фонема [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x)] в пределе данных аллофонов

остается без изменения, то аллофон [h] выделяется в самостоятельную фонему, реализующуюся в анлауте слов, начинающихся в современных языках с гласного и представляющую собой субститут ранее более сильных согласных.

Реализация анлаутного консонанта [h] в словах с начальным гласным в большинстве языков характерна для некоторых древних языков, например: h — халадж. hār 'мужчина', hadaq 'нога', hat 'лошадь', huot 'огонь'; 0 — для большинства яз. at, adaq ~ ajaq ~ adaq ~ ataq; , ot ~ o:t и проч.

Начальный [h] сохранился также в кум. hiz (~ iz) 'след', hōkūnmek 'раскаиваться', hajva 'айва'; туркм. hindži 'жемчуг', гаг. haḡra 'ячмень', hajruḡ 'жеребец'.

Природа начального [h] может быть различной. Весьма вероятной для фонематизации аллофона [h] представляется гипотеза Рамстедта—Пелио, выраженная в известном их законе $p \sim f \sim b \sim w \sim v > h \sim x \sim g \sim \gamma \sim q > 0$, например: чув. vudyr, булг. hotur, халадж. hotuz, в др. яз. otuz 'тридцать'; чув. vil, халадж. hiel ~ hō:l, хак. he:l, туркм. hō:l, узб., уйг. hōl, в др. яз. ol 'роса'; чув. vukyr, уйг., узб. hōküz ~ hōkiz, в др. яз. ögüz 'бык'; чув. vyl, салар. hol, с.-юг. gol, в др. яз. ol 'он'.

Третий период в развитии анлаутных задних согласных фонем характеризуется фонематизацией аллофона спиранта [x], и, таким образом, общий состав определяется наличием трех фонем:

III. 1. [k (~ g ~ q)]; 2. [h (~ 0)]; 3. [x].

Сохраняя те же закономерности, относящиеся к предыдущему периоду, анлаутные задние гласные третьего периода усложняются фонематизацией аллофона [x] главным образом в заимствованных словах, например: хап др.-тюрк. < кит. 'хан, государь'; хоḡ др.-тюрк. > перс. 'радостный'; халаḡ др.-тюрк. — название племени; хозар др.-тюрк. — название племени.

Наконец, четвертый и пятый периоды в развитии анлаутных задних согласных характеризуются фонематизацией всех существовавших ранее аллофонов одной фонемы. Состав согласных анлаута этих периодов определяется уже следующими шестью фонемами:

IV—V. 1. [k (~ q)]; 2. [g]; 3. [h]; 4. [x]; 5. [q]; 6. [γ].

Каждая из указанных фонем в анлауте современных тюркских языков имеет дифференцированное значение, причем последние две фонемы — [g] и [γ] — только в некоторых языках; ср., например:

1. [k] : kod 'код'; karta 'карта'; köz 'глаз'; köl 'озеро'.
2. [g] : gaz 'газ'; gez- 'ездить, объезжать'; gol 'гол'; gōr 'слепой'.
3. [h] : hōl 'влага, влажный'; haq 'правда'; hajal 'женщина'; hāl 'сила'.
4. [x] : xat 'письмо'; xabar 'известие'; хоḡ 'хороший'.
5. [q] : qāde 'обычай'; qālem 'карандаш'; qadir 'уважение'.
6. [γ] : γaz 'гусь'; γarya 'ворона'; γaryys 'проклятие'; γaw 'большой'.

Конечная позиция в корневой морфеме

В первый период развития задних согласных в ауслaute состав их определяется двумя фонемами:

I. 1. [k (~ g ~ q ~ q̇ ~ γ ~ x ~ h)]; 2. [n],

т.е. одной шумной фонемой с серией аллофонов, ее реализующих, и одной сонорной. Таким образом, дифференцированными по значению в данный период в ауслaute были только две задние фонемы:

1. [k(~ g ~ q ~ ġ ~ γ ~ x ~ h)]: taγ ~ taq ~ tax ~ daγ 'гора'; tek 'род, происхождение';

2. [ŋ]: taŋ 'заря'; teŋ 'равный' и проч.

Во второй период развития задних согласных в ауслауте происходит фонематизация, т.е. выделение в самостоятельную фонему, спиранта [γ]; состав фонем в ауслауте определяется, таким образом, следующими фонемами:

II. 1. [k(~ g ~ ġ ~ x ~ q ~ γ ~ h)]; 2. [γ]; 3. [ŋ].

Характерными процессами для задних согласных в ауслауте являются процессы спирализации, ослабления и перехода сильных согласных заднего ряда в губные и, реже, в средние согласные и долгие гласные, а согласных переднего ряда — в средние и, реже, в губные согласные и соответствующие долгие гласные, т.е.

1. q ~ γ ~ x > w ~ v > ya ~ a: ~ o: ~ u: ~ u- *haγ, туркм. диал. a:q ~ a:γ, узб. диал. a:γ, кр.-тат., тур. aγ, тур. диал. a:; кум. hav, туркм. a:w, тур. диал. av, каз., ног. aw, кар. uv, кирг., алт. ü:, алт. диал. u 'сеть, охота, силок' и проч. или уйг. диал. taq ~ tax ~ taγ, туркм. da:γ, тур. диал. da:, тур. диал. dav, каз., ног. taw, як. tya, кирг. to:, алт. tu: 'гора'.

2. q ~ γ ~ x > j ~ w ~ y: ~ u: ~ u-syq- 'давить, жать' ~ syγ- 'вмещаться' > syj- 'помещаться'; тур., узб., туркм. jyy- > ног., башк. juj-, кирг. džuj-, каз., тат. žuj-, хак. čy:, алт. dju: ~ dju 'собирать'; др. тюрк. aγ-yl > алт. aj-yl, в др. яз. aw-yl 'аул. селение'; др.-тюрк. suγ ~ sub, уйг. suj-y, каз. suw, башк. hyw, др. уйг. suv, коман. suf > алт. su: ~ su 'вода'.

3. k ~ g(~ x' ~ γ' ~ n') > j ~ v ~ w ~ y: ~ a: ~ e: ~ i:, например: др.-тюрк. tāk- ~ tæg- ~ teg- ~ tig- ~ tyγ- ~ уйг. диал. tix, хак. teŋ- > каз. tij-, чув. tiv-, як. ty:- ~ ta:- 'касаться, прикасаться'; др.-тюрк. eg- eγ'-, тур. диал. eg- ~ ek- ~ yγ- ~ en'-, тув. eg- ~ eγ'-, узб. диал. en-, уйг. диал. ig-, як. iex-, тур. диал. ej- ~ ij- ~ iv-, узб. диал. ej-, кирг. ij-, чув. av-, тув. e:-, хак. e:- ~ i:- 'гнуть, сгибать'.

Еще более сложные соответствия характерны для слова 'дом, юрта': g ~ γ ~ x ~ γ' > j ~ p ~ b ~ v ~ w ~ u ~ u: ~ ü ~ ü ~ ü: — алт. диал. uy ~ üg, тув. тоф ög ~ öγ', сойот. üx, уйг. диал. uj, каз., ног. üj, узб. диал. oj, тур. диал. öj ~ кызыл. jep, хак. диал. ep ~ eb ~ ip ~ ib, др.-тюрк. ef, др.-уйг. ör, гаг. jev, тур. ev, азерб. диал. öv, кар. галиц. iv ~ iw, алт. диал. uw ~ üw, шор. с.-юг. u: j ~ ü:, с.-юг. ju ~ jü ~ dzü, тат. диал. ü, т.е. в последовательном развитии: а) с широкой гласной — ög ~ öγ > öj ~ oj > jep ~ ep ~ eb ~ ef ~ öp > jev ~ ev ~ öv, б) с узкой гласной — üg ~ uγ ~ ig ~ üx > üj ~ uj > jb ~ ip > jüw ~ jiv ~ iw ~ iv > uw ~ üw > u: ~ ü: > džü ~ ju ~ jü ~ ü.

Ср. также закономерность в отношении задних согласных в ауслауте — γ ~ q ~ k ~ g > 0: saryγ ~ saryq > sary 'желтый', ölüg ~ ölük > ölü 'мертвый', tirig ~ tirik > tiri 'живой' и проч.

Третий период в развитии задних гласных в ауслауте характеризуется теми же, что и предыдущий период, тремя дифференцированными фонемами + [h]:

III. 1. [k(q ~ g ~ q)]; 2. [γ]; 3. [ŋ]; 4. [h].

Наконец, в четвертый и пятый периоды происходит фонематизация

в ауслауте всех аллофонов задних согласных, и состав задних фонем для этого периода определяется в количестве семи фонем:

IV—V. 1. [k]; 2. [g]; 3. [q]; 4. [x]; 5. [h]; 6. [γ]; 7. [η].

Сохраняя те же соотношения предыдущих периодов, состав задних дифференцированных фонем ауслаута в четвертый и пятый периоды пополняется фонетизированными четырьмя аллофонами, получившими статус самостоятельных фонем: [g], [q], [x], [h]; ср., например, в следующих корневых морфемах: др.-тюрк. *teg-* 'касаться', *tek* 'просто', *eg-* 'сгибать', *ek-* 'сеять'; ккалп. *baq-* 'смотреть', *baγ* 'сад'; ккалп. < перс. *baxt* 'счастье'; *taxt* 'трон'; *saxna* 'сцена'; ккалп. < перс. *baha* 'цена'; *qaharman* 'герой', *šah* 'шах'.

С х е м а развития фонемного состава задних согласных в тюркских языках

В анлауте

I. [k(~ g ~ q ~ ġ ~ γ ~ x ~ h)]

II. 1. [k(~ g ~ q ~ ġ ~ γ ~ x)]; 2. [h(~ 0)]

III. 1. [k(q ~ ġ ~ g' ~ g)]; 2. [h(~ 0)]; 3. [x]

IV—V. 1. [k(~ q)]; 2. [g]; 3. [h]; 4. [x]; 5. [q]; 6. [γ]

В ауслауте

I. 1. [k(~ g ~ q ~ ġ ~ γ ~ x ~ h)]; 2. [η]

II. 1. [k(~ g ~ q ~ ġ ~ x ~ γ)]; 2. [γ]; 3. [η]

III. 1. [k(~ q ~ g ~ ġ)]; 2. [γ]; 3. [η]; 4. [h]

IV—V. 1. [k]; 2. [g]; 3. [q]; 4. [x]; 5. [h]; 6. [γ]; 7. [η]

Итак, историческое развитие фонетических структур тюркских языков и становление их типов в различные эпохи имели общие процессы как в отношении вокализма, так и в отношении консонантизма, а именно последовательную дифференциацию в образовании самостоятельных фонем путем фонематизации аллофонов первоначально ограниченных по количеству фонем.

Однако эти процессы не были единственными в развитии фонологической структуры каждого конкретного тюркского языка. Они составляли лишь общий фон формирования состава гласных и согласных фонем в каждой модели структуры и в каждом ее типе, усложняясь, с одной стороны, процессами, вызванными интеграцией языков и диалектов, возникавших в связи с интеграцией родоплеменных союзов, а с другой, — влиянием соседних как родственных тюркских языков, так и неродственных славянских, финноугорских, кавказских, иранских и проч. адстратных и субстратных языков, образуя все многообразие фонологических моделей и модификаций отдельных групп и конкретных тюркских языков, описанию которых посвящена следующая глава работы.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ
И МОДЕЛИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР

В результате длительного развития тюркские языки сохранили свой общий агглютинативный строй и общую в основных чертах фонологическую структуру, характеризующуюся, с некоторыми отклонениями для отдельных языков, своей восьмиричной системой вокализма, развившейся на последнем этапе их эволюции. Вместе с тем под влиянием как внутренних законов своего развития, так и в особенности воздействия субстратных и адстратных языков каждый из тюркских языков приобрел свои индивидуальные черты. Некоторые из этих индивидуальных черт являются общими для одной группы языков и в то же время отличными от других групп языков.

Общность и различие этих признаков обуславливаются тем, что в процессе своего развития тюркские языки под влиянием длительной консолидации некоторых родоплеменных объединений тюркских народов, к которым могут быть отнесены такие племенные союзы, как союзы хунну (гуннов), болгар, огузов, кыпчаков, карлуков, уйгуров, киргизов и проч., сохранили обобщающие признаки языков внутри этих родоплеменных союзов, т.е. общие признаки для языков хуннского, болгарского, огузского, кыпчакского, карлукского, уйгурского, киргизско-кыпчакского и прочих союзов.

Эти признаки, объединяющие языки по родоплеменным союзам и образующие своеобразные связанные системные комплексные изоглоссы, сохранились и в современных тюркских языках, позволяя разделить все тюркские языки на две основные ветви — западнохуннскую и восточнохуннскую, которые, в свою очередь, делятся: западнохуннская — на болгарскую, огузскую, кыпчакскую и карлукскую группы; восточнохуннская — на угуро-огузскую и киргизско-кыпчакскую группы. Каждая группа языков делится на подгруппы, включающие различные по своей фонологической структуре типы, подтипы и конкретные модели языков.

На основании уже существующих монографических исследований можно установить основные связанные системные комплексные изоглоссы как для двух ветвей тюркских языков — западных, или западнохуннских, и восточных, или восточнохуннских, — так и для всех групп и подгрупп, а также для отдельных тюркских языков. Применение предварительно разработанных связанных системных комплексных изоглосс позволяет наметить некоторые более или менее точные ареалы распространения болгарских, огузских, кыпчакских, уйгурских и киргизско-кыпчакских языков и диалектов и определить маргинальные, пограничные зоны наречий и диалектов со смешанными признаками.

Комплексные изоглоссы с большей достоверностью раскрывают исторические связи диалектов и языков между собой и исключают случайное

объединение по отдельным признакам одних языков с другими, имеющими иные связанные комплексные признаки. Вместе с тем они могут одновременно служить также основными критериями для классификации тюркских языков.

Основные изоглоссы имеют два типа: 1) общие — для определенных ветвей, групп и подгрупп языков и 2) частные для определенных конкретных языков. Первые определяют отношение языков к той или иной исторически сложившейся генетической общности, вторые же — отношение диалектов к тому или иному конкретному языку. Таким образом, комплексные изоглоссы служат как бы средством, определяющим не только тот или иной конкретный язык и его отношение к той или иной ветви, группе и подгруппе, но также и различия между статусом языка и статусом диалектов или наречий, относящихся к тому или иному конкретному языку, т.е., если данный диалект имеет подавляющее количество общих признаков данной системной, связанной изоглоссы для того или иного языка, то данная разновидность языка определяется не как самостоятельный язык, а как диалект языка, определяемого данной комплексной связанной изоглоссой.

Все тюркские языки по своему общему характеру разделяются на указанные выше две большие ветви — западнохуннскую и восточнохуннскую, которые обладают каждая своими специфическими признаками, составляющими две связанные системные изоглоссы. Большинство признаков, составляющих каждую такую изоглоссу, и определяет отношение языков к той или иной ветви тюркских языков. В свою очередь, каждая ветвь состоит из нескольких групп и подгрупп, к которым относятся те или иные конкретные тюркские языки.

Все признаки, характеризующие каждую ветвь языков, относятся к каждой из групп, составляющих ту или другую ветвь, и все признаки, характеризующие каждую группу, соответственно относятся к каждой подгруппе и к каждому конкретному языку, относящемуся к данной подгруппе. Так, признаки западнохуннской ветви относятся также к огузской, кыпчакской и карлукской группам языков (в меньшей степени к болгарской — особой, значительно отличающейся от указанных выше групп), а признаки этих групп — к соответствующим подгруппам и языкам, например, признаки огузской группы — ко всем ее подгруппам: огузо-туркменской, огузо-болгарской и огузо-сельджукской, а признаки огузо-сельджаукской подгруппы — к языкам, ее составляющим, — азербайджанскому и турецкому и т.д.

Фонетические признаки, представляющие то или иное сложное соответствие по группам языков, даются сокращенно, например: соответствие $j \sim d\check{z}/\check{c} \sim dj/tj \sim dz/c \sim \check{z}/\check{s} \sim z/s \sim s'$ в анлауте приводится условно в виде — $j \sim d\check{z}/\check{c} \sim dj/tj...$, соответствие в ауслауте $j \sim \vartheta/\theta \sim z/s \sim r$ — в виде $j \sim \vartheta/\theta...$ и т.д.

Характеристика вокализма языков и система гласных дается условно с указанием на фонологический тип. Первый тип вокализма — а, е, о, ö, у, і, ü (в большинстве языков) и второй тип вокализма — а, і, у, ü, у, і, ü, ü (в татарском, башкирском и в некоторых других языках).

Ниже приводятся все связанные системные комплексные изоглоссы, характеризующие фонологическую структуру языков каждой ветви, группы и подгруппы тюркских языков, а также каждый конкретный,

в данном очерке — только современный, тюркский язык. Из конкретных современных тюркских языков здесь приведены только те языки, которые представляют собой и по своей структуре и по общественной функции самостоятельные развитые языки с установившейся письменностью. Что же касается некоторых тюркских наречий, например камасинского, барабинского, тофаларского, кумандинского, чалканского, сары-югурского, саларского и проч., которые имеют общие связанные комплексные изогlossen с тем или иным письменным языком и выступают в ограниченных общественных функциях на уровне разговорных, не имеющих своей письменности и литературной формы, то они соответственно могут быть отнесены к тем языкам, связанная комплексная изоглосса которых является идентичной.

Связанные системные комплексные изогlossen для конкретных языков, таким образом, могут служить своеобразными индикаторами, определяющими не только отношение близких по структуре диалектов и говоров к тому или иному языку, но и отношение к тому же языку более различающихся по своей структуре, но имеющих общую связанную системную комплексную изоглоссу наречий и диалектов, спорных по их связям с близкими к ним языками.

Так, например, камасинское (кангаласское) ныне слабо сохранившееся наречие по своей комплексной изоглоссе может быть отнесено к хакасскому языку, барабинский — к татарскому, тофаларский (карагасский) — к тувинскому, кумандинский и чалканский — к хакасскому или алтайскому, сары-югурский и саларский — к уйгурскому и т.д. Прежде чем перейти непосредственно к характеристике всех комплексных системных изоглосс, для более удобной ориентации в их отношениях к той или иной ветви, группе и подгруппе, перечислим все ветви, группы, подгруппы, а также конкретные языки в существующей их иерархии.

1. Западнохуннская ветвь (западный регион).

1. Булгарская группа (северо-западный ареал): а) древние языки — булгарский, хазарский, аварский, язык сабиров (суваров); б) современные языки — чувашский.

2. Огузская группа (юго-западный ареал): 1) огузо-туркменская подгруппа: а) древние языки — язык огузов X—XI вв.; б) современные языки — туркменский, трухменский (диалект); 2) огузо-булгарская подгруппа: а) древние языки — печенежский, язык узов (черных клобуков); б) современные языки — гагаузский, языки и диалекты балканских тюрков; 3) огузо-сельджуцкая подгруппа: а) древние языки — сельджукский, староосманский; б) современные языки — азербайджанский, турецкий.

3. Кыпчакская группа (северо-восточный ареал): 1) кыпчакско-половецкая подгруппа: а) древние языки — половецкий (кыпчакский, или язык куманов); б) современные языки — караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский; 2) кыпчакско-булгарская подгруппа: а) древние языки — золотоордынский западный; б) современные языки — татарский, башкирский; 3) кыпчакско-ногайская подгруппа: а) древние языки — староказахский, старокаракалпакский; б) современные языки — ногайский, каракалпакский, казахский.

4. Карлукская группа (юго-восточный ареал): 1) карлукско-уйгурская

подгруппа: а) древние языки — уйгурский караханидский и послекараханидский; 2) карлукско-хорезмийская подгруппа: а) древние языки — карлукско-хорезмийский, золотоордынский восточный, чагатайский, староузбекский, старойгузский; б) современные языки — узбекский и уйгурский.

II. Восточнохуннская ветвь (восточный регион).

1. Уйгуро-огузская группа (северный ареал): 1) уйгуро-тукуюская подгруппа: а) древние языки — древнеогузский, древнеуйгурский; б) современные языки — тувинский, тофаларский (диалект); 2) якутская подгруппа: современный якутский язык; 3) хакасская подгруппа: современные языки — хакацкий, шорский, чулымский, камасинский (диалект).

2. Киргизо-кыпчакская группа: а) древние языки — древнекиргизский; б) современные языки — киргизский, алтайский.

I. ЗАПАДНОХУННСКАЯ ВЕТВЬ

Западнохуннская ветвь (западный ареал), характеризуется следующей общей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм — отсутствие регулярных вторичных долгих гласных.

2. Консонантизм:

1) господствующий j в соответствии $d/t \sim \vartheta/\delta \sim z/s \sim r \sim j > j$ (в болгарской группе r);

2) более выраженная дифференциация глухих и звонких согласных: $b/p, z/s, d/t, g/k$.

К западнохуннской ветви относятся: болгарская, огузская, кыпчакская и карлукская группы тюркских языков.

1. БУЛГАРСКАЯ ГРУППА

Булгарская группа (северо-западный ареал) характеризуется следующей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм второй группы:

1) $a/e > u/i \sim u/\ddot{u}$: $yjux$ 'месяц', $pilik$ 'пять', $jul-$ 'оставаться';

2) $o/\ddot{o} > u/\ddot{u}$: vut 'огонь', $tütom$ 'четвертый';

3) полногласие: $kyvak$ 'синий', $tyvag$ 'соль'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) протетический v : $vugun$ 'место', $vup \sim von$ 'десять'.

2.2. Средние согласные:

1) протетический j : jir 'след';

2) $r \sim z > r$: $s'ir$ 'сто', xir 'девушка';

3) $\xi \sim l > l$: $alyk$ 'двери', xil 'зима';

4) $\check{c} \sim (\sim c) \sim \check{s} (\sim s) \sim s (\sim s')$: vis' 'три'.

2.3. Задние согласные:

1) протетический h : $hotur oγur$ 'тридцать огуров' (название племени);

2) $q \sim x > x$: xir 'девушка';

3) $q \sim x \sim \check{g} > j$: $jul-$ 'оставаться'.

К булгарской группе относятся: а) древние языки — болгарский, хазар-

Система согласных чувашского языка состоит из передних (губных) р, в, т с двумя заимствованными фонемами b, f, девяти средних (зубных, передне- и среднеязычных) — t, s, s', š, č, j, r, l, п с четырьмя заимствованными — d, z, ž, с и двух задних (заднеязычных, увулярных, фарингальных) — k, x с одной заимствованной фонемой — g.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях в слове:

2.2.1.1. фонемы р, в, т.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. $p \sim b > p$: pus' 'голова', pulx ~ pul' 'рыба';

2.2.2.2. $p/b \sim v > p$: pur' 'есть, имеется', раг- 'давать';

2.2.2.3. $p/b \sim m$ в некоторых словах $> p \sim m$: ер ~ ерi || ман 'я', рiп 'тысяча', руг- 'идти';

2.2.2.4. $p/b \sim 0$ в некоторых словах $> p$: pul- 'быть';

2.2.2.5. наличие протетического v : vup 'десять';

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. $m \sim b \sim v/w > m$: kimj 'лодка', timj 'железо';

2.2.3.2. $p \sim b > p$: jurys 'тихий', караš- 'быть достаточным', tipj 'его дно';

2.2.3.3. $p/b \sim f > p$: tipj 'дно', s'ap- 'ударять, бить';

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') $> s'$: s'us' 'волосы', us'- 'открывать', kus'- 'кочевать';

2.3.1.2. $s/z \sim \theta/\delta > s$: šit 'молоко', sas ~ sasy 'звук'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$: tu 'гора', tuxy 'девять', tyvatu 'четыре';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim dž/č... > š'$: s'ul 'дорога', s'ir 'земля', s'ul 'год', s'ir 'сто';

2.3.2.3. $s (~ š) \sim h \sim 0 > s \sim š$: syv 'вода', šit 'молоко', sakuy 'восемь';

2.3.2.4. $j \sim 0 > j$: jyvys' 'дерево';

2.3.2.5. наличие протетического j: jir 'след'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s... > r$: ura 'нога', хугуп 'береза';

2.3.3.2. š (~ s) ~ l > l : čul 'камень', xil 'зима', aluk 'дверь';

2.3.3.3. $r \sim z > r$: xir 'девушка', tuxy 'девять', s'ir 'сто';

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Соответствия во всех позициях в слове:

2.4.1.1. фонемы k, x.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim ġ \sim x... > j \sim x$: jur 'снег', jul- 'оставаться', xir 'девушка', xil 'зима', jun 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g... > k$: kuyak 'синий', küli 'озеро', kil 'приходить', kil 'пепел', kul- 'смеяться'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w... > u$: tu 'гора', šuv 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \sim 0 \sim y$: u: ~ u > x : čux- 'набивать', s'ux- 'вязать, собирать, соединять';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \sim v > v$: av- 'гнуть', tiv- 'прикасаться'.

1. Вокализм второй группы + е, [о] :

1) а/е > у/і ~ u/ü : руг- 'идти', us'- 'открывать', s'ig 'земля';

2) о/ö > u/ü : s'ul 'дорога', küli 'озеро';

3) u/ü > у/і : şuv 'вода', kil 'пепел'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) протетический v : vup 'десять';

2) p ~ b ~ v > p : paг- 'давать', pul- 'быть'.

2.2. Средние согласные:

1) протетический j : juyv's' 'дерево';

2) č (č ~ š) ~ s (~ s') > s' : s'us' 'волосы', us'- 'открывать';

3) j ~ di/tj ~ dž/č ... > s' : s'ul 'дорога', s'ig 'земля';

4) s (s ~ š) ~ s (~ s') > š : şuv 'вода',

5) j ~ d/t ~ s/z ~ r ... > r : uга 'нога',

6) š ~ l > l : xil 'зима';

7) z ~ r > r : s'ig 'сто'.

2.3. Задние согласные:

1) q ~ x ~ j ... > x ~ j : xig 'девушка', jul- 'оставаться', jun 'кровь'.

2. ОГУЗСКАЯ ГРУППА

Огузская группа (юго-западный ареал) характеризуется следующей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм первой группы:

1) наличие первичных (~ вторичных) долгих гласных а:, е:, о:, ó:, у:, і:, ш:, ü:;

2) отсутствие редуцированных, у, і, ы, ü.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) p/b ~ v/w ~ 0 : ber- ~ ver- 'давать', bol- ~ ol- 'быть';

2) p/b ~ m : ben ~ men 'я'.

2.2. Средние согласные:

1) j ~ dj/tj ~ dž/č ... > j : jol 'дорога';

2) d ~ t > d : dil 'язык';

3) j ~ d/t ... > j : ajaq 'нога';

4) č (~ c) ~ s (~ s') ~ š (~ s) > č : ač- 'открывать', iš 'дело'.

2.3. Задние согласные:

1) q ~ g ~ x ... > q ~ ğ : qol ~ ğol 'рука'; qan ~ gan 'кровь';

2) k ~ g ~ x ... > g : gel- 'приходить', ğol 'озеро';

3) γ ~ w ... > γ : daγ 'гора';

4) k ~ g ~ j ... > g : deg- 'касаться'.

К огузской группе тюркских языков относятся: огузо-турменская, огузо-булгарская и огузо-сельджукская подгруппы.

Огузо-туркменская подгруппа

1. Вокализм первой группы:

- 1) наличие первичных долгих гласных.
- 2) губная гармония после широких губных: bolon 'бывший'; olon 'умерший'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) $p \sim b \sim v \sim 0$: ber- ~ ver- 'давать', bol- ~ ol- 'быть';
- 2) $p \sim b \sim m > m$: men 'я', mün 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

- 1) $d \sim t > d$: dil 'язык', deg- 'касаться';
- 2) $s/z \sim \theta/\delta > \theta/\delta$: göd 'глаз', öd 'слово'.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > \dot{g}$: göl 'рука', ga:n ~ qa:n 'кровь';
- 2) $k \sim g \sim x' \dots > g$: gö:l 'озеро', gel- 'приходить';
- 3) $q \sim \gamma \sim w \dots > \gamma$: daγ 'гора';
- 4) $k \sim g \sim j \dots > g$: deg- 'касаться'.

К огузо-туркменской группе относятся: а) древние языки — огузский язык X—XI вв.; б) современные языки — туркменский, трухменский (диалект).

Туркменский язык

1. Вокализм первой группы + ä, ä:.

1.1. Состав гласных:

a ä	y u:	o o:	u u:
e ä:	i i:	ö ö:	ü ü:

1.2. Вокализм туркменского языка состоит из восьми нормальных гласных фонем — а, е, у, і, о, ö, u, ü и восьми первичных долгих — а:, ä:, у:, і:, о:, ö:, u:, ü:.

1.3. Для вокализма туркменского языка характерны наличие позиционного вторичного долгого гласного е:, встречающегося в стяженных формах типа ge: < geler 'он придет' и дифтонгоидный характер долгих узких гласных у: ~ yj и ü: ~ uj, например: ğy:δ ~ ğyjδ 'девушка', dūf:š ~ dūjš 'сон'.

1.4. Сингармонизм в туркменском языке характеризуется схемами:

	Палатальный				Лабильный		
	a	y	o	u	e	i	ö
a y o u	+		—		o	+	
ä e i ö ü	—		+		ö	+	
					u	—	+
					ü	—	+

Т.е. последовательным (имеющим исключения только для заимствованных слов) палатальным сингармонизмом и довольно развитым, но не всегда последовательным лабильным сингармонизмом, характеризующимся губной аттракцией в основах слов: широкие а/е после о/ö и узкие у/і после

u/ü первого слога, а также наличием параллельных явлений аттракции в отношении узких u/i после широких губных и отсутствием губной аттракции в отношении а/е после u/u первого слога.

Примеры: iščiler 'рабочие', adamlar 'люди', oýlonlor 'сыновья', düşündü 'упал', odun 'дрова', dostluq 'дружба'; θúri 'стадо' θúríθi 'его стадо', ölön 'умерший'.

2. Консонантизм

2.1. Состав согласных:

p [f]	t [s]	ş	θ [c]	ç	k (q)	[x]	h
b [v] w m	d [z]	[ž]	δ	dž j r l n	(g) (ğ)	γ	η

В квадратных скобках — фонемы, встречающиеся в заимствованных словах; в круглых скобках — варианты фонем.

Консонантизм туркменского языка характеризуется следующим.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы b, m, реже p.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b: baş 'голова', ba : luq 'рыба';

2.2.2.2. p/b ~ v в некоторых основах > b ~ v : ba:γ va:γ 'есть, имеется', bar- 'идти, отправляться', ver- ~ ber- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m в начале некоторых основ m ~ b : men ~ ben 'я', münç 'тысяча', mun- 'садиться', bejik 'высокий', bojun 'шея';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b ~ 0: bol- ~ ol- 'быть', baууγ- 'реветь, кричать'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m: ga:mi 'судно, корабль', demir 'железо', но gaban 'кабан';

2.2.3.2. p ~ b > p || b : ğa:by 'его мешок', ğarуга 'ребро', ğару 'двери';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p : alyp 'взяв', ğa:p 'мешок', ba:p 'глава'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. č (~c) ~ s (~s') > č (~dž) : čуq- 'выходить', čар- 'рубить', čаč 'волосы', ğú:c (ğújc) 'сила', аč- 'открывать', ğüďžük 'шенок';

2.3.1.2. s/z ~ θ/δ > θ/δ : θöđ 'слово', ğöđ 'глаз', θeθ 'звук', jüđ 'лицо', tu:θ (tujθ) 'лицо, физиономия';

2.3.1.3. č (~š) ~ s (~s) > č/š : a:č 'голодный', аš 'пища', ğаč- 'бежать', ğа:š 'бровь'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t в начале слова > d: da:γ 'гора', dil 'язык', deg- 'касаться', do:l- 'наполняться', döк- 'лить, сыпать', dur- 'стоять', dy:δ 'колени', düš- 'падать';

2.3.2.2. j ~ tj/dj ~ dž/č.. > j:ja:n 'бок', jeңil 'легкий', juw- 'мыть', jük 'поклажа';

2.3.2.3. s (~š) ~ h ~ 0 > θ: θuw 'вода', θa:l 'плот', θú:t (θújt) 'молоко';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0: aγač 'дерево', a:γla- 'плакать', но jyl 'год', jağšy 'хороший'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s... > j$: $\acute{g}oj$ - 'ставить', $\acute{a}jaq$ 'нога', $\acute{g}ajun$ 'береза', $\acute{g}ujruq$ 'хвост', $bejik$ 'высокий';

2.3.3.2. $\acute{s}(s) \sim l > \acute{s}$: $da:\acute{s}$ 'камень', $\acute{g}u\acute{s}$ 'зима', $i:\acute{s}ik$ 'дверь';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: $\acute{g}ojun$ 'овца', $ha:j\theta u$ 'какой, который'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. Фонема k с вариантами $g, \acute{g}, q, \gamma$.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \acute{g} \sim x... > \acute{g}$: $\acute{g}uj\delta$ 'девушка'; $\acute{g}ol$ 'рука', $\acute{g}al$ - 'оставаться', $\acute{g}a:g$ 'снег', $\acute{g}a:n \sim qa:n$ 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x... > g$: $\acute{g}o:k$ 'зеленый', $\acute{g}o:l$ 'озеро', gel - 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w... > \gamma$: $da:\gamma$ 'гора', $a:\gamma \sim a:q \sim a:w$ 'сеть';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > \gamma$: $ju\gamma$ - 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > g$: deg - 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса туркменского языка

1. Вокализм первой группы + $\acute{a}$.

1) наличие долгих "первичных" гласных, кроме e , который замещается гласным $\acute{a}$, а узкие негубные — дифтонгами uj/ij : $be:\acute{s} > ba:\acute{s}$ 'пять', $\acute{g}uj\delta$ 'девушка';

2) отсутствие редуцированных;

3) губная гармония: $bolon$ 'бывший', $\acute{o}lon$ 'умерший'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p/b \sim v$: ber - $\sim ver$ - 'давать', $ba\gamma \sim va\gamma$ 'имеется, есть';

2) $p/b \sim 0 > 0 > b$: ol - $\sim bol$ - 'быть';

3) $p \sim b \sim m$: mij 'тысяча', men 'я';

2.2. Средние согласные:

1) $\acute{c}/\acute{s} \sim \acute{s}/s > \acute{c}/\acute{s}$: $a\acute{c}$ - 'открывать', $i\acute{s}$ 'дело';

2) $j \sim dj/tj \sim d\acute{z}/\acute{c}... > j$: $jo:l$ 'дорога';

3) $d \sim t > d$: dil 'язык';

4) $j \sim d/t \sim z/s... > j$: $\acute{a}jaq$ 'нога';

5) $s/z \sim \theta/\delta > \theta/\delta$: $\acute{g}o\delta$ 'глаза', $\theta\acute{o}\delta$ 'слово'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim g \sim x... > \acute{g}$: $\acute{g}ol$ 'рука', $\acute{g}a:n \sim qa:n$ 'кровь';

2) $k \sim g \sim x'... > g$: $\acute{g}o:l$ 'озеро', gel - 'приходить';

3) $q \sim \gamma \sim w... > \gamma$: $da:\gamma$ 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > g$: deg - 'касаться'.

Огузо-булгарская подгруппа

1. Вокализм первой группы + $\acute{a}$.

1) наличие первичных ($\sim$ вторичных) долгих гласных;

2) отсутствие редуцированных узких.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) наличие протетического v перед гласными: $v\acute{o}n$ 'десять', $v\acute{o}l$ - 'умирать', vun 'мука';

2) наличие палатализованных $b'/p' : b'äñ 'я', k'ö'p'ek 'собака'$;

2.2. Средние согласные:

1) наличие протетического $j : jič- 'пить', just 'верх', jev 'дом'$;

2) наличие палатализованных $t', d', s', z', l', n', r' : bir 'один', düstü ~ d'üst 'у он упал', s'an 'ты'$;

3) наличие назализованного $\eta : sü'ñ, gü' 'пика'$.

2.3. Задние согласные:

1) наличие протетического $h : ha'ra 'ячень'$;

2) наличие палатализованного $k', g' : g'um'uš 'серебро'$.

К огузо-булгарской подгруппе относятся: а) древние языки — печенежский, язык узов (черных клубуков), б) современные языки — гагаузский и языки и диалекты балканских тюрков.

Гагаузский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

а а:	у у:	о о:	у у:
е е:	и и:	ö ö:	ü ü:
		ä ä:	

Вокализм в гагаузском состоит из десяти нормальных гласных фонем — а, е, у, и, о, ö, у, ü, ä и соответственно девяти долгих гласных — а:, е:, у:, и:, о:, ö:, у:, ü:, ä:

1.2. Долгие гласные в гагаузском языке имеют две разновидности:

а) первичные, например: qa:t 'снег', ge:ti 'назад', a:t 'имя'; б) вторичные, например: dü:mä 'пуговица'; sö:la 'этакий'; a:č 'дерево'.

1.3. Сингармонизм в гагаузском характеризуется следующими схемами:

Палатальный		Лабильный	
а у о u e i ö ü ä		а е ä' y i	
а у о u	+ —	о	— +
е i ö ü ä	— +	ö	— +
		у	— +
		ü	— +

Лабильный — главным образом для второго слога, реже для последующих. Примеры: kelebeklär 'бабочки', gözlerindä 'в его глазах', oquduq 'мы прочли', doquzundžu 'девятый'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p f	t s š [c] č	k x (q) h
b v m	d z [ž] dž j r l n	g γ

Консонантизм гагаузского языка характеризуется следующим.

2.2. Передние

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонема m, реже p.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. $p \sim b > b \sim p$: baš 'голова', balyq 'рыба', но paɣmaq 'палец' с господствующим начальным b ;

2.2.2.2. $p/b \sim v$ в некоторых словах: vaɣ 'есть, имеется', vaɣ- 'идти', ver- 'дать';

2.2.2.3. $p/b \sim m$ в начале некоторых слов $> b \sim p$: b'ân ~ ben 'я', bin 'тысяча', pîn- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. $p/b \sim 0$: ol- 'быть';

2.2.2.5. наличие протетического v : 'on 'десять', 'odun 'дрова', 'ördek 'утка'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. в середине слова $m \sim b \sim v/w \sim m > m$: demir 'железо', gemi 'корабль';

2.2.3.2. $p \sim b > b$: qaby 'его посуда';

2.2.3.3. наличие палатализации b' , p' , m' : kor'ek' 'собака', b'ir' 'один'.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c} (\sim c \sim s) \sim s (\sim s')$ $> c$: čuq- 'выходить', aç- 'открывать', güc 'сила';

2.3.1.2. $x/z \sim \theta/\vartheta > s/z$: sóz 'слово', göz 'глаз', ses 'звук', jüz 'лицо';

2.3.1.3. $\check{s}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: aç- 'открывать', iş 'дело';

2.3.1.4. наличие палатализованных согласных t' , d' , s' , z' , l' , n' , r' : bir' 'один', g'el'edž'ek 'придет'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > d$: dolu 'полный', dört 'четверо', dil 'язык', dök- 'лить', dajaq 'подпорка', daa 'лес; гора', diz 'колено'.

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога';

2.3.2.3. $s (\sim \check{s} \sim \theta) \sim h \sim 0 > s$: süt 'молоко'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: ajaq 'нога', qajun 'береза', qıjuq 'хвост';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: quş 'зима'.

2.3.3.4. Протетический j перед узкими гласными i , y , u , $ü$: jički 'напиток', jüst 'верх'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q , g , γ .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > q$: qyz 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставиться', qan 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > k/g$: gök 'синий', göl 'озеро', gel- 'приходить', kes- 'резать'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w \dots > 0 \sim v$: da: 'лес', av 'охота', sa: 'здоровый';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > v$: jyv- 'собирать, складывать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > i$: -i:l- 'сгибаться'.

Связанная комплексная изоглосса гагаузского языка

1. Вокализм первой группы + а.

1) наличие долгих гласных первичных и вторичных;

2) отсутствие редуцированных.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) протетический *v* : von 'десять';
- 2) *p ~ b ~ v ~ 0* : ben ~ b'ân 'я', ver- 'давать', ol- 'быть'.

2.2. Средние согласные:

- 1) протетический *j* : just 'верх';
- 2) *č/š ~ š/s > č/š* : aç- 'открывать', iş 'дело', çıq- 'выходить';
- 3) *d ~ t > d ~ t* : dolu ~ tulu 'полный', dört 'четыре';
- 4) *j ~ dj/tj ~ dž/č ... > j* : jol 'дорога'.

2.3. Задние согласные.

- 1) Протетический *h* : hava 'воздух';
- 2) *q ~ ğ ~ x ... > q ~ g* : ğarga 'ворона', qaп 'кровь';
- 3) *k ~ g ~ x' ... > g ~ k* : kes- ~ ges- 'резать', göl 'озеро';
- 4) *γ ~ w ... > a* : — da 'гора';
- 5) *k ~ g ~ j ... > g — deg-* 'касаться'.

Огузо-сельджукская подгруппа

1. Вокализм первой группы ± а.

- 1) наличие вторичных долгих гласных;
- 2) отсутствие редуцированных узких;
- 3) лабиальная аттракция в отношении узких гласных.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) *p ~ b ~ v ~ 0* : ver- 'давать', ol- 'быть';
- 2) *p ~ b ~ m > b* : ben 'я'.

2.2. Средние согласные:

- 1) *d ~ t > d ~ t* : dil 'язык', teg- 'касаться'.

2.3. Задние согласные:

- 1) *q ~ g ~ x ... > ğ* : ğol 'рука';
- 2) *k ~ g ~ x' ... > g ~ g'* : göl 'озеро';
- 3) *γ ~ w ... > γ ~ a* : — daγ ~ da: 'гора';
- 4) *k ~ g ~ j ... > g* : deg- ~ teg- 'касаться';

5) отсутствие носового п.

К огузо-сельджукской подгруппе относятся: а) древние языки — сельджукский, староосманский; б) современные языки — азербайджанский и турецкий.

Азербайджанский язык

1. Вокализм первой группы + 'ä.

1.1. Состав гласных фонем:

a [a:]	y	o	u [u:]
e [e:ä:]	i [i:]	ö [ö:]	ü

Вокализм азербайджанского языка состоит из девяти основных нормальных гласных — а, е, ä, у, и, о, ö, u, ü и шести долгих а:, е:, ä:, i:, ö:, ü:, встречающихся в заимствованных словах.

1.2. Долгие гласные вторичного образования, замещающие главным

образом смычно-гортанные согласные в арабских заимствованиях: mo:miṇ 'правовойрный', a:liṁ 'ученый', mi:gas 'наследство' и проч.

1.3. Гласный *ä* характеризуется тем, что он в отличие от других языков, например казахского, встречается во всех позициях как в корнях слов, так и в словоизменительных аффиксах.

1.4. Сингармонизм в азербайджанском языке характеризуется следующими схемами.

Палатальный			
a y o u		e i ö ü ä	
a y o u	+	—	—
e i ö ü ä	—	—	+

Лабиальный			
a e ä y i			
o	—	+	—
ö	—	+	—
u	—	+	—
ü	—	+	—

Т.е. последовательным палатальным сингармонизмом (кроме заимствований) и лабиальным только в отношении узких гласных *y*; *i*, которые лабиализуются после предыдущих слогов с губными *o/ö* и *u/ü*. Примеры: getmädim 'я не уходил', müəllim 'учитель', böyük 'большой', doğru 'верный', g'üdəlü 'сильный'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p f	t s š [c]	č	k	x h
b v m	d z ž	dž j r l n	g (g')	γ

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонема *m*, реже *p*;

2.2.1.2. придыхательный *p^h*: *p^hul* 'деньги', *tap^hty* 'он нашел'.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. *p ~ b > b ~ p*: *barmaq* 'палец', *baş* 'голова', но *roz-* 'портить', *palçığ* 'грязь';

2.2.2.2. *p/b ~ v* в некоторых словах *> v*: *var* 'есть, имеется', *var-* 'идти', *ver-* 'давать';

2.2.2.3. *p/b ~ m* в начале некоторых слов *> m*: *mân* 'я', *min* 'тысяча'; *min-* 'садиться на что-либо', *böyük* 'большой';

2.2.2.4. *b/p ~ 0* в некоторых словах *> 0*: *ol-* 'быть', *aqır-* 'кричать';

2.2.2.5. наличие "протетического" *v*: *vir-* 'бить', но *on* 'десять'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслaute:

2.2.3.1. *m ~ b ~ v/w > m*: *demir* 'железо', *gâmi* 'лодка', но *gaban* 'кабан';

2.2.3.2. *p ~ b > p ~ b*: *gapy* 'двери'; *gabırğa* 'ребро', *tapul-* 'находиться';

2.2.3.3. *p ~ b ~ f > b ~ p*: *gab* 'сосуд'; *tap-* 'находить', *kitap* 'книга'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. *č (~ c) ~ š (~ s') > č*: *çuq* 'выходить', *çar-* 'рубить', *saç* 'волос', *küç* 'сила', *aç-* 'открывать', *küçük* 'щенок';

2.3.1.2. *s/z ~ θ/δ > s/z*: *söz* 'слово', *göz* 'глаз'; *ses* 'звук', *jüz* 'лицо';

- 2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: а $\check{c}$ 'голодный', а $\check{s}$ 'пища', га $\check{c}$ - 'бежать', га $\check{s}$ 'бровь';
 2.3.1.4. придыхательный t^h : at h — 'лошадь', at h a 'лошади' (дат.

падеж).

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > d \sim t$: tikān 'колючка', tox 'сытый', но doj- 'насыщаться', durna 'журавль', do $\check{u}$ tu 'верный', duz 'соль';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога', jan 'бок', jūnkūl 'легкий, ju- 'мыть', jūk 'грязь';

2.3.2.3. $s (\sim \check{s}) \sim h \sim 0 > s$: su 'вода', süd 'молоко', sal 'плот';

2.3.2.4. $j \sim 0$ в словах a $\check{y}$ a $\check{c}$ 'дерево', a $\check{y}$ la- 'плакать'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: goj- 'ставить', a $\check{y}$ a $\check{q}$ 'нога', guj $\check{r}$ ug 'хвост', bōjūk 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: ta $\check{s}$ 'камень', gu $\check{s}$ 'зима';

2.3.3.3. $j \sim n > n$: han $\check{s}$ y 'какой'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, g', γ .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > g/h$: guz 'девушка', gol 'рука', gal- 'оставаться'; qoj- 'ставить', ga $\check{r}$ 'снег', ga $\check{n}$ 'кровь', ga $\check{a}$ 'черный', gi $\check{r}$ u 'сухой' и в некоторых словах h : hasan 'легко', han $\check{s}$ y 'какой';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > g'$: g'ōk 'зеленый', g'ōl 'озеро', g'el- 'приходить'.

2.4.3. В инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w \dots > \gamma$: da $\check{y}$ 'гора';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > \gamma$: ju $\check{y}$ - 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > g$: deg- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса азербайджанского языка

1. Вокализм первой группы + ä.

1) долгие гласные в заимствованных словах;

2) отсутствие редуцированных.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0$: ver- 'давать', ol 'быть';

2) $p \sim b \sim m > b \sim m$: ben $\sim$ men 'я'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: а $\check{c}$ - 'открывать', i $\check{s}$ 'работа';

2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога';

3) $d \sim t > d$: dil 'язык';

4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: a $\check{y}$ a $\check{q}$ 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim g \sim x \dots > g$: gol 'рука', ga $\check{n}$ 'кровь';

2) $k \sim g \sim x' > g'$: g'ol 'озеро', g'ōk 'голубой';

3) $q \sim \gamma \sim w \dots > \gamma$: da $\check{y}$ 'гора';

4) $k \sim g \sim j \dots > g$: deg- $\sim$ teg- 'касаться'.

Турецкий язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав вокализма — восемь нормальных гласных фонем:

a	y	o	u
e	i	ö	ü

1.2. Долгие гласные а:, у:, и: встречаются главным образом в заимствованных словах.

1.3. Сингармонизм в турецком языке характеризуется следующими схемами.

Палатальный		Лабильный	
a y o u		e i ö ü	
a y o u	+	—	—
e i ö ü	—	+	+

Т.е. последовательный в отношении палатальной аттракции и лабиальный только в отношении узких гласных. Примеры: sally 'плоский', sili 'чистый', sekiz 'восемь', bezekli 'украшенный', dizem 'порядок', burulu 'скрученный', búzük 'сжатый', kópük 'пена', sonsuz 'бесконечный'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав гласных:

p [f]	t s š č	k x h
b v m	d z ž dž j r l n	g γ

В квадратных скобках — фонемы, встречающиеся в заимствованных словах.

Консонантизм в турецком характеризуется следующими закономерностями:

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. Фонемы m, p, v.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b: baş 'голова', balyk 'рыба';

2.2.2.2. p/b ~ v в некоторых словах > v: var 'есть, имеется', var- 'идти', ver- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m в некоторых основах > b: ben 'я', bin 'тысяча', bin- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. p/b ~ 0 в некоторых словах > 0: ol- 'быть'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w в некоторых словах > m: demir 'железо', geme 'лодка, судно';

2.2.3.2. p ~ b > p ~ b: kaby 'его сосуд', saru 'его рукоятка';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p: alur 'взяв', kar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c} (\sim c) \sim s (\sim s') > \check{c} (\sim d\check{z})$: $\check{c}y\check{k}$ - 'выходить', $\check{s}ar$ - 'рубить', $sa\check{s}$ - 'волосы', $g\check{u}\check{c}$ - 'сила', $a\check{s}$ - 'открывать', $g\check{u}d\check{z}\check{u}k$ - 'шенок'.

2.3.1.2. $s/z \sim \theta/\delta > s/z$: $s\acute{o}z$ - 'слово', $g\acute{o}z$ - 'глаз', ses - 'звук', $j\acute{u}z$ - 'лицо';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: $a\check{c}$ - 'голодный', $a\check{s}$ - 'пища', $ga\check{s}$ - 'бровь', $ga\check{s}$ - 'убегать'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > d$: $da\gamma$ - 'гора', dil - 'язык', dur - 'стоять', $d\acute{u}\check{s}$ - 'падать', dol - 'наполняться', $d\acute{o}k$ - 'лить, сыпать';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z} \sim \check{c}... > j$: jol - 'дорога', jan - 'бок', $j\acute{u}k$ - 'поклажа', juv - 'мыть';

2.3.2.3. $s (\sim s \sim \theta) \sim h \sim 0 > s$: su - 'вода', sal - 'плот', $s\acute{u}t$ - 'молоко';

2.3.2.4. $j \sim 0 > 0$ в словах: $a\gamma a\check{s}$ - 'дерево', $a\gamma la$ - 'плакать'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s... > j$: $a\gamma aq$ - 'нога', $ka\gamma un$ - 'береза', $gujruk$ - 'хвост', $bu\gamma uk$ - 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: $da\check{s}$ - 'камень', $gy\check{s}$ - 'зима', $i\check{s}ik$ - 'двери';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: $qo\gamma un$ - 'овца'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. Фонемы k, g, h .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \acute{g} \sim x... > k$: kuz - 'дквушка', kar - 'снег', kan - 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x'... > g$: $g\acute{o}k$ - 'зеленый', $g\acute{o}l$ - 'озеро', gel - 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w... > \gamma \sim u$: — $da\gamma$ - 'гора', $a\gamma$ - 'сеть', su - 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > \gamma$: $j\gamma\gamma$ - 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > g$: teg - 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса турецкого языка

1. Вокализм первой группы:

1) долгие гласные вторичного образования главным образом в заимствованных словах и в сочетаниях с согласными $\gamma \sim g$;

2) отсутствие редуцированных.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p/b \sim v \sim 0$: ver - 'давать', var - 'есть, имеется', ol - 'быть';

2) $p/b \sim m > b$: bin - 'тысяча', ben - 'я'.

2.2. Средние согласные.

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: $a\check{s}$ - 'открывать', $i\check{s}$ - 'дело, работа';

2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > j$: jol - 'дорога';

3) $d \sim t > d$: dil - 'язык';

4) $j \sim d/t \sim z/s... > j$: $a\gamma aq$ - 'нога'.

2.3. Задние согласные.

1) $q \sim \acute{g} \sim x... > g$: gol - 'рука', gan - 'кровь';

2) $k \sim g \sim x'... > g$: $g\acute{o}l$ - 'озеро', $g\acute{o}k$ - 'зеленый';

3) $q \sim \gamma \sim w... > \gamma$: $da\gamma \sim da$ - 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > g$: deg - $\sim teg$ - 'касаться'.

3. КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА

Кыпчакская группа (северо-восточный ареал) характеризуется следующей комплексной изоглоссой.

1. Вокализм первой группы ±ä.

- 1) наличие восьми девяти гласных;
- 2) редуцированные у, i, u, u;
- 3) отсутствие долгих первичных гласных.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b$: ber- 'давать', bol- 'быть';
- 2) $p/b \sim m > m$: men 'я'.

2.2. Средние согласные:

- 1) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > j \sim d\check{z} \sim \check{z}$: jol $\sim$ d\check{z}ol $\sim$ \check{z}ol 'дорога';
- 2) $d \sim t... > t$: til 'язык';
- 3) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s... > \check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s$: a\check{c}- $\sim$ a\check{s}- 'открывать', i\check{s} $\sim$ i\check{s} 'дело'.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \check{g} \sim x... > q$: qol 'рука', qan 'кровь';
- 2) $k \sim g \sim x... > k$: k\check{o}l 'озеро', kel- 'приходить';
- 3) $q \sim \gamma \sim w... > w$: taw 'гора';
- 4) $k \sim g \sim j... > j$: tij- 'касаться'.

К кыпчакской группе тюркских языков относятся: кыпчакско-половецкая, кыпчакско-булгарская и кыпчакско-ногайская подгруппы.

Кыпчакско-половецкая подгруппа

1. Вокализм первой группы:

- 1) наличие восьми гласных;
- 2) долгие гласные нехарактерны.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b$: ber- 'давать', bol- 'быть';
- 2) $p/b \sim m > m$: men 'я', mi\check{n} $\sim$ min 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

- 1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: a\check{c}- 'открывать', k\check{ü}\check{c} 'сила', i\check{s} 'дело';
- 2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > j \sim d\check{z}$: jol $\sim$ d\check{z}ol 'дорога', jer $\sim$ d\check{z}er 'земля'.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \check{g} \sim x... > q$: qol 'рука';
- 2) $k \sim g \sim x'... > k$: kel- 'приходить', k\check{o}k 'синий, зеленый';
- 3) $\gamma \sim w... > w$: taw 'гора';
- 4) $k \sim g \sim j... > j$: tij- 'касаться'.

К кыпчакско-половецкой группе относятся: а) древние языки — половецкий (или кыпчакский); б) современные языки — караимский, кумыкский, карачаево-балкарский и крымско-татарский.

Караимский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

а	у	о	и
е	і	ö	ü (~' о ~'и)

Вокализм караимского языка в тракайском его диалекте состоит из восьми гласных фонем: а, у, е, і, о, и, ö, ü, из которых две гласные фонемы ö и ü встречаются только в анлауте, в середине же слова замещаются соответствующими задними гласными 'о, 'и с предшествующей палатализацией согласного, например: s'ut' 'молоко', k'or' 'видеть'. В галицком диалекте — шесть гласных фонем: а, у, е, і, о, и. Гласные же ö, ü — делабиализуются и переходят в соответствующие негубные е и і, например: трак. üç, галиц. ic 'три', трак. dört, галиц. dert 'четыре'.

1.2. Долгие гласные отсутствуют.

1.3. Гласный а не характерен.

1.4. Сингармонизм в караимском характеризуется следующими схемами.

		Палатальный				Лабиальный			
		а	у	о	и	е	і	ö	ü
а	у	+				—		+	
е	і	+				—		+	

Лабиальный сингармонизм неустойчив и реализуется только в отношении узких гласных. Примеры: трак. b'it'ikl'ar 'письма', k'oz'l'ar' глаза', k'or's'un' 'пусть увидит', dostlux 'дружба'.

1.5. Кроме того, для вокализма караимского языка характерны следующие закономерности: в тракайском диалекте исторически передние гласные в позиции после согласных переходят в соответствующие задние с палатализацией предшествующего согласного, а именно е > 'а, например: s'an'd'an' 'от тебя' в м. senden в галицком; ö > 'о, например: k'ol'ag'a 'тень' в м. kelege ~ kölenke в галицком. Для галицкого диалекта характерны явления делабиализации гласных, например о > е: elgen 'умеревший', в м. öl'g'an' — в тракайском; ü > і : ic 'три', в м. üç в тракайском.

2. Консонантизм.

2.1. Состав гласных:

p f	t s š č c	k x h
b v m	d z ž [dž ~ dz] j r l n	g γ η

Система согласных фонем караимского языка состоит из шести передних согласных: р, б, ф, в, w, m; из одиннадцати средних и шести задних

согласных. В тракайском диалекте, кроме того, некоторые согласные имеют соответствующие парные палатализованные варианты.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. Фонемы b, m, p и реже v;

2.2.1.2. Палатализованные p', b', m'.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b: bas ~ baš 'голова', balyk 'рыба';

2.2.2.2. p/b ~ v в некоторых основах > b: bar 'есть', bar- 'идти', ber- 'дать';

2.2.2.3. p/b ~ m в некоторых основах > m: men 'я', min 'тысяча'; min- 'садиться на что-л.', но būjūk 'большой';

2.2.2.4. p/b ~ 0 в слове bol- ~ ol- > b: bol- 'быть'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w в некоторых словах > m: gemi 'корабль', temir 'железо';

2.2.3.2. p ~ b в интервокальной позиции > b: kaby 'его мешок', qaburya 'ребро';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p: alyp 'взяв', kap 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') > č ~ c: trak, 'uč ~ галиц. ic 'три', kūs ~ kis 'сила', ač- ~ ac- 'открывать', čyq- 'выходить';

2.3.1.2. s/z ~ θ/ð > s/z ~ s'/z': s'oz 'слово', s'es 'звук', juz' iz' 'сто';

2.3.1.3. č/s ~ š/s > č (~ c)/š (~ s): ač ~ ac 'голодный', aš ~ as 'пища', aš- ~ as- 'вешать', kač- ~ kac- ~ kaš- ~ kas- 'бежать', kaš ~ kas 'бровь', taš ~ tas 'камень';

2.3.1.4. Палатализованные согласные t'/d', s'/z', l', n', r'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t в начале слова > t: taw 'гора', til 'язык', tij- 'касаться', tol- 'наполняться', tōk- ~ tek- 'сыпать, лить', tur- 'стоять', tiz 'быстро', tūš- 'падать';

2.3.2.2. j ~ dj/tj ~ dž/č... > j: jol 'дорога', jan 'бок', jenil 'легкий', jum- 'мыть', juk 'груз, поклажа';

2.3.2.3. s (~ š) ~ h ~ 0 > s: su 'вода', sal 'плот', s'ut' ~ sit 'молоко';

2.3.2.4. j ~ 0 > j ~ 0: igit ~ jigit 'молодой', jur'ak' ~ ūr'ak' 'сердце';

2.3.2.5. t ~ k > t ~ k: til ~ kil 'язык', tiz ~ kiz 'степь, осень';

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > j: qoj- 'класть', ajaq 'нога', qijruq 'хвост', bijik 'высокий';

2.3.3.2. š (~ s) ~ l > š (~ s): taš ~ tas 'камень', kuš ~ kys 'зима', išik ~ isik 'двери';

2.3.3.3. j ~ n > ŋ ~ j: kaj 'который', atyŋ ~ atuj 'твой конь', sana ~ saja 'тебе'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. Фонема k с вариантами q, g, γ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \tilde{g} \sim x \dots > q \sim k : qyz \sim kyz$ 'девушка', $qol \sim kol$ 'рука', $qal \sim kal$ 'оставаться', $qar \sim kar$ 'снег', $qan \sim kan$ 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x \dots > k : k\ddot{o}k \sim kek$ 'голубой', $k\ddot{o}l \sim kel$ 'озеро', $kel-$ 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w \dots > w : taw$ 'гора', suw 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > j : juj-$ 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > j : tij-$ 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса караимского языка

1. Вокализм первой группы:

1) гласные $\ddot{o}$ $\ddot{u}$ в тракайском диалекте встречаются только в анлауте; в инлауте и ауслауте замещаются соответствующими заднерядными с предшествующей палатализацией согласного $\ddot{o} > 'o$; $\ddot{u} > 'u$;

2) в галицком гласные $\ddot{o}$, $\ddot{u}$ делябилизуются $\ddot{o}$, $\ddot{u} > e$, $i : 'dert$ четыре, is 'три'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) Парные палатализованные m' , b' , p' , v' ;

2) $p \sim b \sim v \sim 0 \dots > b : ber-$ 'давать', $bol-$ 'быть';

3) $p/b \sim m > m : men$ 'я', min 'тысяча', $min-$ 'садиться на что-л.'

2.2. Средние согласные:

1) Парные палатализованные t' , d' , s' , z' , r' , l' , n' ;

2) $\check{s}/s \sim \check{s}/s > \check{c} (\sim c) : a\check{s} \sim ac$ 'открывать', $k\ddot{u}\check{s} \sim kic$ 'сила', $i\check{s}$ 'дело';

3) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j : jol$ 'дорога', jer 'земля';

4) $d \sim t > t : til \sim kil$ 'язык', $tiz \sim kiz$ 'степь';

5) $j \sim d/t \sim z/s \dots > j : ajaq$ 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) Парные палатализованные k' , g' ;

2) $q \sim \tilde{g} \sim x \dots > q : qol$ 'рука', qan 'кровь';

3) $k \sim g \sim x' \dots > k : k\ddot{o}k \sim kek$ 'зеленый', $kel-$ 'приходить';

4) $\gamma \sim w \dots > w : taw$ 'гора';

5) $k \sim g \sim j \dots > j : tij-$ 'касаться';

6) $t \sim k > t \sim k : til \sim kil$ 'язык';

7) $\eta \sim n > j : atyj$ 'твой конь', $saja$ 'тебе'.

Кумыкский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав — восемь нормальных гласных:

а	у	о	и
е	и	ö	ü

1.2. Долгие гласные не характерны, встречаются в заимствованных словах.

1.3. Гласный $\ddot{a}$ встерчается в некоторых диалектах кумыкского языка.

1.4. Сингармонизм в кумыкском языке характеризуется следующими схемами:

2.3.2.1. $d \sim t > d \sim t$: dört 'четыре', dögerek 'круглый', но toγuz 'девять', taw 'гора', taš 'камень', til 'язык';

2.3.2.2. $j \sim dj/tj \sim d\check{z} \sim \check{c} \dots > j$: jol 'дорога', jer 'земля', jiber- 'отправлять', jan 'бок';

2.3.2.3. $s (\sim \check{s}) \sim h \sim 0 > s$: suw 'вода', süť 'молоко', segiz 'восемь';

2.3.2.4. $0 \sim j > 0$: aγaš 'деревцо';

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: qoj- 'ставить', ajaq 'нога', bijik 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: taš 'камень', quš 'зима';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: qajsy 'какой', qoj 'овца'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, γ, g.

2.4.2. Соответствия в инлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > q (\sim q)$: qara- 'смотреть', quz 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставаться', qoj- 'оставить', qaп 'кровь', qar 'снег', quγu 'сухой'. В некоторых диалектах начальному q соответствует смычно-гортанный qʷ: qʷara, qʷuz и т.д.

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > k \sim g$: kök 'зеленый', köl 'озеро', kül 'пепел, зола'; kir 'грязь', но gök 'синий', göγ- 'видеть', gel- 'приходить', gir- 'входить', get- 'уходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора', aw 'сеть';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > j$: juγ- 'собирать';

2.4.3.3. $g \sim k \sim j \dots > j \sim 0$: tij- 'касаться', tiri 'живой', ölü 'мертвый', üj 'дом'.

Связанная комплексная изоглосса кумыкского языка

1. Вокализм первой группы:

1) долгие гласные не характерны;

2) гласные ä встречается по диалектам.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p/b \sim v > b$: bar 'есть, имеется', ber- 'давать';

2) $p/b \sim m > m$: men 'я', miγ 'тысяча', min- 'садиться на что-л'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: čač 'волосы', ač- 'открывать', güč 'сила';

2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога', jer 'земля';

3) $d \sim t > d \sim t$: dört 'четыре', dögerek 'круглый', toγuz 'девять', til 'язык';

4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: ajaq 'нога';

5) смычногортанные tʷ, čʷ, cʷ.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > q (\check{q})$: qol 'рука', qaп 'кровь';

2) $k \sim g \sim x' \dots > k \sim g$: köl 'озеро', gök 'синий'; gel- 'приходить';

3) $\gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора', suw 'вода';

4) $k \sim g \sim j \dots > j$: tij- 'касаться'.

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

а	у	о	и
е	і	ө	ү

1.2. Долгие гласные не имеют фонематического значения.

1.3. Гласный ä не встречается.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный				
	а	у	о	и
а	у	о	и	+
е	і	ө	ү	—

Лабиальный				
	а	е	у	і
о	—		+	
ө	—		+	
у	—		+	
ү	—		+	

Примеры: iščile 'рабочие', baradyła 'они идут', otubuz 'наш огонь', tüšügüz 'ваш сон'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š c č	k (q) x h
b [v] w m	d z ž (dz) dž j r l n	g (γ) η

Система согласных характеризуется наличием четырех губных фонем, встречающихся в коренных словах, — р, б, в, м и двух — в новых заимствованиях — ф, в; 12 средних (зубных, передне- и среднеязычных согласных) — т, д, с, з, š, ž, dž, č, ј, р, л, н, из которых č, dž имеют в диалектах соответствия с, dz, и пять задних согласных — к, г, х, h, η с вариантами q и γ.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. Фонемы б, м, реже фонемы р и в.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. р ~ б > б: baš 'голова', balyq 'рыба', bol- 'быть';

2.2.2.2. р/б ~ в в некоторых основах > б: bar 'есть, имеется', bar- 'идти', ber- 'давать';

2.2.2.3. р/б ~ м в некоторых основах > м: men 'я', miñ 'тысяча', min- 'садиться на что-л.', bijik ~ mijik 'высокий';

2.2.2.4. р/б ~ 0 в некоторых основах > б: bol- 'быть', baγut- 'кричать'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. $m \sim b \sim v/w > m$: keme 'корабль', temir 'железо';

2.2.3.2. $p \sim b > b$: qaby 'его мешок', qabyɣa 'ребро';

2.2.3.3. $p \sim b \sim f > p$: aɣyp 'взяв', qap 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c} (\sim c) \sim s (\sim s') > \check{c} (\sim c)$: čač ($\sim$ sac) 'волосы', köč-(kös-) 'кочевать', küč ($\sim$ küc) 'сила', ač ($\sim$ ac-) 'открывать';

2.3.1.2. $s/z \sim \theta / \delta > s/z$: söz 'слово', köz 'глаз', ses 'звук';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: ač- 'открывать', qač- 'убегать', qaš 'бровь', iš 'дело'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$: taw 'гора', til 'язык', tas 'камень', tol- 'пополняться', tur- 'стоять', tüš- 'падать';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > d\check{z} (\sim \check{z} \sim z)$: džol ($\sim$ žol $\sim$ dzol $\sim$ zol) 'дорога', džer ($\sim$ žer $\sim$ dzer $\sim$ zer) 'земля';

2.3.2.3. $s (\sim \check{s}) \sim h \sim 0 > s$: suw $\sim$ su 'вода', sal 'плот', süt 'молоко';

2.3.2.4. $j \sim 0 > 0$: aɣač ($\sim$ aɣac) 'дерево', axšy 'хороший'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: qoj- 'ставить', ajaq 'нога', qaɣuɣ 'береза'; qajruq 'хвост', bijuk $\sim$ mijuk 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: taš 'камень', qyš 'зима', ešik 'двери';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: qoj 'овца', qajsy 'который'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, ɣ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > q$: qyz 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставаться', qar 'снег', qap 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > k$: kök 'зеленый', köl 'озеро', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора', aw 'сеть', suw $\sim$ su 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > j$: juj- 'собирать';

2.4.3.3. $g \sim k \sim j \dots > j \sim \ddot{u} - \ddot{u}j$ 'дом', ügen- $\sim$ üjren- 'учиться', tij- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса карачаево-балкарского языка

1. Вокализм первого типа.

1) долгие гласные не характерны.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 \dots > b$: ber- 'давать', bol- 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: meɣ 'я', miɣ 'тысяча', min- 'садиться на что-л.', bijik- $\sim$ mijik 'высокий';

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c} (c)/\check{s}$: čač (cac) 'волосы', ač-(ac-) 'открывать', iš 'дело';

2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > d\check{z} \sim \check{z} \sim (dz \sim z)$: džol $\sim$ žol (dzol $\sim$ zol) 'дорога', džer $\sim$ žer (dzer $\sim$ zer) 'земля';

3) $d \sim t > t$: taw 'гора', til 'язык';

4) $j \sim d/t \sim z/s > j$: ajaq 'нога';

5) $j \sim 0 > 0$: axsy 'хороший'.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > q$: qol 'рука', qan 'кровь';
- 2) $k \sim g \sim x \dots > k$: kōk 'зеленый', kōl 'озеро', kel- 'приходить';
- 3) $\gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора';
- 4) $k \sim g \sim j \dots > j$: tij- 'касаться'.

Крымско-татарский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных фонем:

a	y		o	u
e	i		ö	ü

1.2. Долгие гласные не имеют фонематического значения.

1.3. Гласный ä не имеет фонематического значения.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

	Палатальный				Лабиальный			
	a	y	o	u	e	i	ö	ü
a y o u	+		—		o	—	+	
e i ö ü	—		+		ö	—	+	
					u	—	+	
					ü	—	+	

Примеры: diñle- 'слушать', tolqunla- 'волноваться', beredžegim 'я отдам', tuzlug 'солонка', bojnuz 'рога'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]		t	s	š	[c]	č		k (q)	x	h
b [v] w m		d	z	ž		dž	j r l n	g	γ	ŋ

Система согласных состоит из четырех передних (губных) p, b, w, m, встречающихся в коренных словах, и двух — f, v — в заимствованных, 12 средних (зубных передне- и среднеязычных) согласных — t, d, s, z, š, ž, dž, č, j, r, l, n + c — звука, встречающегося в заимствованных словах, и пяти задних (заднеязычных, фарингальных) согласных — k, g, x, h, ŋ с вариантами q и γ.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. Фонемы b, m и реже p и w.

2.2.2. Соответствия в афлауте:

2.2.2.1. $p \sim b > b$: baš 'голова', balyq 'рыба';

2.2.2.2. $p/b \sim v$ в некоторых основах $> b$: baγ 'есть, имеется', baγ- 'идти, отправляться', beγ- 'давать';

2.2.2.3. $p/b \sim m$ в некоторых основах $> m \sim b$: meγ 'я', biñ 'тысяча', miγ- ~ biγ- 'садиться на что-л.', buγuγ 'нос', boγuγ 'шея';

2.2.2.4. $p/b \sim 0$ в некоторых основах > 0 : oγ- 'быть', aγuγ- 'кричать'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. В середине слова $m \sim b \sim v/w > m$: gemi 'лодка', demir ~ temir 'железо';

2.2.3.2. $p \sim b > b$: qaby 'его мешок', qabyrğa 'ребро';

2.2.3.3. $p \sim b \sim f > p$: alyp 'взяв', qar 'мешок';

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c} (\sim c) \sim s (\sim s') > \check{c}$: sač ~ sač 'волосы', köč- 'кочевать', küč 'сила', aç- 'открывать';

2.3.1.2. $s/z \sim \theta/\delta > s/z$: sóz 'слово', kóz 'глаз', ses 'звук', jüz 'лицо';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: aç- 'открывать'; qač- 'убегать', qaš 'бровь', iš 'дело';

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > d \sim t$: taš 'камень', daγ ~ taγ 'гора', til 'язык', doqyz 'девять', dört 'четыре', dol- ~ tol- 'наполняться', dinle- 'слушать';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c}... > j \sim d\check{z}$: jol ~ döl 'дорога', jer ~ dđer 'земля', jaγmur 'дождь';

2.3.2.3. $s (\sim \check{s}) \sim h \sim 0 > s$: suw 'вода', sal 'плот', süt 'молоко';

2.3.2.4. $j \sim 0 > 0 \sim j$: aγaç 'дерево', juγla- 'плакать';

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s... > j$: qoj- 'ставить', ajaq 'нога', qajup, 'береза', qijruq 'хвост', bujūk 'большой';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim l > \check{s}$: taš 'камень', quš 'зима', ešik 'дверь';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: qoj 'овца', qajsy 'который'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, γ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x... > q$: quz 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставаться', qar 'снег', qar 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x... > k \sim g$: kók 'зеленый', kóz 'глаз', kürek 'лопата', göl 'озеро', gizli 'тайный', gemi 'лодка', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $q \sim \gamma \sim w > w \sim \gamma$: daγ 'гора', aw 'сеть', suw ~ su 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > \gamma$: juγ- 'собирать', juγup 'куча';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > v \sim j$: ev 'дом', üjren- 'учиться', tij- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса крымско-татарского языка

1. Вокализм первого типа:

1) долгие гласные не характерны;

2) более задняя артикуляция ö, ü > ò, ù.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные.

1) $p \sim b \sim v \sim 0... > b \sim 0$: ber- 'давать', ol- ~ bol- 'быть';

2) $p \sim b \sim m > m \sim b$: men 'я', biç 'тысяча', min- 'садиться на' что-л., burun 'нос', boγun 'шея'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: aç- 'открывать', iš 'дело';

2) $j \sim bj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > j \sim d\check{z}$: jol ~ döl 'дорога', jer ~ dđer 'земля';

3) $d \sim t > t \sim d$: til 'язык', day ~ tay 'гора', dórt 'четыре', dol ~ tol 'наполняться';

4) $j \sim d/t \sim z/s... > j$: ajaq 'нога', qujruq 'хвост'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \dot{g} \sim x... > q$: qol 'рука', qan 'кровь';

2) $k \sim g \sim x'... > k \sim g$: göl 'озеро', kök 'синий', kel- 'приходить';

3) $\gamma \sim w... > \gamma \sim w$: day ~ taw 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > j$: tij- 'касаться'.

Кыпчакско-булгарская подгруппа

1. Вокализм второй группы:

1) отсутствие долгих гласных;

2) соответствие $e > i, o > u, \ddot{o} > \ddot{u}$.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные.

1) $p \sim b \sim m > m$: min 'я', min- 'садиться на что-л.', miç 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

1) $b \sim t > t$: til 'язык';

2) $\check{c} \sim s > \check{c} \sim s$: aç- ~ as- 'открывать';

3) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > j \sim d\check{z}$: jul ~ džul 'дорога'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \dot{g} \sim x... > q$: qul 'рука';

2) $k \sim g \sim x'... > k$: kül 'озеро';

3) $q \sim \gamma \sim w... > w$: taw 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > j$: tij- 'касаться'.

К кыпчакско-булгарской подгруппе относятся: а) древние языки — золотоордынский западный; б) современные языки — татарский и башкирский.

Татарский язык

1. Вокализм второй группы + ä.

1.1. Состав гласных фонем:

а	у	ү	у	у	у	у	у	у	у
ä	(ə)	ı	(e)	ı	ü	(y)	ı	(ə)	(ə)

В систему гласных татарского языка входят 10 фонем, из которых две — широкие а, ä (с вариантом ä в неударной позиции) и восемь узких: из них четыре кратких — у, ı, ü, и четыре нормальных — у, ı, у, ü. Исторически гласные татарского языка ı, у, ü имеют следующие соответствия в других тюркских языках: ı = е; у = о; ü = ö.

1.2. Долгие гласные не имеют фонематического значения.

1.3. Гласный ä противопоставлен в татарском языке гласному а (ä) по ряду, главным образом, в аффиксах.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный

a y u	ɣ u ɣ	ä i ü
u	+	-
ä i ü	-	+

Лабильный

a y i	y i
u	-
ü	-
u	+
ü	+

Примеры: arqalarы 'их спины', küzibiz 'наши глаза', jigirmi 'двадцать', siksän 'восемьдесят'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t	s	š [c]	č	k	(q)	[x]	h			
b [v]	w	m	d	z	ž	dž	j	r l n	g	(γ)	ŋ

Система согласных состоит из четырех передних (губных) — p, b, w, m и двух заимствованных слов — f, v, 12 средних (передне- и среднеязычных) t, d, s, z, š, ž, č, dž, j, r, l, n и одной заимствованной фонемы и четырех задних (заднеязычных, фарингальных) согласных — k, g, h, ŋ с вариантами ɣ, q и заимствованным x.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы b, m, реже p и w.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b: bala 'ребенок', baš 'голова';

2.2.2.2. p/b ~ v > b: baɣ 'есть, имеется', baɣ- 'идти', bir- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m в некоторых основах > m: min 'я', mɨn- 'сидеться на что-л'; mɨn 'тысяча';

2.2.2.4. p/b ~ 0 в некоторых основах > b: bul- 'быть', aɣɣ- 'кричать'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/m > m: kima ~ kujmä 'лодка'; timir 'железо';

2.2.3.2. p ~ b > b: qaby 'его мешок', qabyɣa 'ребро';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p: aɣɣ 'взяв', qar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') > č: šač 'волосы', küč- 'кочевать', küč 'сила', ас- 'открывать';

2.3.1.2. s/z ~ θ/ð ~ s/z: süz 'слово', küz 'глаз', jüz 'лицо';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č/s: ас- 'открывать', qač- 'убегать', qaš 'бровь', iš дело.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. Соответствие d ~ t > t, реже d: taw 'гора', til 'язык', tuyuz 'девать', dürt 'четыре'; tul- 'наполняться', tynla- 'слушать';

2.3.2.2. j ~ tɨ/dj ~ dž ~ č... > j (~ dž): jul 'дорога', jir 'земля';

2.3.2.3. s (~ š) ~ h ~ 0 > s: suw 'вода', sal 'плот', sūt 'молоко';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0 aʁaʃ 'дерево', jula- 'плакать'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s ... > j: quj- 'поставить', aʁaq 'нога', qaʁjuŋ 'береза', qujruq 'хвост', bʉjɨk ~ bʉjɨk 'высокий';

2.3.3.2. š (~ s) ~ l > š: taš 'камень', qʉš 'зима', išɨk 'дверь';

2.3.3.3. j ~ n > j: quj 'овца', qaʁsy 'который'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, q, ɣ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. q ~ ġ ~ x... > q: qʉz 'девушка', qul 'рука', qaɭ- 'оставаться', qaɭ 'снег', qaɭn 'кровь';

2.4.2.2. k ~ g ~ x'... > k: kük 'зеленый', küɭ 'озеро', kil- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. q ~ ɣ ~ w... (~ ya ~ a: ~ o: ~ u:) > w: taw 'гора', aw 'сеть', suw 'вода';

2.4.3.2. ɣ ~ j > j: zʉj- 'собирать', zʉjyɭys 'собрание';

2.4.3.3. k ~ g ~ j... > j: üj 'дом', ij- 'гнуть', tij- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса татарского языка

1. Вокализм второй группы + ä.

1) отсутствие долгих гласных;

2) последовательное соответствие e > i, o > u, ö > ü;

3) лабиализованный характер ä.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) p/b ~ v > b: bir- 'давать', bul- 'быть';

2) p/b ~ m > m: min 'тысяча', min 'садиться', min 'я'.

2.2. Средние согласные:

1) č/š ~ š/s > č/š: ač- 'открывать', iš 'дело';

2) j ~ dj/tj ~ dž/č... > j: jul 'дорога', džir 'место';

3) d ~ t > t: til 'язык';

4) j ~ d/t ~ z/s... > j: aʁaq 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) q ~ ġ ~ x... > q: qul 'рука', qaɭn 'кровь';

2) k ~ g ~ x... > küɭ 'озеро', kil- 'приходить';

3) ɣ ~ w... > w: taw 'гора';

4) k ~ g ~ j... > j: tij- 'касаться'.

Башкирский язык

1. Вокализм второй группы + ä.

1.1. Состав гласных фонем:

а	у	ү	у	и	и
ä	i	i	ü	ü	ü

В систему гласных башкирского языка входят десять фонем, из которых две широкие а, ä и восемь узких, из них четыре кратких у, i, у, ü и че-

2.3.1.1. $\check{c}$ ($\sim c$) $\sim s$ ($\sim s'$) $> s$: *sysqan* 'мышь', *as-* 'открывать', *küs-* 'кочевать', *küs* 'сила', *ylasyn* 'сокол';

2.3.1.2. соответствие $s/z \sim \theta/\delta$ в башкирском языке в отличие от туркменского имеет следующие закономерности:

2.3.1.2.1. соответствие $s \sim \theta$ характерно только для инлаута и ауслаута слова и аффикса: *iθki* 'ветхий', *baθ-* 'ступать-давить', *bυθ* 'пар';

2.3.1.2.2. в анлауте $s/\theta > h$: *hüt* 'молоко', *alha* 'если он возьмет';

2.3.1.2.3. переход $z > \delta$ характерен только для инлаута и ауслаута, поскольку начальный z в башкирском как и в других языках встречается главным образом в заимствованных словах: *hüd* 'слово', *küd* 'глаз', *küδ* 'осень', *qυδyl* 'красный';

2.3.1.2.4. согласный δ является в башкирском языке отчасти субститутом d : *barδyq* 'мы ходили', *biδδin üjübüd* 'наш дом';

2.3.1.3. соответствие $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s$ для башкирского языка характеризуется следующими закономерностями:

2.3.1.3.1. субститутом s в башкирском языке для всех позиций в слове, как правило, служит согласный s : *as-* 'открывать', *sysqan* 'мышь';

2.3.1.3.2. согласный $\check{s}$ не переходит в s : *baš* 'голова', *biš* 'пять', *uqšāš* 'похожий'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$, реже d : *taw* 'гора', *tünäräk* 'круглый', *tuγud* 'девять', *tuqta-* 'останавливаться', *tiz* 'быстро', но *dürt* 'четыре', *dyrylda-* 'дребезжать';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c}... > j$: *jas* $> jäs$ 'молодой', *jul* 'дорога', *jir* 'земля';

2.3.2.3. $s(\sim s) \sim h \sim 0 > h$: *hyw* 'вода', *higiδ* 'восемь', *hin* 'ты', *hüd* 'слово', *hüt* 'молоко';

2.3.2.4. $j \sim 0 > 0$: *a γas* 'дерево', *ila-* 'плакать'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s... > j$: *quj-* 'поставить', *ajaq* 'нога', *qajyñ* 'береза';

2.3.3.2. $\check{s}(\sim s) > l > \check{s}$: *taš* 'камень', *qυš* 'зима', *işik* 'дверь';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: *quj* 'овца', *qajhy* 'какой'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, γ .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x... > q$: *qυδ* 'девушка', *qul* 'рука', *qal-* 'оставаться', *qar* 'снег', *qan* 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x'... > k$: *kük* 'зеленый', *kül* 'озеро', *kil-* 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте.

2.4.3.1. $\gamma \sim w... > w$: *taw* 'гора', *aw* 'сеть', *hyw* 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \sim (\sim y: \sim u) > j$: *jyj-* 'собирать', *jyñ* 'собрание';,

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > j$: *üj* 'дом', *ij-* 'гнуть', *tij-* 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса башкирского языка

1. Вокализм второй группы $+ä$.

1) отсутствие долгих гласных;

2) последовательное соответствие $e > i$, $o > u$, $ö > ü$;

3) лабиализованный $ä$.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) p/b ~ v > b: bir- 'давать', bar 'есть, имеется';
- 2) p/b ~ m > m: mın 'тысяча', mın- 'садиться', mın 'я'.

2.2. Средние согласные:

- 1) č/š ~ š/s ~ s > s: sysqaп 'мышь', as- 'открывать', bysaq 'нож', kūs 'сила', sas 'волосы', baš 'голова', biš 'пять';
 - 2) j ~ dj/tj ~ dž/č... > j: jul 'дорога', jir 'земля';
 - 3) d ~ t > t: tij 'язык';
 - 4) j ~ d/t ~ z/s... > j: ājaq 'нога';
 - 5) s/z ~ θ/δ > θ/δ: baθ- 'ступать, давить', iθki 'ветхий', kūδ 'глаз', quδy 'красный';
 - 6) s ~ h ~ 0 > h: hūt 'молоко', hūd 'слово', qajhu 'который'.
- ### 2.3. Задние согласные:
- 1) q ~ ġ ~ x... > q: quδ 'девушка', qul 'рука';
 - 2) k ~ g ~ x... > k: kil 'приходить', kül 'озеро';
 - 3) γ ~ w... > w: taw 'гора';
 - 4) k ~ g ~ j... > j: tij- 'касаться'.

Кыпчакско-ногайская подгруппа

1. Вокализм первой группы + ä.

- 1) наличие редуцированных у, i, u, ü;
- 2) долгие гласные нехарактерны;
- 3) наличие ä, главным образом в заимствованных словах.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) p ~ b ~ v ~ 0... > b: ber- 'давать', bol- 'быть';
- 2) p/b ~ m > m: meп 'я', muц 'тысяча', mın- 'садиться на что-л.;

2.2 Средние согласные:

- 1) č/š ~ š/s > š/s: as- 'открывать', is 'дело';
- 2) j ~ dj/tj ~ dž/č... > dž ~ ž (~ j): džol ~ žol (~ jol) 'дорога', džer ~ žer (~ jer) 'земля'.

2.3. Задние согласные:

- 1) q ~ ġ ~ x... > q: qol 'рука';
- 2) k ~ g ~ x... > k: kōl 'озеро', kel- 'приходить';
- 3) γ ~ w... > w: taw 'гора';
- 4) k ~ g ~ j... > j: tij- 'касаться'.

К кыпчакско-ногайской подгруппе относятся: а) современные языки — ногайский, каракалпакский, казахский.

Ногайский язык

1. Вокализм первой группы + ä.

1.1. Состав гласных:

а	у	о	и
е	і	ө	ү
		ä	

В систему гласных ногайского языка входят восемь гласных характерных для коренных ногайских слов: а, е, у, і, о, ө, и, ү и один

гласный ä, встречающийся главным образом в заимствованных словах и как исключения в сложных коренных словах.

1.2. Долгие гласные не характерны для ногайского языка, встречаются как редкие исключения в заимствованных словах.

1.3. Гласный ä не противопоставлен по ряду гласному а и встречается редко.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный						Лабиальный				
	а	у	о	ү	е	і	ö	ü	ä	
а	у	о	ү	+					-	
ä	е	і	ü	-					+	

	а	е	ä	у	і
о	-				+
ö	-				+
у	-				+
ü	-				+

Примеры: qolım, 'моя рука', күнлер 'дни', üjümüz 'наш дом', toqsan девяносто, börü 'волк', köger, 'синеть'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š [c] [č]	k (q) x
b [v] w m	d z [ž] [dž] j r l n	(g) (γ) ɳ

Система согласных состоит из четырех передних (губных): p, b, w, m и двух заимствованных: f, v; девяти средних (передне- и среднеязычных): t, d, s, z, š, j, r, l, n и четырех заимствованных: ž, č, dž и трех задних (заднеязычных, фарингальных) k, x, ɳ с тремя вариантами g, q, γ.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы b, m, реже p и w.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b: bala 'ребенок', bas 'голова', börü 'волк', balta 'топор';

2.2.2.2. p/b ~ v > b: bar 'есть, имеется', bar- 'идти', ber- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m: men 'я', muɳ 'тысяча', mın- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. p/b ~ 0 в некоторых основах > b: bol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v встречается в словах, начинающихся на гласные o, ö: ^voɳ 'десять', ^völ- 'умирать'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m: keme 'лодка', temir 'железо';

2.2.3.2. p ~ b > b: qaby 'его мешок', qabyɣa 'ребро';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p: aɣur 'взяв', qar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Соответствия во всех позициях:

2.3.1.1. č (c ~ š) ~ š (~ s') > š: aš- 'открывать', küš 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/δ > s/z: söz 'слово', köz 'глаз', jüz 'лицо';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{s}/s$: aš- 'открывать', qaš- 'убегать', qaš 'бровь', is- 'дело'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$ реже d : taw 'гора', til 'язык', toγuz 'девять', tol- 'наполняться', но dōrt 'четыре';

2.3.2.2. $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j (\sim d\check{z} \sim \check{z})$: jol $\sim d\check{z}$ ol $\sim \check{z}$ ol 'дорога', jer $\sim d\check{z}$ er $\sim \check{z}$ er 'земля';

2.3.2.3. $\check{s} (\sim s \sim \theta) \sim h \sim 0 > s$: suw 'вода', sal 'плот', sūt 'молоко';

2.3.2.4. $j \sim \emptyset > 0$: aγaš 'деревцо';

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \approx z/s \dots > j$: qoj- 'поставить', ajaq 'нога', qajγuγ, 'береза', qijruq 'хвост', bijik 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s} (\sim s) \sim \check{c} > s$: tas 'камень', qys 'зима', esik 'дверь';

2.3.3.3. $j \sim n > j$: qoj 'овца', qajsy 'который'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, γ .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > q$: qyz 'девушка', qol 'рука', qal- 'остаться', qar- 'снег', qar 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim \check{g} \sim x' \dots > k$: kōk 'зеленый', kōl 'озеро', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора', aw 'сеть', силок, suw 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > j$: jγj- 'собирать', jγjγ 'собрание';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > j$: ūj 'дом', tγj- 'касаться', ij- 'гнуть'.

Связанная комплексная изоглосса ногайского языка

I. Вокализм первой группы + ä.

1) наличие редуцированных узких;

2) гласный ä не противостоит а, встречается редко, главным образом в заимствованных словах.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b$: ber- 'давать', bol- 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: men 'я', mγn 'тысяча', mγn- 'садиться на что-л.';

3) Дифтонгизация широких губных о и ö : γon 'десять', γöl- 'умирать'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > s/\check{s}$: aš- 'открывать', is 'дело';

2) $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j \sim d\check{z}$: jol $\sim d\check{z}$ ol 'дорога', jer $\sim d\check{z}$ er 'земля';

3) $d \sim t > t (\sim d)$: tγl 'язык', dōrt 'четыре';

4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: ajaq 'нога';

5) Сочетания sl, zl, tl. в м. st, zd, tt : taslar 'камни', qyzlar 'девушки', atlar 'лошади'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > q$: qol 'рука', qar 'кровь';

2) $k \sim \check{g} \sim x' > k$: kōl 'озеро', kel- 'приходить';

3) $\gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора';

4) $k \sim g \sim j \dots > j$: tγj- 'касаться'.

Каракалпакский язык

1. Вокализм первой группы + ä.

1.1. Состав гласных:

а	у	о	ү
е	і	ө	ұ
	ç		ä

В систему гласных каракалпакского языка входит восемь гласных, характерных для коренных слов: а, е, у, і, о, ө, ү, ұ и один гласный ä, встречающийся главным образом в заимствованных словах и как исключение в коренных словах, не входя в органический состав и соответствующие закономерности противопоставления с другими гласными фонемами.

1.2. Долгие гласные не характерны для каракалпакского языка, встречаются как редкие исключения в заимствованных словах.

1.3. Гласный ä не противопоставлен по ряду гласному а и встречается редко.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный								Лабиальный			
а у о ү е і ө ұ ä								а е ä у і			
а	у	о	ү	+			-	о	-		+
е	і	ө	ұ	-			+	ө	-		+
								ү	-		+
								ұ	-		+
								ä	-		+

Примеры: qolım 'моя рука', künler 'дни', üjümüz 'наш дом', toqsan 'девяносто', börü 'волк', köger- 'синеть'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š č	k (q) x h
b [v] w m	d z [ž] dž j r l n	(g) (γ) ŋ

Система согласных состоит из четырех передних (губных): р, б, в, м и двух заимствованных: фонем: f, v; десяти средних (зубных, передне- и среднеязычных): т, д, с, з, ш, дз, ж, р, л, н и двух заимствованных фонем: ж и щ и четырех задних (заднеязычных, фарингальных): к, х, һ, ң с тремя вариантами г, қ, γ.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. Фонемы б, м, реже р и в.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. р ~ б > б: bala 'ребенок', bas 'голова', börü 'волк', balta 'топор';

2.2.2.2. р/б ~ в > б: bar 'есть, имеется', bar- 'идти', ber- 'давать';

2.2.2.3. р/б ~ м > м: men 'я', muң 'тысяча', mın- 'садиться на что-л.';

- 2.2.2.4. p/b ~ 0 в некоторых основах > b : bol- 'быть';
- 2.2.2.5. "протетический" v встречается в словах, начинающихся на гласные o, ö : 'оп 'десять', 'öl- 'умереть'.
- 2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:
- 2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : keme 'лодка', temir 'железо';
- 2.2.3.2. p ~ b > b : qaby 'его мешок', qabyrğa 'ребро';
- 2.2.3.3. p ~ b ~ f > p : alyp 'взяв', qar 'мешок'.
- 2.3. Средние согласные.
- 2.3.1. Во всех позициях:
- 2.3.1.1. č (~s) ~ s (~s') > š : aš- 'открывать', küš 'сила';
- 2.3.1.2. s/z ~ θ/ð > s/z : söz 'глаз', jüz 'лицо';
- 2.3.1.3. č/š ~ š/s > š/s : aš- 'открывать', qaš- 'убегать', qas 'бровь', iş 'дело'.
- 2.3.2. Соответствия в анлауте:
- 2.3.2.1. d ~ t > t, реже d : taw 'гора', til 'язык', toγuz 'девять', tol- 'наполнять', tört 'четыре', dastyq 'подушка';
- 2.3.2.2. j ~ tj/dj ~ dž ~ č... > dž (~ž) : džol ~ žol 'дорога', džer ~ žer 'земля';
- 2.3.2.3. s (~š) ~ h ~ 0 > s : suw 'вода', sal 'плот', süť 'молоко';
- 2.3.2.4. j ~ 0 : aγaš 'дерево'.
- 2.3.3. Соответствия в анлауте и ауслауте:
- 2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > j : qoj- 'поставить', ajaq 'нога', qajγ, 'береза', qijγuq 'хвост', bijik 'высокий';
- 2.3.3.2. š (~s) ~ l > s : tas 'камень', qys 'зима', esik 'двери';
- 2.3.3.3. j ~ n > j : qoj 'овца', qajsy 'который'.
- 2.4. Задние согласные.
- 2.4.1. Во всех позициях:
- 2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, γ, h.
- 2.4.2. Соответствия в анлауте:
- 2.4.2.1. q ~ g ~ x... > q : qyz 'девушка', qol 'рука', qal- 'остаться', qar 'снег', qaп 'кровь';
- 2.4.2.2. k ~ g ~ x... > k : kök 'зеленый', köl 'озеро', kel- 'приходить'.
- 2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:
- 2.4.3.1. q ~ γ ~ w... > w : taw 'гора', aw 'сеть, силок', suw 'вода';
- 2.4.3.2. γ ~ j... > j : džγ- 'собирать', džγγyn 'собрание';
- 2.4.3.3. k ~ g ~ j... > j : üj 'дом', tij- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса каракалпакского языка

1. Вокализм первой группы + ä.

- 1) наличие редуцированных узких;
- 2) гласный ä, главным образом в заимствованных словах.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

- 1) p ~ b ~ v ~ 0 > b ~ p : buw ~ ruw 'пар', ber- 'давать', bol- 'быть';
 - 2) p/b ~ m > m : men 'я', mγn, 'тысяча', mγn- 'садиться';
 - 3) дифтонгизация широких губных o и ö : 'оп 'десять', 'öl- 'умирать'.
- ##### 2.2. Средние согласные:
- 1) č/š ~ š/s > š/s : aš- 'открывать', iş 'дело';
 - 2) j ~ tj/dj ~ dž/č... > dž ~ ž : džol ~ žol 'дорога', džer ~ žer 'земля';

- 3) $d \sim t > t (\sim d)$: *tıl* 'язык', *tol-* 'наполняться', *dastyq* 'подушка';
 4) $j \sim d/t \sim z/s... > j$: *ajaq* 'нога';
 5) сочетания типа *sl, šl, zl* в м. *št, st, zd* в казахском языке.
 2.3. Задние согласные:
 1) $q \sim \underset{\text{г}}{g} \sim x... > q$: *qol* 'рука', *qan* 'кровь';
 2) $k \sim \underset{\text{г}}{g} \sim x'... > k \sim \underset{\text{г}}{g}$: *köl* 'озеро', *kel-* 'приходить', *güz* 'осень';
 3) $\gamma \sim w... > w$: *taw* 'гора';
 4) $k \sim \underset{\text{г}}{g} \sim j... > j$: *tij-* 'касаться'.

Казахский язык

1. Вокализм первой группы + ä.

1.1. Состав гласных:

a	у	о	ү
e	і	ö	ü
	ä		ä

Гласный ä встречается главным образом в заимствованных словах.

1.2. Долгие гласные встречаются редко, главным образом в заимствованных словах.

1.3. Гласный ä не входит в систему фонологических противопоставлений другим гласным.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется схемами,

Палатальный					Лабиальный				
а у о ү					е і ө ү ä				

- 2.2.1.1. фонемы b, m, реже p и w.
- 2.2.2. Соответствия в анлауте:
- 2.2.2.1. p ~ b > b, реже p : bala 'ребенок', bas 'голова', böğ 'волк', balta 'топор', pis- 'зреть', ruşaq 'нож';
- 2.2.2.2. p/b ~ v > b : bar 'есть, имеется', bar- 'идти', ber- 'давать';
- 2.2.2.3. p/b ~ m > m : men 'я', муң 'тысяча', min- 'садиться на что-л.', murun 'нос', муз 'лед';
- 2.2.2.4. p/b ~ 0 в некоторых основах > b : bol- 'быть';
- 2.2.2.5. "протетический" v встречается в словах, начинающихся на гласные o, ö : 'on 'десять', 'öl- 'умирать'.
- 2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:
- 2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : keme 'лодка', temir 'железо';
- 2.2.3.2. p ~ b > b : qaby 'его мешок', qabyrğa 'ребро';
- 2.2.3.3. p ~ b ~ f > p : alыр 'взяв', qar 'мешок'.
- 2.3. Средние согласные.
- 2.3.1. Во всех позициях:
- 2.3.1.1. č (~c ~ š) ~ s (~s') > š : aš- 'открывать', küš 'сила';
- 2.3.1.2. s/z ~ θ/δ ~ s/z : söz 'слово', köz 'глаз', dzüz 'лицо';
- 2.3.1.3. č/š ~ š/s > š/s : aš- 'открывать', qaš- 'убегать', qas 'бровь', is 'дело'.
- 2.3.2. Соответствия в анлауте:
- 2.3.2.1. d ~ t > t, реже d : taw 'гора', til 'язык', tört 'четыре', tol- 'наполняться', toғыз 'девять', но de- 'говорить';
- 2.3.2.2. j ~ ti/dj ~ dz/č ... > ž : žol 'дорога', žer 'земля', žyl 'год', žürek 'сердце';
- 2.3.2.3. s (~š) ~ h ~ 0 > s : suw 'вода', sal 'плот', süt 'молоко';
- 2.3.2.4. j ~ 0 > 0 : aғaš 'дерево'.
- 2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:
- 2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s ... > j : qoj- 'поставить', ajaq 'нога', qajyn, 'береза', qajırq 'хвост', bijik 'высокий';
- 2.3.3.2. š (~s) ~ l > š : tas 'камень', qys 'зима', esik 'двери';
- 2.3.3.3. j ~ n > j : qoj 'овца', qajsy 'который'.
- 2.4. Задние согласные.
- 2.4.1. Во всех позициях:
- 2.4.1.1. фонема k с вариантами g, q, γ.
- 2.4.2. Соответствия в анлауте:
- 2.4.2.1. q ~ g ~ x ... > q : qyz 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставаться', qar 'снег', qar 'кровь';
- 2.4.2.2. k ~ g ~ x' ... > k : kök 'зеленый', köl 'озеро', kel- 'приходить'.
- 2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:
- 2.4.3.1. γ ~ w ... > w : taw 'гора', aw 'сеть, силок', suw 'вода';
- 2.4.3.2. γ ~ j ... > j : žyj- 'собирать', žujyn 'собрание';
- 2.4.3.3. k ~ g ~ j ... > j : üj 'дом', tij- 'касаться'.

*Связанная комплексная изоглосса
казахского языка*

1. Вокализм первой группы + ä .
 - 1) наличие редуцированных узких;
 - 2) гласный ä главным образом в заимствованных словах.
2. Консонантизм.
 - 2.1. Передние согласные:
 - 1) $p \sim b \sim v \sim 0 \dots > b$: ber- 'давать', bol- 'быть';
 - 2) $p/b \sim m \dots > m$: men 'я', muŋ 'тысяча', min- 'садиться';
 - 3) Дифтонгизация широких о и ö : v_{op} 'десять', $v_{öl}$ 'умирать'.
 - 2.2. Средние согласные:
 - 1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{s}/s$: aš- 'открывать', is 'дело';
 - 2) $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} > \check{z}$: žol 'дорога', žer 'земля';
 - 3) $d \sim t > t$: til 'язык', tol- 'наполняться';
 - 4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > j$: ajaq 'нога';
 - 5) сочетания št, st, zd в м. šl, sl, zl.
 - 2.3. Задние согласные:
 - 1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > q$: qol 'рука', qan 'кровь';
 - 2) $k \sim g \sim x' \dots > k$: köl 'озеро', kel- 'приходить';
 - 3) $\gamma \sim w \dots > w$: taw 'гора';
 - 4) $k \sim g \sim j \dots > j$: tij- 'касаться'.

4. КАРЛУКСКАЯ ГРУППА

Карлукская группа (юго-восточный ареал) характеризуется следующей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм первой группы:
 - 1) тенденция сокращения гласных (6—8 гласных);
 - 2) тенденция превращения гласных у/i > i ~ u;
 - 3) противостояние по ряду а (~ ä)/ä в м. а/е.
2. Консонантизм.
 - 2.1. Передние согласные:
 - 1) $p \sim b \sim v \sim 0 \dots > b$: bär- 'давать', bol- 'быть'.
 - 2.2. Средние согласные:
 - 1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s \dots > \check{c}/\check{s}$: ač- 'открывать', iš 'дело';
 - 2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога', jär 'земля';
 - 3) $d \sim t \dots > t$: til 'язык', tört 'четыре'.
 - 2.3. Задние согласные:
 - 1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > q$: qol 'рука', qan 'кровь';
 - 2) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taγ 'гора';
 - 3) $k \sim g \sim j \dots > g$: täg- 'касаться', tirig 'живой'.

К Карлукской группе относятся: Карлукско-уйгурская и Карлукско-хорезмийские подгруппы.

Карлукско-уйгурская подгруппа

1. сочетания а — у в м. а — у в двухсложных словах: xatun ~ xatyn 'женщина', altun ~ altyn 'золото';
 - 2) долгие гласные нехарактерны.
 2. Консонантизм.
 - 2.1. Передние согласные:
 - 1) p ~ b ~ v ~ f ~ 0 > b ~ v ~ f : ef 'дом'; suf 'вода';
 - 2) p/b... > p ~ b : bär- 'давать', pišir- 'сварить'.
 - 2.2. Средние согласные:
 - 1) j ~ dʒ ~ dj/tj... > j : jol 'дорога';
 - 2) j ~ d/t ~ θ/δ ~ z/s > d ~ δ ~ j с доминирующим d ~ δ : adaq ~ адак 'нога'.
 - 2.3. Задние согласные:
 - 1) q ~ ġ ~ x... > q : qol 'рука', qan 'кровь';
 - 2) γ ~ w... > γ : taγ 'гора';
 - 3) k ~ g ~ j... > g : teg- 'касаться'.
- К карлукско-уйгурской подгруппе относятся: а) уйгурский (караханидский) и уйгурский (послекараханидский).

Карлукско-хорезмийская подгруппа

1. Вокализм первой группы:
 - 1) y/i > i индифферентный;
 - 2) ä ~ e > ä ~ e : ber- ~ bär- 'давать', men ~ män 'я'.
 2. Консонантизм.
 - 2.1. Передние согласные:
 - 1) p ~ b ~ v... > b ~ v : ber- ~ ver- 'давать';
 - 2) m ~ b... > m ~ b : min- ~ bin- 'садиться на что-л.', но men в м. ben 'я';
 - 3) b/p... > b ~ p : bala 'ребенок', pišir- 'сварить'.
 - 2.2. Средние согласные:
 - 1) j ~ d/t ~ θ/δ ~ z/s... > j : ajur- 'разделять', ajaq 'нога';
 - 2) t ~ d > d ~ t : dürt- ~ türt- 'толкать';
 - 3) č/š ~ š/s... : uč- ~ uš- 'летать'.
 - 2.3. Задние согласные:
 - 1) q ~ ġ ~ x... > q : qol 'рука';
 - 2) γ ~ w... > w : awyz 'рот', но taγ 'гора';
 - 3) k ~ g ~ j... > g : teg- 'касаться'.
- К карлукско-хорезмийской подгруппе относятся: а) древние языки — карлукско-хорезмийский, золотоордынский (восточный), чагатайский (XIII—XIV вв.), староузбекский, староуйгурский; б) современные языки — узбекский и уйгурский.

Узбекский язык

1. Вокализм первой группы.
 - 1.1. Состав гласных:

а	(а)	(у)	о	и
я	е	і	(ө)	(ү)

В систему гласных узбекского языка входит, как это принято считать, шесть фонем: $\bar{a}$, $\bar{ä}$, e , i , o , u . Однако в разговорном (неписьменном) языке эти основные фонемы реализуются в десяти вариантах: $\bar{a}$, (a) , $\bar{ä}$, e , i , (y) , o , $(\ddot{o})$, u , $(\ddot{u})$. Имеется тенденция превращения фонем i и $\bar{ä}$ в индифферентные по отношению к сингармонизму фонемы i и a .

1.2. Долгие гласные (вторичные) встречаются редко, главным образом в заимствованных словах, напр. $\text{ša}har > \text{ša}r$ 'город'.

1.3. Гласный $\bar{ä}$ противопоставлен заднему a главным образом в аффиксах, из которых некоторые имеют независимый от сингармонизма чаще задний гласный.

1.4. Сингармонизм все же в узбекском языке существует и регулируется как гласными так и согласными, например γ и g , q и k , l и l' и др. Как и в других тюркских языках, сингармонизм в узбекском языке характеризуется следующими схемами.

Палатальный						Лабильный																																																																	
ä̇ (a) (y) o u ä̇ e i (ö) (ü)						ȧ (a) e ä̇ (y) i																																																																	
ä̇ (a) (y) o u						o																																																																	
<table> <tr> <td>+</td> <td colspan="4"> </td> <td>-</td> </tr> <tr> <td colspan="6"> </td> </tr> <tr> <td>-</td> <td colspan="4"> </td> <td>+</td> </tr> </table>						+					-							-					+	<table> <tr> <td>-</td> <td colspan="4"> </td> <td>-</td> </tr> <tr> <td colspan="6"> </td> </tr> <tr> <td>-</td> <td colspan="4"> </td> <td>+</td> </tr> <tr> <td colspan="6"> </td> </tr> <tr> <td>-</td> <td colspan="4"> </td> <td>-</td> </tr> <tr> <td colspan="6"> </td> </tr> <tr> <td>-</td> <td colspan="4"> </td> <td>+</td> </tr> </table>						-					-							-					+							-					-							-					+
+					-																																																																		
-					+																																																																		
-					-																																																																		
-					+																																																																		
-					-																																																																		
-					+																																																																		
e i ä̇ (ö) (ü)						u																																																																	
						(ö)																																																																	
						(u)																																																																	

Примеры: $i\text{š}l\bar{ä}j\bar{m}\bar{ä}n$ 'я работаю', $t\bar{e}m\bar{i}r\bar{č}i$ 'кузнец', $k\bar{e}lg\bar{ä}n$ 'пришедший', $k\bar{o}ld\bar{ä}n$ 'с озера', $e\text{š}ik$ 'дверь', $q\bar{a}q\bar{a}j\bar{m}\bar{ä}q$ 'чернеть', $t\bar{ü}z\bar{ü}m$ 'строй', $u\text{š}in$ 'для', $b\bar{i}r$ $k\bar{ü}ll\bar{ü}g$ 'однодневный'.

В сочетании со стандартными аффиксами гармония нарушается, например: $k\bar{o}rg\bar{ä}z\bar{m}\bar{ä}q$ 'показывать'.

1.5. В традиционных описаниях фонем узбекского языка приняты следующие характеристики. Фонемы i и u имеют два "уклада": i ($-i$) и u ($-\ddot{u}$) — передние в сочетании с передними согласными, например k , g и i ($-y$), u ($-u$) — задние в сочетании с задними согласными, например, q , γ . Фонемы a и o имеют также два "уклада": a ($-\bar{ä}$) и o ($-\ddot{o}$) — передние в сочетании с передними согласными, например k , g и a ($-a$), o ($-o$), задние в сочетании с задними согласными, например q , γ .

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š [c]	č	k (q) x h
b [v] w m	d z [ž]	ǰ j r l n	g γ n,

Система согласных состоит из четырех передних (губных) — p , b , w , m и двух заимствованных — f , v , l средних (зубных, передне- и заднеязычных) — t , d , s , z , $š$, $č$, $dž$, j , r , l , n и заимствованных $ž$, $ç$, шести задних (заднеязычных и фарингальных) — k , g , x , γ , h , q с одним вариантом q .

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы b, m, реже p, w.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b, реже p — bāla 'ребенок', bāš 'голова', bār 'есть, имеется', bir 'один', bu 'этот', bol- 'быть', bālta 'топор', реже pišig- 'сварить'.

2.2.2.2. p/b ~ v > b : bār 'есть, имеется', bār- 'идти', ber- ~ bār- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m : mān 'я', miñ 'тысяча', min- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b : bol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v отсутствует.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : kāmā 'лодка', tāmiur 'железо';

2.2.3.2. p ~ b > p ~ b : qāru 'его мешок', qābuga 'ребро';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p, реже b : ālur 'взяв', qār 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') > č : āč- 'открывать', küč 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/ð > s/z : söz 'слово', köz 'глаз', jüz 'лицо';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č/š : āč- 'открывать', qāč- 'убегать', qāš 'бровь', iš 'дело', čuq- 'выходить', šu 'тот самый'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > t, реже d : taγ 'гора', til 'язык', tört 'четыре', tol- 'наполняться', toqyz 'девять', toqsaп 'девяносто', но de- 'говорить';

2.3.2.2. j ~ tj/dj ~ dž/č... > j : jol 'дорога', jār 'земля', jüräk 'сердце';

2.3.2.3. s (~ s) ~ h ~ 0 > s : suγ ~ su 'вода', sal 'плот', süт 'молоко';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0 : āγac 'дерево';

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > j : qoj- 'поставить', ājaq 'нога', qājup 'береза', qujruq 'хвост', bijik 'высокий';

2.3.3.2. š (~ s) ~ l > š : taš 'камень', quš 'зима', ešik 'двери'.

2.4. Задние согласные:

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, q, γ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. q ~ ġ ~ x... > q : quz 'девушка', qol 'рука', qāl- 'оставаться', qār 'снег', qān 'кровь';

2.4.2.2. k ~ g ~ x'... > k : kök 'зеленый', köl 'озеро', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. q ~ γ ~ w... > γ : tāγ 'гора', āγ 'сеть', āγuz 'рот', suγ ~ su 'вода';

2.4.3.2. γ ~ j... > γ : juγ- 'собирать', juγup 'собрание', сбор;

2.4.3.3. k ~ g ~ j... > g : teg- 'касаться, трогать'.

Связанная комплексная изоглосса узбекского языка

1. Вокализм первой группы:

1) шесть гласных ā, (o), ä, e, i, o, (y), u;

2) тенденция превращения в индифферентный y/i > i;

3) наличие ā (< a).

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b$: bär- 'давать', bol- 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: män 'я', miñ 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/s$: ač- 'открывать', iš 'дело';

2) $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c}... > j$: jol 'дорога', jār 'земля';

3) $d \sim t > t$: til 'язык', tört 'четыре';

4) $j \sim d/t \sim z/s > j$: ājaq 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x... > q$: qol 'рука', qañ 'кровь';

2) $k \sim g \sim x'... > k$: köñ 'озеро', käl- 'приходить';

3) $\gamma \sim w > \gamma$: taḡ 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > g$: taḡ- 'касаться'.

Уйгурский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

a	(y)	o	u
ä	e	i	ö
		ü	

В систему гласных уйгурского языка входит восемь гласных фонем: а, ä, е, і, о, ö, u, ü. Гласный і в сочетании с гласными заднего ряда реализуется в слове в виде более заднего (y).

1.2. Долгие первичные гласные отсутствуют, вторичные — встречаются в заимствованных словах.

1.3. Гласный ä противопоставлен заднему а в основах и в аффиксах.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный				Лабиальный			
a (y) i o u				ä e i ö ü			
a (y)	i	o	u	+	—	—	+
ä	e	i	ö	ü	—	—	+
					—	—	+
					—	—	+

Палатальный сингармонизм не соблюдается в заимствованных словах и не всегда соблюдается в сочетаниях основы с аффиксами: iš-qa делу и проч. Лабиальный сингармонизм чаще распространяется на второй слог и реже на последующие. Примеры: bilmärtimän 'я не знал', joḡurun 'тайно', бүгүн 'сегодня', ṣaḡırın 'кричавший, приглашавший', oḡun 'место', buzuq 'испорченный', ömür 'жизнь', tülkünü 'лису'.

1.5. Специфической закономерностью для уйгурского языка является обратная гармония гласных, сущность которой состоит в обратной аттракции узкого индифферентного і на предшествующие широкие а и ä, которые под влиянием узкого і переходят в е: al- 'брать, взять' — el-iš 'взятие', bāš 'пять', beši 'пятеро из них'.

1.6. В отношении узких губных второго ударного слога u и ü в позиции

после широких о и ö происходит полная трансформация вокализма слова, которая состоит в том, что гласные первого слога о и ö переходят в соответствующие узкие u и ü, а узкие второго слога u и ü переходят в а и ä: bolur > bular 'быв', böläp > büläp 'разделив'.

1.7. Для уйгурского языка характерен также закон редукции широких гласных в безударных слогах: balalary > baliliri 'их дети'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š [c] č	k (q) x h
b [v] w m	d z (ž) dž j r l n	g γ ŋ

Система согласных состоит из четырех передних (губных) — p, b, w, m и заимствованных f, v, ll средних (зубных, передне- и средняязычных) — t, d, s, z, š, č, dž, j, r, l, n с вариантом ž и заимствованной фонемой c, шести задних (задняязычных, фарингальных) — k, g, x, γ, h, ŋ с вариантом (q).

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонема m, реже p, b, w.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b, реже p: bala 'ребенок', baš 'голова', ba(r) 'есть, имеется', bir (~ biž ~ bij) 'один', bu 'этот', bol- 'быть', balta 'топор', реже pi-šir- 'сварить';

2.2.2.2. p/b ~ v > b: ba(r) 'есть, имеется', ba(r)- 'идти', bā(r)- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m: mǎn 'я', miŋ 'тысяча', min- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b: bol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v отсутствует.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m: kǎmā 'лодка', tǒmür 'железо';

2.2.3.2. p ~ b > p ~ b: qerī 'его малыш';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p, реже b: elip 'взяв', qar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') > č: ač- 'открывать', küč 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/δ > s/z: söz 'слово', köz 'глаз', jüz ~ žüz 'лицо';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č/š: ač- 'открывать', qač- 'убегать', qaš 'бровь', iš 'дело', čuq- 'выходить', šu 'тот самый'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > t, реже d: taγ ~ taq 'гора', til 'язык', tört 'четыре', tol- 'пополняться', toqquz 'девять', toxsān 'девьяносто';

2.3.2.2. j ~ tj/dj ~ dž/č > j ~ перед узкими гласными > ž: jol 'дорога', jer 'земля', jüräk ~ žüräk 'сердце';

2.3.2.3. š (~ s) ~ h ~ 0 > s: su 'вода', süt 'молоко', sal 'плот';

2.3.2.4. j ~ 0 > j: jiyas 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > j: qoj- 'поставить', ajaq 'нога', qajıŋ 'береза', qujruq 'хвост', bijik 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s}(\sim s) \sim l > \check{s}$: tas 'камень', qış 'зима', eşik 'двери'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, q, γ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x \dots > q$: qız 'девушка', qol 'рука', qal- 'оставаться', qar 'снег', qar 'кровь';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > k$: kök 'зеленый', köl 'озеро', käl- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taγ 'гора', aγ 'сеть, силок', aγuz 'рот', suγ 'вода';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > \gamma$: juγ- 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > g$: täg- 'касаться'.

Связанная полиизоглосса- уйгурского языка

1. Вокализм первой группы +ä—y:

1) восемь гласных а, ä, е, i, о, ö, u, ü;

2) конвергенция u/i > индифферентный i;

3) обратное влияние узкого i на широкие гласные предыдущего слога al- 'брать, взять', el-iš 'взятие';

4) изменение состава гласных под влиянием узких u/ü второго слога: bol- 'быть', bul-ar 'быв', böl- 'делить', böl-ar 'разделив';

5) редукция широких гласных в неударных слогах: balalary > baliliri 'их дети'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 \sim b(\sim p)$: bär- 'давать', bol- 'быть', pišir- 'сварить';

2) $p/b \sim m > m$: män 'я', min 'тысяча', min- 'садиться'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: aç- 'открывать', iš 'дело';

2) $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > j$: jol 'дорога', jä(r) 'земля';

3) $d \sim t > t(\sim d)$: taγ ~ taq 'гора', til 'язык', tört 'четыре';

4) $j \sim d/t \sim z/s > j$: ajaq 'нога';

5) выпадение r, l в конце слова и перед согласным ba(r) 'есть, имеется';

6) переход j > ž перед узкими гласными: žil 'год', žüz 'сто';

7) переход k, t, s > č: čim 'кто', čis 'зуб', čizik 'линия'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > q(\sim \gamma)$: qol 'рука', qar 'кровь'; γaz 'гусь';

2) $k \sim g \sim x' \dots > k$: köl 'озеро', käl 'приходить';

3) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taγ 'гора';

4) $k \sim g \sim j \dots > g$: täg 'касаться'.

II. ВОСТОЧНОХУННСКАЯ ВЕТВЬ

Восточнохуннская ветвь (восточный ареал) характеризуется следующей общей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм первой (~ второй) группы:

1) наличие вторичных долгих гласных (кроме древних языков);

2) наличие в некоторых языках придыхательных, фарингализованных гласных.

2. Консонантизм:

1) господствующие $d/t \sim \theta/\delta$ в соответствии $d/t \sim \theta/\delta \sim z/s \sim r \sim j$;

2) слабая дифференциация глухих и звонких согласных b/p , z/s , d/t , g/k .

К восточнохуннской ветви относятся: уйгуро-огузская и киргизско-кыпчакская группы тюркских языков.

1. УЙГУРО-ОГУЗСКАЯ ГРУППА

Уйгуро-огузская группа (северный ареал) характеризуется следующей связанной комплексной изоглоссой.

1. Вокализм первой (~ второй) группы:

1) восемь гласных первого типа;

2) восемь соответствующих долгих вторичных;

3) тенденции варьирования узкого $e > i$ и реже $o > u$ и $\ddot{o} > \ddot{u}$;

4) наличие дифтонгов или фарингализованных гласных;

5) элементы депалатализации $i > y$;

6) отсутствие губной аттракции после широких губных $o/\ddot{o}$.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \dots > p$: $per- \sim bier-$ 'давать';

2) $p \sim b \sim m \dots > m$: min 'я', muq 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{s} \sim \check{s}/s > \check{s} \sim s$: $a\check{s}- \sim as-$ 'открывать';

2) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > \check{c} \sim s$: $\check{c}ol \sim suol$ 'дорога';

3) $j \sim d/t \sim z/s \dots > d/t \sim z/s$: $azaq \sim adaq \sim atax$ 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > q \sim x$: $qol \sim xol$ 'рука', $qan \sim xan$ 'кровь';

2) $\gamma \sim w \sim ya \dots > \gamma \sim ya$: $ta\gamma \sim da\gamma \sim tya$ 'гора'.

К уйгуро-огузской группе относятся: уйгуро-тукюйская, Якутская и хакасская подгруппы.

Уйгуро-тукюйская подгруппа

1. Вокализм первой группы:

1) восемь гласных первого типа;

2) восемь соответствующих долгих вторичных гласных;

3) восемь соответствующих фарингализованных гласных;

4) элементы депалатализации узкого $i > y$: dyl 'язык'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 \dots > p$: $per-$ 'давать', $pol-$ 'брать';

2) $p/b \sim m > m$: men 'я', muq 'тысяча';

3) придыхательный p^h .

2.2. Средние согласные:

1) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > \check{c}$: $\check{c}ol$ 'дорога', $\check{c}er$ 'земля';

2) $j \sim d/t \sim z/s \dots > d/t$: $adaq \sim atax$ 'нога';

3) $d \sim t > d \sim t$: dyl 'язык', $dirig$ 'живой';

- 4) придыхательные согласные t^h, p^h ;
 5) диссимилятивные сочетания: nt, rt, lt и проч.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > x \sim q$: xar 'снег', qyzyl 'красный';
 2) $k \sim g \sim x' \dots > x' \sim k$: köŕ- 'видеть', x'ün 'день';
 3) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taŕ 'гора';
 4) $k \sim g \sim j \dots > g$: teg- 'касаться', dirig 'живой'.

К уйгуро-тукуюской подгруппе относятся: а) древние языки — древне-огузский, древнеуйгурский и б) современные — тувинский и тофаларский (диалект).

Тувинский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

а	а:	а ^ʕ	у	у:	у ^ʕ	о	о:	о ^ʕ	у	у:	у ^ʕ
е	е:	е ^ʕ	и	и:	и ^ʕ	ö	ö:	ö ^ʕ	ü	ü:	ü ^ʕ

В систему гласных тувинского языка входят восемь нормальных гласных — а, е, у, и, о, ö, у, ü, восемь долгих — а:, е:, у:, и:, о:, ö:, у:, ü: и восемь фарингализованных — а^ʕ, е^ʕ, у^ʕ, и^ʕ, о^ʕ, ö^ʕ, у^ʕ, ü^ʕ.

1.2. Долгие гласные главным образом вторичные, например: ауу > а: 'селение'; сүүүг ~ сү:г 'собирающий'.

1.3. Фарингализованные гласные встречаются только в первом слоге, например: а^ʕt 'лошадь', е^ʕt 'мясо', о^ʕt 'трава', сү^ʕk 'груз', дү^ʕс 'полдень'.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный						Лабиальный			
а у о и е и ö ü						а е у и			
а у о и	+				—	о	—		+
е и ö ü	—				+	ö	—		+
						у	—		+
						ü	—		+

Примеры: дуңдуадум 'я услышал', қудугас 'тетрадь', бодуң 'ты сам', туңгу 'борщевник', көгүлдүг 'синеватый', özüм 'росток', сүрүр 'погоняя'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

(p) [f] p ^h	t	t ^h	s	š	[c] č	k	x
b	v	m	(d)	(z)	(ž)	j l r n	(g) γ ŋ

Система согласных состоит из передних (губных) b, p^h, m, (p), из которых p^h является придыхательным вариантом звонкого b, и заимствован-

ных f и v, девяти средних (передне- и среднеязычных) — t, t^h, s, š, ž, j, l, r, n, из которых t^h является придыхательным (к средним относятся также три варианта основных фонем — d, z, ʒ и одна заимствованная фонема c), четырех задних (заднеязычных, фарингальных) — k, x, ɣ, ŋ с вариантом g.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонема m.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b : baš 'голова', bar 'есть, имеется', bir 'один', bo 'этот', bes 'пять';

2.2.2.2. p/b ~ v > b : bar 'есть, имеется', bar- 'идти', beer- ~ ber- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m : men 'я', miŋ 'тысяча', min- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b : bol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v отсутствует.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслaute:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : demir 'железо', keme 'лодка';

2.2.3.2. p ~ b > b : qaby 'его мешок';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p : alyp 'взяв', qar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ s ~ š) ~ s (~ s') > č : ač- ~ až- 'открывать', küč 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/ð > s/z : söz 'слово', köz 'глаз', čüz 'лицо';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č/š : ač- 'открывать', qač- 'убегать', qaš 'бровь', iš 'дело', čuq- 'выходить', us- 'лететь', üš 'три'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > d ~ t^h : dyl 'язык', daš 'камень', day 'гора', dirig 'живой', t^har 'узкий', t^herek 'тополь', t^hanyš 'знакомый', t^hep- 'лягать', tos 'девять';

2.3.2.2. j ~ dj/tj ~ dž/č... > č : čol 'жизненный путь, судьба', čoq 'нет', čer 'земля';

2.3.2.3. s (~ s) ~ h ~ 0 > s : suɣ 'вода', ses 'восемь', süt 'молоко', sen 'ты';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0 : yjaš 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслaute:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > d : adyq 'медведь', adaq 'нижняя часть', adyɣ 'развилаина';

2.3.3.2. s (~ s) ~ l > s : das 'камень', quš 'зима', ešik 'двери'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, q, ɣ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. q ~ g ~ x... > q ~ x : xoɣ 'овца', xoɣuɣan 'пугливый', quɣyl 'красный', qazan 'когда', xar 'снег';

2.4.2.2. k ~ g ~ x'... > x ~ k : xün 'день', x'öl 'озеро', xerek 'нужный', köɣ- 'видеть', kök 'синий'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслaute:

2.4.3.1. ɣ ~ w... > ɣ ~ a : day 'гора', aɣ 'сеть', a:s 'рот';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > \gamma$: $\text{с} \gamma \gamma \sim \text{с} \gamma$: - 'собирать', $\text{с} \gamma$: с 'собрание';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > g$: $\text{deg} \sim \text{de}$: - 'трогать'.

Связанная комплексная изоглосса тувинского языка

1. Вокализм первой группы:

1) восемь соответствующих вторичных долгих;

2) восемь фарингализованных;

3) элементы депалатализации $\text{til} > \text{dyl}$ 'язык'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > p$: per - 'давать', pol - 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: men 'я', $\text{mu}\text{ŋ}$ 'тысяча', min - 'садиться на что-л.';

3) придыхательный p^h .

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c} (\sim s \sim \check{s}) / \check{s} (\sim s) / s (\sim s') > \check{c} \sim \check{z} / \check{s}$: $\text{a}\check{c}$ - $\text{a}\check{z}$ - 'открывать', $\text{k}\check{u}\check{c}$ 'сила', $\text{i}\check{s}$ 'дело';

2) $d \sim t... > d \sim t^h$: dyl 'язык', $\text{da}\gamma$ 'гора', $\text{da}\check{s}$ 'камень', $t^h\text{ar}$ 'узкий', $t^h\text{ep}$ - 'лягать';

3) $j \sim dj/t \sim d\check{z} / \check{c}... > \check{c}$: $\check{c}\text{ol}$ 'дорога', $\check{c}\text{er}$ 'земля';

4) $j \sim d/t \sim z/s... > d$: $\text{ada}\gamma$ 'нога';

5) придыхательный t^h : $t^h\text{ar}$ 'узкий'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x... > x \sim q$: xar 'снег', quzyl 'красный';

2) $k \sim g \sim x'... > x' \sim k$: kö:r - 'видеть', kök 'синий', x'ün 'день';

3) $\gamma \sim w... > \gamma$: $\text{da}\gamma$ 'гора';

4) $k \sim g \sim j... > g$: teg - 'касаться', dirig 'живой'.

Якутская подгруппа

1. Вокализм первой группы:

1) восемь гласных первого типа;

2) восемь соответствующих долгих: qu:s 'девушка', ti:s 'зуб', u: 'вода', ta:s 'камень';

3) наличие дифтонгов ya , ie , uo , üö : uot 'огонь', üös 'желчь', tүүl 'сок', bies 'пять';

4) элементы депалатализации: $\text{til} > \text{tyl}$ 'язык';

5) соответствие $a \sim y > y$: yl - 'брат'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b$: bi:r 'один', bies 'пять', ba:r 'есть, имеется', bier 'давать', buol 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: min 'я', mi:n - 'садиться'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c} (\sim c \sim \check{s}) \sim \check{s} (\sim s \sim s') > s$: as - 'открывать', üs 'три', syq - 'выходить', ti:s 'зуб';

2) $s \sim 0 > 0$: ayys 'восемь', ya - 'доить', u: 'вода';

3) $d \sim t... > t$: tüort 'четыре', tyl 'язык', toγus 'девять';

4) $j \sim dj/tj \sim d\check{z} / \check{c}... > s \sim dj \sim n$: sy:t - 'лежать', suol 'дорога', syl 'год', $\text{dje-} \sim \text{die-}$ 'говорить', nju:r 'лицо', njalbaj- 'расплющиться';

5) $s(\sim z \sim \check{s} \sim \check{z}) > h$: kihi 'человек', quhyl 'красный';

6) $j \sim d/t \sim z/s... > t$: atax 'нога';

7) носовой $\tilde{j}$: aḡax 'рот', iḡe 'мать';

8) отсутствие фонемы $\check{s}$.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x... > x \sim q$: ха:г 'снег', хага 'черный', qu:s 'девушка';

2) $k \sim g \sim x'... > k$: kü:n 'день', kel- 'приходить';

3) $\gamma \sim w... > ya$: tya 'лес', ya 'доить';

4) $k \sim g \sim j... > ie$: tie- 'касаться' (?);

5) $q \sim x... > x$: atax 'нога';

6) $k \sim x'... > x'$: küöx' 'синий'.

Якутский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

а	а:	у	у:	о	о:	и	и:	уа	уо
е	е:	и	и:	ö	ö:	ü	ü:	ие	üö

В систему гласных якутского языка входят восемь нормальных гласных — а, е, у, и, о, ö, у, ü, восемь долгих — а:, е:, у:, и:, о:, ö:, у:, ü: и четыре дифтонга — уа, ие, уо, üö.

1.2. Долгие гласные а:, у:, и:, у:, ü и дифтонги ие, üö, уо встречаются в нестяженных корнях. Долгие же гласные а:, е:, у:, и:, о:, ö:, у:, ü: и дифтонги уа, ие, уо, üö встречаются также и в аффиксах.

1.3. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный						Лабиальный										
		а	у	о	и	уа	уо			а	е	уа	и	е	у	и
а	у	о	и	уа	уо	+	—			о	+	+				
—	+	—	+	—	+	—	+	—	+							

Примеры: tumus 'клюв', taḡys- 'выходить', djonnoḡ 'люди', böḡölör 'волки', tüher- 'уронить', quobaḡ 'заяц', sü:ḡbe 'двадцать', күnten yla 'с того дня', üḡiḡe 'ручей'.

1.4. Соответствие $y \sim a > y$: yl- 'взять'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p	t	s				k	x	h					
b	m	d	dj	nj	lj	ḡ	j	l	r	n	g	γ	ḡ

Система согласных состоит из трех передних (губных) — р, б, м,

11 средних (передне- и средняязычных) — t, d, s, dj, nj, j, lj, j, l, r, n, шести задних (задняязычных, увулярных, фарингальных) — k, g, x, ɣ, h, ɲ,

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонема m.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b : bi:r 'один', bies 'пять', bas 'голова', ba:r 'есть, имеется', bu 'этот';

2.2.2.2. p/b ~ v > b : ba:r 'есть, имеется', bar- 'идти', bier- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m : min 'я', mi:n- 'садиться на что-л., ехать верхом';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b : buol- 'быть';

2.2.2.5. придыхательный p^h.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : timir 'железо';

2.2.3.2. p ~ b > b : aba 'его колдовство';

2.2.3.3. p ~ b ~ f > p : ap 'колдовство'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (~ c ~ š) ~ s (~ s') > s : as- 'открывать', üs 'три', küs 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/ð > s : qu:s 'девушка', ta:s 'камень';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > s : as- 'открывать', üös 'желчь', ха:s 'бровь', ti:s 'зуб', üs 'три'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > t, реже d : tojon 'господин', tuol- 'наполняться', tyl 'язык', tüört 'четыре', toγus 'девять';

2.3.2.2. j ~ dj/tj ~ dž/č... > s (реже dj ~ nj) : suol 'дорога', syl 'год', dj-уа ~ njма 'средство', nju:r 'лицо', sette 'семь', syt- 'лежать';

2.3.2.3. s (~ š) ~ h ~ 0 > 0 : u: 'вода', aγus 'восемь';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0 : aγas 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > t : atax 'нога';

2.3.3.2. š (~ s) ~ l > s : ta:s 'камень', qu:s 'зима'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g, ɣ, x.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. q ~ g ~ x... > x ~ q : xoј 'овца', ха:г 'снег', хага 'черный', хаја 'который', реже q : qu:s 'девушка', quhul 'красный';

2.4.2.2. k ~ g ~ x'... > k : kün 'день', kömüs 'серебро', küöx 'синий', kö-видеть', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. ɣ ~ w... > ya : tua (< taγ) 'лес', ya- 'доить' (< saγ) sya 'жир';

2.4.3.2. ɣ ~ j... > 0 : sy:- 'собирать';

2.4.3.3. k ~ g ~ j... : ty:t- 'касаться'.

Хакасская подгруппа

1. Вокализм первой (~ второй) группы:

1) восемь гласных первого типа + i редуцированный $\text{p}i\text{s}$ 'мы', $\text{p}i\text{s}$ 'пять';

2) наличие восьми соответствующих долгих гласных;

3) вибрация соответствий: $e \sim i$, $o \sim u$, $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ по диалектам.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \dots > p$: $\text{p}e\text{r}$ - 'давать', $\text{p}o\text{l}$ - 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: $\text{m}e\text{n} \sim \text{m}i\text{n}$ 'я', $\text{m}u\text{q} \sim \text{m}u\text{q}$ 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

1) $j \sim \text{dj}/\text{tj} \sim \text{d}\check{z}/\check{c} \dots > \check{c}$: $\check{c}o\text{l}$ 'дорога', $\check{c}e\text{r}$ 'земля';

2) $j \sim \text{d}/\text{t} \sim \text{z}/\text{s} \dots > \text{z}/\text{s}$: $\text{a}z\text{a}q$ 'нога', $\text{kis-} \sim \text{kes-}$ 'надевать';

3) $\check{c} (\sim c) / \check{s} \sim \check{s} / s \sim s > \check{c} (\sim s) / \check{s} \sim s$: $\text{a}\check{c}$ - $\sim \text{as}$ - 'открывать', $\text{i}\check{s} \sim \text{i}\check{s}$ 'дело'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > q \sim x$: $\text{q}o\text{l} \sim \text{x}o\text{l} \sim \text{x}u\text{l}$ 'рука', $\text{q}a\text{n} \sim \text{x}a\text{n}$ 'кровь';

2) $k \sim g \sim x' \dots > k$: $\text{k}e\text{l}$ - 'приходить', $\text{k}\ddot{o}\text{l}$ 'озеро';

3) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: $\text{ta}\gamma$ 'гора';

4) $k \sim g \sim j \dots > g \sim j$: $\text{te}g$ - $\sim \text{ti}g$ - $\sim \text{ti}j$ - 'касаться'.

К хакасской подгруппе относятся языки хакасский, шорский, чулымский, камасинский (диалект).

Хакасский язык

1. Вокализм первой ~ второй группы + i

1.1. Состав гласных:

а а:	у у:	о о:	у у:
е е:	і і:	і і:	і і:
		ö ö:	ü ü:

В систему гласных хакасского языка входят восемь нормальных гласных — а, е, у, і, о, ö, у, ü, гласный средней длительности і и восемь долгих гласных — а:, е:, у:, і:, о:, ö:, у:, ü:.

1.2. Долгие гласные в хакасском языке вторичного образования, т.е. представляют собой результат стяжения гласного или двух гласных и согласного. Кроме долгого гласного і: и краткого і имеется гласный і средней длительности, который в первом слоге (в корнях) хакасских слов соответствует гласному е других тюркских языков. Долгий же гласный і: является вторичным, т.е. также представляет собой результат стяжения гласных и согласного.

1.3. Система гласных хакасского языка занимает среднее место между болгарской и огузо-уйгурской системами, т.е. характеризуется только замещением в первом слоге коренных слов гласного е гласными і (kil-vm. $\text{k}e\text{l}$ - 'приходить') в то время как в болгарской системе замещается не только $e > i$, но и $o > u$ ($\text{q}u\text{l}$ 'рука' vm. $\text{q}o\text{l}$) и $\ddot{o} > \ddot{u}$ ($\text{k}\ddot{u}\text{l}$ 'озеро' vm. $\text{k}\ddot{o}\text{l}$).

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный в хакасском языке характеризуется следующими схемами.

2.3.2.2. $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > \check{c}$: $\check{c}ol$ 'дорога', $\check{c}iti$ 'семь', $\check{c}ir$ 'земля', $\check{c}yl$ 'год', $\check{c}ox$ 'нет';

2.3.2.3. $s(\sim s) \sim h \sim 0 > s$: $su\gamma$ 'вода', $sigis$ 'восемь', $soox$ 'холод';

2.3.2.4. Соответственно $j \sim 0 > 0$: $a\gamma as$ 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim z/s \dots > z/s$: $azax$ 'нога', $m\ddot{u}z\ddot{u}k \sim p\ddot{o}z\ddot{u}k$ 'высокий', $azyx$ 'медведь', $azy\gamma$ 'развила', kis 'надевать';

2.3.3.2. $\check{s}(\sim s) \sim l > s$: tas 'камень';

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами x , g , γ .

2.4.2. Соответствия в инлауте:

2.4.2.1. $q \sim g \sim x \dots > x$: xoj 'овца', $xara$ 'черный', xar 'снег', $xajday$ 'какой', xus 'девушка';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x \dots > k$: $k\ddot{o}nek$ 'ведро', $k\ddot{u}zi$ 'человек', $k\ddot{u}s$ 'сила', $k\ddot{u}l$ 'смеяться', $k\ddot{o}k$ 'синий', $k\ddot{o}r$ 'видеть', kil 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w \dots > \gamma$: $ta\gamma$ 'гора', $xu\gamma u\gamma$ 'сухой', $xajday$ 'какой';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > \gamma$: $\check{c}u\gamma$ 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > g$: tig 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса хакасского языка

1. Вокализм первой ($\sim$ второй) группы + i

1) восемь гласных первого типа + i редуцированный;

2) восемь соответствующих вторичных долгих;

3) гласный i — субститут e в корневых морфемах: kil в м. kel 'приходить';

4) колебание по диалектам гласных $o \sim u$: xol ($\sim xul$) 'рука' и $\ddot{o} \sim \ddot{u}$ $\ddot{o}l \sim \ddot{u}l$ 'мокрый' при господстве o и $\ddot{o}$.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > p$: $p\ddot{u}r$ 'давать', $p\ddot{o}l$ 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: min 'я', min 'садиться', $tu\gamma$ 'тысяча'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > s$: as 'открывать', tas 'камень', is 'дело'; pis 'пять', $su\gamma$ 'выходить';

2) $d \sim t > t$: til 'язык', $t\ddot{o}rt$ 'четыре';

3) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > \check{c}$: $\check{c}ol$ 'дорога', $\check{c}ir$ 'земля';

4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > z \sim s$: $azax$ 'нога', kis 'надевать'.

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \check{g} \sim x \dots > x$: xol ($\sim xul$) 'рука', xap 'кровь';

2) $k \sim g \sim x \dots > k$: $k\ddot{o}l$ 'озеро', kil 'приходить';

3) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: $ta\gamma$ 'гора';

4) $k \sim g \sim j \dots > g$: tig 'касаться'.

Шорский язык

1. Вокализм первой (~ второй) группы.

1.1. Состав гласных:

a	a:	y	y:		o	o:	u	u:
e	e:	i	i:		ö	ö:	ü	ü:

В систему гласных шорского языка входит восемь нормальных — а, е, у, i, o, ö, u, ü и восемь долгих гласных — а:, е:, у:, i:, o:, ö:, u:, ü:.

1.2. Долгие гласные вторичного образования.

1.3. В мрасском диалекте шорского языка встречаются соответствия $e > i$ (kil- ~ kel- 'приходить') и реже $o > u$ и $ö > ü$.

1.4. Сингармонизм палатальный и лабиальный характеризуется следующими схемами.

Палатальный				Лабиальный			
a y o u				e i ö ü			
a	y	o	u	+		-	
e	i	ö	ü	-		+	

Лабиальный				Палатальный			
a e y i				a y o u			
o	-		+				
ö	-		+				
u	-		+				
ü	-		+				

Примеры: tegelek 'колесо', kirbik 'ресница', tigen 'ель', inge 'иголка', qarbaq 'удочка', ŧyuyt 'выход', čaryq 'щель', ručaq 'нож', qortu 'налим', qoča 'льдинка', köbük 'пена', örték 'утка', qulun 'жеребенок', qulaq 'ухо', ügü 'филин', čürek 'сердце', köbüktüg 'с пеной'.

Лабиальная аттракция в отношении узких гласных более характерна для первых слогов, при наращении же аффиксов лабиализация ослабевает.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]		t	s	š	č		k (q)	x
(b) [v]	m	(d)	(z)	(ž)	(dž)	j l r n	(g)	γ ɲ

Система согласных состоит из передних (губных) p, m с вариантом b и заимствованными фонемами f, v, восемью средними (зубных, передне- и среднеязычных) — t, s, š, č, j, l, r, n с вариантами d, z, ž, dž, трех задних (заднеязычных, увулярных, фарингальных) — k, γ, ɲ с вариантами g, q и заимствованной x.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы m и p.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. $p \sim b > p$: pas 'голова', pič 'один', peš 'пять', po 'этот', poč 'быть';

2.2.2.2. $p/b \sim v > p$: par 'есть, имеется', par- 'идти', reg- 'давать';
2.2.2.3. $p/b \sim m > m$: men $\sim$ min 'я', min 'тысяча', min- 'садиться на что-л.';

2.2.2.4. $p/b \sim 0 > p$: pol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v отсутствует.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. $m \sim b \sim v/w > m$: temir 'железо', keme 'лодка';

2.2.3.2. $p \sim b > b$: qaby 'его мешок';

2.2.3.3. $p \sim b \sim f > p$: qar 'мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c}(c \sim \check{s}) \sim s(s') > \check{s} \sim \check{c}$: aš- 'открывать', üš 'три', küš 'сила', qa-
šan 'когда', soq 'нет';

2.3.1.2. $s/z \sim \theta/\delta > s$: qys 'девушка', sös 'слово';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s$: čürek 'сердце', čer 'земля', qač- 'бежать',
čol 'дорога', šuq- 'выходить', ayaš 'дерево', küš 'сила', üš 'три', reš 'пять',
saqšu 'хорошо', quš 'зима'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$: til 'язык', taγ 'гора', tört 'четыре', toγus 'девять';

2.3.2.2. $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > \check{c}$: čol 'дорога', četti 'семь', čer 'земля', čyl
'год', čoq 'нет';

2.3.2.3. $s(\check{s}) \sim h \sim 0 > s$: suγ 'вода';

2.3.2.4. $j \sim 0 > 0$: ayaš 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim s/z... > j \sim z/s$ по диалектам: конд. kij- $\sim$ мрас. kes- 'на-
девать', pijik $\sim$ мрас. mözük 'высокий';

2.3.3.2. $s(s) \sim l > \check{s}$: taš 'камень', quš 'зима'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами g , q , γ .

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim g \sim x... > q$: qoj 'овца', qaqa 'черный', qar 'снег', qajdu 'ка-
кой', qys 'девушка';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x'... > k$: kes- $\sim$ kij- 'надевать', köbük 'пена', küš 'сила',
küs 'осень', köl 'озеро', kel- 'приходить', kör- 'видеть', kök 'синий'.

2.4.3. В инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w... > \gamma$: taγ 'гора', azygaγ 'корм', čaduγ 'жизнь';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > \gamma$: čuγ- 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j... > g \sim j$: üj 'дом'.

Связанная комплексная изоглосса шорского языка

1. Вокализм первой ($\sim$ второй) группы:

- 1) восемь гласных первого типа, в мрасском диалекте — второго типа;
- 2) восемь соответствующих долгих гласных вторичного образования;
- 3) соответствие $e > i$, $o > u$, $ö > ü$ в мрасском диалекте.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > p$: reg- 'давать', pol- 'быть';

2) $p \sim b \sim m > m$: men $\sim$ min 'я', min 'тысяча', min- 'садиться на что-л.'

2.2. Средние согласные:

- 1) $\check{c}(\sim c)/\check{s}(\sim s) \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s$: ас 'открывать', іш 'дело', күш 'сила', үс 'три', тас 'камень', суq- 'выходить';
- 2) $d \sim t > t$: тил 'язык', төрт 'четыре';
- 3) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c}... > \check{c}$: çol 'дорога', çer 'земля';
- 4) $j \sim d/t \sim z/s... > j \sim z/s$: мрас. azaq 'нога', конд. ајаq, мрас. kes- 'надевать', конд. kij-, мрас. qozan ~ конд. qojan 'заяц', quzuruq ~ qoıruq 'хвост'.

2.3. Задние согласные:

- 1) $q \sim \acute{g} \sim x... > q$: qol 'рука', qan 'кровь';
- 2) $k \sim g \sim x'... > k$: köl 'озеро', kel- 'приходить';
- 3) $\gamma \sim w... : ta\gamma$ 'гора';
- 4) $k \sim g \sim j... : tij-$ 'касаться', üj 'дом'.

Чулымский язык

1. Вокализм первой группы + ä.

1.1. Состав гласных:

а а:	у у:	о о:	и и:
е е: (ä) (ä:)	і і:	ө ө:	ү ү:

В систему гласных чулымского языка входит восемь нормальных гласных — а, е, у, і, о, ө, и, ү с вариантом — передним ä и восемь долгих гласных — а:, е:, у:, і:, о:, ө:, и:, ү: с вариантом гласного е: — а:.

1.2. Долгие гласные главным образом вторичные, представляющие собой стяжение с интервокальным, чаще всего γ , g, j, d.

1.3. Гласные ä, ä: в чулымском языке не противопоставлены гласным а, а: по ряду, но встречаются в отдельных словах чаще во втором и последующих слогах, а также на месте стяжения интервокальных согласных.

1.4. Сингармонизм в чулымском языке характеризуется следующими схемами.

Палатальный				Лабильный			
а	у	о	и	е	і	ө	ү
а	у	о	и	е	і	ө	ү
	+		—	о	—	+	
е	і	ө	ү	ө	—	+	
	—		+	и	—	+	
				ү		+	

Примеры: pildin 'ты понял, узнал', ajttym 'я сказал', ottuq 'кресало', otus ~ odus 'тридцать', qozan ~ qojan 'заяц', күsküç 'зеркало', sulu 'овес', qujruq ~ quzruq 'хвост', quzuq 'орех', ününü 'его голос' (вин. п.), süjök 'кость', süjel 'бородавка', özüм 'я сам'.

При сочетании двух и более слов и при их стяжении палатальная и лабиальная гармония нарушается.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t s š c č	k (q) [x]
(b) [v] m	(d) (z) (ž) j l r n	(g) γ ŋ

Система согласных чулымского языка состоит из двух передних (губных) — p, m с вариантом b и двух заимствованных — f, v, восьми средних — t, s, š, č(c), j, l, r, n с тремя вариантами — d, z, ž и трех задних — k, γ, ŋ с вариантами g, q и заимствованной фонемой x.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы b, m, p.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > p : pala 'ребенок', parsaq 'барсук', rušaγ 'нож', pol- 'быть', peš 'пять';

2.2.2.2. p/b ~ v > p : paγ 'есть, имеется', paγ- 'идти', peγ- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m : mān 'я', möγü 'волк', tuγ 'тысяча';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > p : pol- 'быть';

2.2.2.5. "протетический" v отсутствует.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > b : tebir 'железо', keme 'лодка';

2.2.3.2. p ~ b > b : qaby 'его мешок'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č(c ~ š) ~ s(s') > č ~ c : čyq- ~ cyq- 'выходить', ač- ~ ac- 'открывать', ič- ~ ic- 'пить', üč ~ üc 'три', čočqa ~ sosqa 'свинья';

2.3.1.2. s/z ~ θ/δ > s/z : qyzyl 'красный', sös 'слово';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č (~ c)/š : čyq- (~ cyq-) 'выходить', ač- (ac-) 'открывать', qyš 'зима', quš 'птица', peš 'пять'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > t : til 'язык', tört 'четыре', toqson 'девятисто', tuγ 'затвор для ловли рыбы';

2.3.2.2. j ~ tj/dj ~ dž/č... > č ~ tj ~ j : jat- ~ čat- 'лежать', jet- ~ čet- 'достигать', jer ~ čer 'земля', čaqšy ~ jaqšy ~ tjaqšy 'хороший', jedi ~ čedi 'семь', či- 'есть';

2.3.2.3. s(š) ~ h ~ 0 > s : suγ 'вода', segis 'восемь';

2.3.2.4. j ~ 0 > 0 : aγač ~ aγaš 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ z/s... > z/s : azaq ~ ajaq 'нога', qozan ~ qojan 'заяц', qa-γyγ ~ qajyγ 'береза', quzyruq ~ qujruq 'хвост', asqyγ ~ ajuγ 'жеребец';

2.3.3.2. š(s) ~ l > š(ž) : qyš 'зима', taš 'камень', peš 'пять', ežik 'двери'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \dot{g} \sim x \dots > q$: quš 'птица', qaqa 'черный', quzyl 'красный', qys 'девушка', qar 'снег';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x' \dots > k$: käs- ~ kes- 'резать', kög- 'видеть', kel- 'приходить', köjgel- 'гореть', küsküč 'зеркало', kiži ~ giži 'женщина'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taγ 'гора', suγ 'вода', ajuγ 'медведь', tuγ 'затоп для ловли рыбы', uluγ 'большой', aγ 'невод, бредень';

2.4.3.2. $\gamma \sim j \dots > \gamma$: čuγ- 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j \dots > g$: üg 'изба', teg- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса чулымского языка

1. Вокализм первой группы + ä.

1) восемь гласных первого типа + ä, встречающийся окказионально;

2) наличие соответствующих долгих вторичного образования.

3) наличие дифтонгов: küök 'кукушка', siek 'овод'.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > p$: per- 'давать', pol- 'быть';

2) $p/b \sim m > m$: män 'я', муn, 'тысяча', möü 'волк';

3) $m \sim b \sim w > b \sim m$: tebir 'железо', но keme 'лодка'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}(\sim c) \sim \check{s}(\sim s) > \check{c}(\sim c) \sim s$: äc- (~ ac-) 'открывать', ič (~ ic) 'пить', iš 'дело', quš 'зима';

2) $d \sim t > t$: til 'язык', tört 'четыре';

3) $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > \check{c} \sim tj \sim j$: čat- ~ tјat- 'лежать', čol ~ jol 'дорога', čaqšy ~ tјaqšy ~ jaqšy 'хорошо';

4) $j \sim d/t \sim z/s \dots > z/s$: azaq 'нога', asqγ (~ ajuγ) 'жеребец';

2.3. Задние согласные:

1) $q \sim \dot{g} \sim x \dots > q$: qol 'рука', qan 'кровь';

2) $k \sim g \sim x' \dots > k$: köl 'озеро', kel- 'приходить';

3) $\gamma \sim w \dots > \gamma$: taγ 'гора', suγ 'вода';

4) $k \sim g \sim j \dots > g$: teg- 'касаться'.

2. КИРГИЗСКО-КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА

Киргизско-кыпчакская группа (южный ареал) характеризуется следующей связанной комплексной полиизоглоссой.

1. Вокализм первой группы:

1) восемь гласных первого типа;

2) шесть долгих: а:, е:, о:, ö:, u:, ü:;

3) последовательная губная гармония кроме u – а и ü – е.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b \sim p$: ber- ~ per- 'давать', bol- ~ pol- 'быть'.

2.2. Средние согласные:

1) $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s \dots > \check{c}/\check{s}$: ac- 'открывать', iš 'дело';

2) $j \sim tj/dj \sim d\check{z}/\check{c} \dots > tj/dj \sim d\check{z}$: dčol ~ djol 'дорога', djer/tjer ~ džer 'земля';

3) $d \sim t > t$: til 'язык', tört 'четыре';

4) $j \sim 0 \dots > d\check{z} \sim dj : d\check{z}y\gamma a\check{s} \sim dju\gamma a\check{s}$ 'дереву'.

2.3. Задние согласные:

1) $\gamma \sim w \dots > o: \sim u: : to: \sim tu:$ 'гора', $su:$ 'вода';

2) $k \sim g \sim j \dots > \ddot{o}: \sim \ddot{u}: - t\ddot{o}:$ 'верблюду'.

К киргизско-кыпчакской группе относятся киргизский и алтайский языки.

Киргизский язык

1. Вокализм первой группы

1.1. Состав гласных:

а	а:	у		о	о:	у	у:
е	е:	і		ө	ө:	ү	ү:

В систему гласных киргизского языка входит восемь нормальных — а, е, у, і, о, ө, у, ү и шесть соответствующих долгих гласных — а:, е:, о:, ө:, у:, ү:.

1.2. Долгие гласные в киргизском языке вторичного образования.

1.3. В южном диалекте киргизского языка встречается, главным образом в заимствованных словах, фонема ä.

1.4. Сингармонизм киргизского языка характеризуется следующими схемами.

Палатальный				Лабииальный			
а у о u				а е у і			
а у о u	+		—	о	+		+
е і ө ү	—		+	ө	+		+
				у	—		+
				ү			+

Примеры: $d\check{z}ynajlaq$ 'босой', $kelmegen$ 'не приходивший', $d\check{z}etimi\check{s}$ 'семьдесят', $d\check{z}azyldy$ 'было записано', $bo\check{s}ottur-$ 'заставить освободить', $d\ddot{o}ng\ddot{o}-l\ddot{o}k$ 'колесо', $to\gamma oloq$ 'круглый', $b\ddot{u}t\ddot{u}n$ 'целый', $d\ddot{u}n\ddot{u}j\ddot{o}$ 'мир'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

(p) [f]		t	s	š	č		k	(q) [x]
b	[v]	m		d	z	[ž]	dž	j r l n
				(g)			γ	η

Система согласных состоит из передних (губных) b, m с вариантом p и заимствованными фонемами f, v, ll средних (передне- и среднеязычных) — t, d, s, š, z, dž, č, j, l, r, n и заимствованной фонемы ž, двух задних (заднеязычных, увулярных, фарингальных) — k, η с тремя вариантами — g, γ, q и заимствованной x.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы *m* и *b* с вариантом *p*.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. $p \sim b > b$: *baš* 'голова', *beš* 'пять', *bögü* 'волк', *bir* 'один', *bul* ~ *bu* 'этот';

2.2.2.2. $p/b \sim v > b$: *bar* 'есть, имеется', *bar-* 'идти', *ber-* 'давать';

2.2.2.3. $p/b \sim m > m$: *men* 'я', *min-* 'садиться на что-л.', *min* 'тысяча';

2.2.2.4. $p/b \sim 0$ в некоторых словах $> b$: *bol-* 'быть'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. $m \sim b \sim v/w > m$: *temir* 'железо'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. $\check{c}(\sim c \sim \check{s}) \sim s(\sim s') > \check{c}$: *ač-* 'открывать', *üč* 'три', *küč* 'сила', *keč-* 'переправляться, переезжать', *čyq-* 'выходить';

2.3.1.2. $s/z \sim \theta/\delta > s/z$: *qyz* 'девушка', *söz* 'слово';

2.3.1.3. $\check{c}/\check{s} \sim \check{s}/s > \check{c}/\check{s}$: *ač-* 'открывать', *üč* 'три', *čyq-* 'выходить', *beš* 'пять', *taš* 'камень', *šol* 'тот самый'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. $d \sim t > t$: *til* 'язык', *to:* 'гора', *tört* 'четыре';

2.3.2.2. $j \sim dj/tj \sim d\check{z}/č... > d\check{z}$: *džol* 'дорога', *džeti* 'семь', *džer* 'земля', *džyl* 'год', *džoq* 'нет';

2.3.2.3. $s(\sim \check{s}) \sim h \sim 0 > s$: *suu* 'вода', *segiz* 'восемь', *so:q* 'холод';

2.3.2.4. $j \sim 0 > j \sim d\check{z}$: *džyqač* 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. $j \sim d/t \sim s/z... > j$: *ajaq* 'нога', *aju:* 'медведь', *kij-* 'надевать', *bijik* 'высокий';

2.3.3.2. $\check{s}(\sim s) \sim l > \check{s}$: *taš* 'камень', *quš* 'зима', *ešik* 'двери'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема *k* с вариантами *q*, *g*, *γ*.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. $q \sim \check{g} \sim x... > q$: *qoj* 'овца', *qara* 'черный', *qar* 'снег', *qandaj* 'какой', *qajsy* 'который';

2.4.2.2. $k \sim g \sim x'... > k$: *köpek* 'собака', *kiši* 'человек', *küč* 'сила', *kül-* 'смеяться', *kök* 'синий', *kör-* 'видеть', *kel-* 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. $\gamma \sim w... > o:$: *to:* 'гора';

2.4.3.2. $\gamma \sim j... > j$: *džuj-* 'собирать';

2.4.3.3. $k \sim g \sim j > j$: *tij-* 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса киргизского языка

1. Вокализм первой группы:

1) восемь гласных первой группы;

2) шесть долгих гласных вторичного образования: *a:*, *e:*, *o:*, *ö:*, *u:*, *ü:*;

3) последовательно выражена палатальная и лабиальная аттракция.

2. Консонантизм.

2.1. Передние согласные:

1) $p \sim b \sim v \sim 0 > b(\sim p)$: *ber-* 'давать', *bol-* 'быть';

2) p/b ~ m > m : men 'я', min 'тысяча', min- 'садиться'.

2.2. Средние согласные:

1) č/š ~ š/s > č/š : ač 'открывать', iš 'дело';

2) j ~ tj/dj ~ dž/č > dz : džol 'дорога', džer 'земля';

3) d ~ t > t : til 'язык', tört 'четыре';

4) j ~ d/t ~ z/s > j : ajaq 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) q ~ g ~ x... > q : qol 'рука', qan 'кровь';

2) k ~ g ~ x'... > k : köl 'озеро', kel- 'приходить';

3) γ ~ w > o : ~ u : ... : to : 'гора';

4) k ~ g ~ j... > j : tij- 'касаться'.

Алтайский язык

1. Вокализм первой группы.

1.1. Состав гласных:

a a: y y:	o o: u u:
e e: i i:	ö ö: ü ü:

В систему гласных алтайского языка входит: восемь гласных нормальных — а, е, у, и, о, ö, u, ü и восемь долгих — а:, е:, у:, и:, о:, ö:, u:, ü:.

1.2. Долгие гласные в алтайском языке вторичного образования.

1.3. В северных диалектах алтайского языка вокализм булгарского характера: е > и; о > u; ö > ü (pik в м. рек 'крепкий', sibiz в м. semiz 'жирный', ul в м. ol 'он', pürük в м. bögük 'шапка'.

1.4. Сингармонизм (южных диалектов и литературного языка) характеризуется следующими схемами.

Палатальный				Лабиальный			
a	y	o	u	e	i	ö	ü
a	y	o	u	+	—	+	—
e	i	ö	ü	—	+	—	+

Примеры: tajyadaγy 'находящийся в тайге', terekteribiste 'на наших тополях', bolboyondor 'они не были', ölbögöndör 'неумиравшие', toγus 'девять', böruk 'шапка', bulut 'облако', tülkü 'лиса'.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных:

p [f]	t	s	š [c]	č	tj	k (q) [x]		
(b) [v] m	(d) (z) (ž)		(dj) j	l	r	n	(g) γ	ŋ

Система согласных состоит из передних (губных) p, m с вариантом b и заимствованными f, v, девяти средних (зубных, передне- и среднеязычных) — t, s, š, č, tj, j, l, r, n с вариантами d, z, ž, dj и заимствованной c и трех задних (заднеязычных, увулярных, фарингальных) — k, γ, ŋ с вариантами g, q и заимствованной x.

2.2. Передние согласные.

2.2.1. Во всех позициях:

2.2.1.1. фонемы p и m с вариантом b.

2.2.2. Соответствия в анлауте:

2.2.2.1. p ~ b > b : baš 'голова', beš 'пять', böri 'волк', bir 'один', bu 'этот', в диалектах чаще b > p;

2.2.2.2. p/b ~ v > b : bar 'есть, имеется', bar- 'идти', ber- 'давать';

2.2.2.3. p/b ~ m > m : men 'я', min- 'садиться на что-л.', muq 'тысяча';

2.2.2.4. p/b ~ 0 > b : bol- 'быть'.

2.2.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.2.3.1. m ~ b ~ v/w > m : temir 'железо';

2.2.3.2. Озвончение интервокальных p, t, s, š, k : qabu 'его мешок', ady 'его лошадь', quzy 'его девушка', kiži 'человек'.

2.3. Средние согласные.

2.3.1. Во всех позициях:

2.3.1.1. č (c ~ š) ~ s(s') > č : ač- 'открывать', üç 'три', küč 'сила';

2.3.1.2. s/z ~ θ/δ > s/z : qys (quzy) 'девушка', sös (sözi) 'слово';

2.3.1.3. č/š ~ š/s > č/š : ač- 'открывать', üç 'три', čuq- 'входить', beš 'пять', taš 'камень'.

2.3.2. Соответствия в анлауте:

2.3.2.1. d ~ t > t : til 'язык', tu- 'гора', tört 'четыре';

2.3.2.2. j ~ dj/tj ~ dž/č... > dj/tj : djol/tjol 'дорога', djeti/tjeti 'семь', djer/tjer 'земля', djyl/tjyl 'год', djoq/tjoq 'нет';

2.3.2.3. s(s) ~ h ~ 0 > s : su- 'вода', segis 'восемь', so:q 'холод';

2.3.2.4. j ~ 0 > dj/tj : djuγač 'дерево'.

2.3.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.3.3.1. j ~ d/t ~ s/z... > j : ajaq 'нога', ajur 'развилка', bijik 'высокий';

2.3.3.2. š(s) ~ l > š : taš 'камень', quš 'зима', ešik 'двери'.

2.4. Задние согласные.

2.4.1. Во всех позициях:

2.4.1.1. фонема k с вариантами q, g, γ.

2.4.2. Соответствия в анлауте:

2.4.2.1. q ~ ġ ~ x... > q : qoġ 'овца', qaġa 'черный', qazy 'который';

2.4.2.2. k ~ g ~ x'... > k : köpök 'собака', kiži 'человек', küč 'сила', kül- 'смеяться', kök 'синий', kör 'видеть', kel- 'приходить'.

2.4.3. Соответствия в инлауте и ауслауте:

2.4.3.1. γ ~ w... > u : tu- 'гора';

2.4.3.2. γ ~ j... > j : djy- 'собирать';

2.4.3.3. k ~ g ~ j > j : tij- ~ tii- 'касаться'.

Связанная комплексная изоглосса алтайского языка

1. Вокализм первой группы:

1) восемь гласных первой группы;

2) восемь соответствующих долгих гласных вторичного образования;

3) последовательно выраженная губная аттракция.

2. Консонантизм:

1) Доминирующие глухие согласные в начале и конце слов и озвончение их в интервокальной позиции.

2.1. Передние согласные:

1) p ~ b ~ v ~ 0 > p ~ b : ber- ~ per- 'давать', pol- ~ bol- 'быть';

2) p/b ~ m > m : men 'я', muq 'тысяча', min- 'садиться'.

2.2. Средние согласные:

1) č/š ~ š/s > č/š : ač- 'открывать', iš 'дело';

2) j ~ dj/tj ~ dž/č... > dj/tj : djol ~ tjol 'дорога', djer ~ tjer 'земля, место';

3) d ~ t > t : til 'язык', tört 'четыре';

4) j ~ d/t ~ z/s... > j : ajaq 'нога'.

2.3. Задние согласные:

1) q ~ ġ ~ x > q : qol 'рука', qaġ 'кровь';

2) k ~ g ~ x'... > k : köġ 'озеро', kel- 'приходить';

3) γ ~ w ~ oo ~ uu... > u : tu- 'гора';

4) k ~ g ~ j ~ ii... > i : ti- 'касаться'.

Таким образом, все тюркские языки составляют определенные типы (группы), подтипы (подгруппы) и модели (конкретные языки) по своей фонетической ~ фонологической структуре, которая в какой-то своей части является общей для всех тюркских языков, в другой своей части образует определенные типы языков (булгарский, огузский, кыпчакский, карлукский, уйгуро-огузский, киргизско-кыпчакский) и, наконец, в некоторой своей части образует определенные подтипы и модели конкретных языков. Различия же в фонологической структуре отдельных типов, подтипов и моделей, как уже было показано выше, образовались в результате определенной исторической, родоплеменной консолидации народов и языков, с одной стороны, и взаимовлияния с субстратными и адстратными неродственными языками — с другой.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА,
СЛОГА И УДАРЕНИЕ

Общая характеристика типов и моделей фонологической структуры современных тюркских языков не была бы полной без объединяющей их в своих общих чертах характеристики конструктивного строения слов и слога, а также сопровождающего каждое слово и каждое высказывание, ударения в слове и во фразе. При некоторых различиях самих фонологических типов и моделей конкретных тюркских языков, их особенностей вокализма и консонантизма общими являются архитекtonика самого слова и его конструктивных элементов — слогов, а также, с некоторыми незначительными вариациями в частных деталях, и словесное и фразовое ударение.

Как уже было отмечено выше, композиция тюркского слова исторически сложилась из основных конструктивных его элементов — СГС, представляющих собой первоначально самостоятельные корневые морфемы с реальным вещественным значением, которые в процессе формирования современного агглютинативного строя слагались в более сложные комплексы с постпозиционными элементами — морфемами постепенно грамматикализовавшимися и превратившимися в аффиксы; в связи с этим образовались и различных по своей структуре слоги сложного слова, характеризующиеся утратой либо анлаутного (С) ГС или ауслаутного СГ (С) консонанта, либо утратой того и другого (С) Г (С).

В более поздний период структура слова осложнилась дополнительными элементами. Образовались новые по своей структуре слоги СГСС и (С) ГСС.

Процессы эти сопровождались также и изменениями дистрибуции слабых и сильных слогов слова, а следовательно, и изменениями экспираторного ударения в сложном слове. Если первоначально ударение падало на первый слог сложного слова, которое было изоморфно современному словосочетанию, то вместе с усложнением и превращением слова в многосложный комплекс, состоящий из трех и более слогов, ударение перемещалось на постпозиционные слоги и, как правило, на последний слог, определяющий границу слова в потоке речи.

Все эти процессы были по существу однотипны для всех тюркских языков, которые в современном своем виде, как уже было указано выше, характеризуются в отношении своей слоговой структуры, а также словесного и фразового ударения относительно общими чертами.

Структура тюркского слова прежде всего характеризуется односложностью и трехзвучием его корневой морфемы. Статистика показывает, что подавляющее количество корней в тюркских языках состоит из закрытого слова (начального согласного, среднего гласного и конечного согласного — СГС). Эта структура корня является типичной для тюркских языков, хотя в них существуют и другие типы корней: Г, СГ, ГСС, СГСС.

Развитие фонологической структуры слова было связано с закономерностями, определяющими состав и характер фонем анлаута и ауслаута. Первоначально сочетание различных по ряду корневых и постпозиционных, постепенно грамматикализовавшихся, морфем выравнивалось по ряду первой корневой морфемы как в отношении палатального, так и в отношении лабиального сингармонизма.

Консонантизм анлаута в первые периоды своего развития был ограничен определенным составом согласных, исключающих с некоторыми вариантами для конкретных языков, сонорные согласные и отчасти звонкие шумные. В анлауте и инлауте из сочетаний некоторых слабых согласных и гласных образовались долгие гласные, а на границе морфем — долгие согласные (геминаты). В анлауте и ауслауте слова были характерны глухие согласные и только позже с развитием структуры слова, а также под влиянием экстралингвистических факторов для различения значений слов появились некоторые звонкие шумные согласные. Позже на границах между морфемами сложного слова (сандхи) установились для некоторых языков позиционные чередования согласных *n/d/t*, *m/b/p* и др.

Сочетание ранее самостоятельных корневых слов, утративших свое реальное значение и превратившихся в показатели тех или иных грамматических отношений, было обусловлено синтаксическими отношениями компонентов, составляющих слово. Элементы, стоящие в препозиции по отношению к последующим, синтаксическим соответствовали определяющим, а стоящие в постпозиции — определяемым членам словосочетаний. Последние имели всегда более абстрактное значение по отношению к препозиционным элементам, а потому в процессе морфологического развития постпозиционные корневые слова превращались сначала в служебные части речи с грамматическим и вместе с тем сохранившимся реальным значением, а затем в аффиксы. Одновременно эти элементы теряли и фонетические оттенки их вокализма, получая, как и все аффиксы, двухвариантную огласовку (узкий и широкий гласный). Структура же тюркского слова характеризуется агглютинативным строем с формирующейся системой аффиксов словообразования и словоизменения.

В современных тюркских языках в связи с дальнейшим морфологическим развитием слова и совершенствованием его грамматической структуры система аффиксов словообразования и словоизменения имеет уже строгую последовательность и порядок. Наиболее близкое положение к корню слова имеют аффиксы лексико-грамматического словообразования, затем следуют аффиксы лексико-функционального слово-

образования, и, наконец, наиболее дальнее положение по отношению к корню слова имеют аффиксы словоизменения, порядок которых определяется следующим образом: число, принадлежность, падеж, лицо. Этот порядок соблюдается и в том случае, когда некоторые аффиксы словоизменения в данном слове отсутствуют.

Вместе с тем порядок присоединения словоизменяющих аффиксов зависит от исходной основы слова. Если исходной основой является имя (существительное, прилагательное, числительное, местоимение), то присоединение словоизменяющих аффиксов происходит непосредственно к корневой основе. Если же исходной корневой морфемой или основой слова является глагол, то аффиксы словоизменения могут быть присоединены только после преобразования глагольной корневой морфемы или глагольной основы в ту или иную функциональную субстантивную (масдар) или атрибутивно-определяющую (причастную) форму, которые в зависимости от роли этих глагольных форм в составе словосочетания или предложения приобретают возможность присоединения всех аффиксов словоизменения, причем к масдарным формам могут быть присоединены аффиксы числа, принадлежности и падежа, а к атрибутивно-определяющим формам глагола (причастиям) также и аффиксы лица.

СТРУКТУРА СЛОГА

Слог как элемент слова представляет собой одну из универсалий, общих для всех языков. Вместе с тем в каждом языке слог имеет и свои специфические черты, отличающие его структуру, а также и звуковую структуру всего слова, от других языков. Теории слога посвящено значительное количество исследований как общелингвистического характера (Лекомцева, 1968; Постовалова, 1967; Трофимова, 1972; Степанов, 1974; Торсуев, 1975 и др.), так и на материале тюркских языков (Баскаков, 1955; Ибрагимов, 1970; Щербак, 1971; Трофимов, 1975 и др.).

Современное языкознание после длительной, но плодотворной дискуссии, пришло, как нам представляется, к единой или, по крайней мере, господствующей точке зрения об экспираторной природе слога, выделение которого связано с выталкиванием мускульным напряжением струи воздуха, образующей артикулярно-акустические сегменты речи — слоги, организующие по определенным закономерностям слоговое деление и просодии — слова, словосочетания и предложения. Структура фразы, предложения, словосочетания и отдельного слова в тюркских языках подтверждает экспираторное происхождение слога, строение которого имеет как общие черты и элементы с другими языками, так и некоторые специфические черты, проявляющиеся в системе отношений слов между собой в слоговом делении и их фонемном составе.

Звуковая структура тюркского слова состоит из одного или нескольких слогов, а слог — из одной или нескольких фонем, которые представлены в слоге аллофонами соответствующих репрезентантов данных фонем. Слог и фонема являются основными единицами звуковой структуры слова, причем фонема, как минимальная ее единица, реализуется

многообразными модификациями — аллофонами, характер которых зависит от их сочетаемости с другими аллофонами фонем, составляющими слог. Слог, следовательно, представляет собой одну из основных единиц звуковой структуры слова, в которой и образуются те или иные аллофоны как гласных, так и согласных фонем.

Если в слоге определяются основные аллофоны фонем, то в слове реализуется уже полная звуковая структура, устанавливающая автономность целого слова и отношения между его элементами, т.е. словами, и составляющими их аллофонами фонем. Каждое слово, таким образом, может быть расчленено на определенные отрезки — слоги, которые могут быть выделены паузами, а слоги — на звуки, аллофоны фонем, которые могут быть выделены в потоке речи только искусственно, путем их противопоставления другим аллофонам.

В современных тюркских языках, как и в ряде других языков, слогообразующим элементом слога является гласный звук, а следовательно количество слогов в слове определяется количеством гласных звуков.

Количество слогов в тюркском слове может быть значительным, но такие слова встречаются реже, чем слова односложные, двусложные и трехсложные. Что же касается корневых слов, т.е. слов по своей структуре совпадающих со структурой корня, то они, как правило, в этимологических исследованиях определяются в общетюркском и пратюркском состоянии как односложные, состоящие из Г, СГ, ГС и СГС. Общетюркская слоговая структура слова, таким образом, может быть реконструирована как структура, состоящая из слогов, фонемный состав которых соответствовал составу типичных корневых морфем, а именно — открытых слогов Г и СГ и закрытых слогов ГС и СГС, которые позже в процессе развития языков соответствующим образом усложнились. Следовательно, если в древнейшем состоянии тюркские языки имели характер изолирующих языков, то структура слога в них совпадала со структурой слова или, точнее, была единой и состояла из трехфонемной структуры двух согласных и интерконсонантного гласного, характер которого зависел от консонантов составляющих слог, т.е. из СГС.

Такая структура слога позволяет предполагать, что первоначально дифференциальные признаки оппозиции аллофонов в тюркском слоге относились не к гласному, а к согласным элементам слова, определяющим интерконсонантный гласный элемент, и тогда гласный элемент не имел фонемной значимости, а следовательно, не имел и соответствующих дифференциальных признаков подъема, палатальности и лабиальности. В этих условиях все гласные были вариантами одной фонемы, а носителями всех дифференциальных признаков были консонантные элементы слога, который и представлял собой единую силлабофону, ср., например, противопоставление коррелятивных рядов согласных в основах

1) $\wedge kll$ (-qal=)	'оставаться',
2) $\wedge kll$ (-kel=)	'приходить',
3) $\circ \wedge kll$ (-qol)	'рука',
4) $\circ \wedge kll$ (-köl)	'озеро',
5) kll (-qyl=)	'делать',

6) 'kII (-kil)	'сорт глины',
7) °kII (-qul)	'раб',
8) '°kII (-kül)	'пепел',

где подъем слога обозначен диакритическим знаком $\wedge$, палатальность слога — препозиционным знаком ' и лабиальность — знаком ° и где, таким образом, различаются только согласные, из которых каждый имеет восемь вариантов или аллофонов;

- $\wedge$ k — нижнего подъема, непалатальный, нелабиальный,
- k — верхнего подъема, непалатальный, нелабиальный,
- ' $\wedge$ k — нижнего подъема, палатальный, нелабиальный,
- ' k — верхнего подъема, палатальный, нелабиальный,
- ° $\wedge$ k — нижнего подъема, непалатальный, лабиальный,
- ° k — верхнего подъема, непалатальный, лабиальный,
- ' ° $\wedge$ k — нижнего подъема, палатальный, лабиальный,
- ' ° k — верхнего подъема, палатальный, лабиальный,

при одном гласном I, представляющим собой свободный проход воздуха с соответствующим образующим согласными шумом (Баскаков, 1969).

Любопытно, что следы перенесения некоторых дифференциальных признаков на согласные, например признак палатальности, сохранились в древнетюркской рунической письменности, где большинство согласных представлено в письменности двумя рядами знаков (Малов, 1951):

᠘ = b ₁	ᠶᠡ = γ ₁	ᠳᠡ = d ₁	ᠨᠡ = j ₁	ᠬᠡ = q ₁
ᠬᠡ = b ₂	ᠭᠡ = g ₂	ᠲᠡ = d ₂	ᠵᠡ = j ₂	ᠬᠡ = k ₂
ᠯᠡ = l ₁	ᠨᠡ = n ₁	ᠷᠡ = r ₁	ᠰᠡ = s ₁	ᠲᠡ = t ₁
ᠯᠡ = l ₂	ᠨᠡ = n ₂	ᠷᠡ = r ₂	ᠰᠡ = s ₂	ᠲᠡ = t ₂

В процессе развития языка от изолирующего до современного агглютинативного строя структура слова, состоявшая из аналитического сочетания аморфных морфокорней, видоизменилась и прератилась в современную синтетическую структуру, состоящую из препозитивной корневой морфемы и постпозиционных аффиксов. Превращение постпозиционных морфокорней аналитического изолирующего строя в аффиксы происходило путем слияния и фузии двух или нескольких морфокорней, отдельные элементы которых при этом, грамматикализуясь, редуцировались и, таким образом, реализовались в виде аффиксов с неполным звуковым составом, утратив либо начальный, либо конечный согласный, т.е. по схеме: СГС + (С)ГС + СГ(С) + (С)Г(С) + (СГ) + С... и т.д.

В современных тюркских языках в аллютинативном строем и с многосложным морфемным строением слова при одном ряде согласных и при наличии коррелятивных рядов гласных по подъему, палатальности и лабиальности, слогаобразующим элементом слога является гласный, который служит также и соответствующим обозначением признаков, определяющих аллофоны составляющих слог согласных. Для тюркских языков характерно наличие шести основных типов слогов, количество которых по существу совпадает с шестью основными типами кор-

Т а б л и ц а
Основные типы и подтипы слогов

Начало слога Конец слога	Начально-открытые	Начально-закрытые
Конечно-открытые	Г-	СГ- (-СГ-, -СГ)
Конечно-закрытые	ГС- ГСС-	СГС- (-СГС-, -СГС) ГСС- (-СГСС-, -СГСС)

невых морфем. В зависимости от состава фонем слоги могут быть образованы из одного гласного (Г), сочетаний одного гласного и одного согласного (ГС, СГ), одного гласного и двух согласных (СГС, ГСС) и одного гласного и трех согласных (СГСС), которые составляют два основных типа:

1) открытые, т.е. в которых конечным элементом является гласный; к этому типу относятся две модели — Г и СГ, составляющие два подтипа: а) начально-открытые — Г-, встречающиеся только в анлауте, и б) начально-закрытые — СГ- (-СГ-, -СГ), встречающиеся во всех позициях в слове;

2) закрытые, т.е. в которых конечным элементом является согласный; к этому типу относятся четыре модели — ГС, СГС, ГСС, СГСС, составляющие два подтипа: а) начально-открытые — ГС- и ГСС-, встречающиеся только в анлауте, и б) начально-закрытые — СГС- (-СГС-, -СГС) и СГСС- (-СГСС-, -СГСС), встречающиеся во всех позициях в слове (см. табл.).

НАЧАЛЬНО- И КОНЕЧНО-ОТКРЫТЫЙ СЛОГ

К этой группе относится один тип слога — Г, который встречается только в начальной позиции и может быть реализован аллофонами всех основных гласных фонем, например: а) с нормальными гласными: ног. а-јақ 'нога', тур. е-şik 'двери', туркм. о-гақ 'серп', кум. ö-güz 'бык', др.-тюрк. у-гақ 'далекий', ккалп. і-пі 'младший брат', кирг. u-šaқ 'мелкий', тур. ü-leş 'доля'; б) с долгими гласными: туркм. а:-уl 'загон для скота', алт. е:-гі 'его седло', туркм. о:-ту 'его огонь', кирг. ö:-пü 'его лицо', туркм. у:-зу 'его след', і:-ši 'его работа', кирг. u:-zu 'ее молозиво', туркм. ü:-пі 'его голос'.

Слоги с начальным долгим гласным возможны только в языках. в фонетической структуре которых имеются соответствующие первичные или вторичные долгие гласные.

НАЧАЛЬНО-ОТКРЫТЫЕ — КОНЕЧНО-ЗАКРЫТЫЕ СЛОГИ

К этой группе относятся слоги типа ГС- и ГСС-. Особенностью слогов этого типа, как и предыдущих начально- и конечно-открытых, является возможность их реализации только в начале слова. В середине и в конце слова слоги типа Г-, ГС- и ГСС- не встречаются за исключением случаев hiatus.

Для слогов типа ГС- и ГСС- характерны следующие конечные согласные при любом гласном в анлауте.

I. Передние или губные согласные: 1. p/b (v, w, f); 2. m.

II. Средние или средняяязычнонебные: 1. j (d, t, δ, θ, z, s, r); 2. t/d; 3. s/z; 4. š (š, s, c, dž, ž, z); 5. š (s, l); 6. z (r); 7. l; 8. r; 9. n; 10. n.

III. Задние или задняяязычно-небные: 1. q/k (γ, ğ, x); 2. γ/g (w, j 0).

В круглых скобках даны соответствия по различным тюркским языкам и диалектам, а также позиционные изменения согласного в различных позициях в слове.

Ниже приведены примеры только на конечный согласный одного звукового типа или фонемы, соответствия которых возможны в тех же примерах в других основах по другим языкам и диалектам.

Слог типа ГС-

Этот тип слога в начальной позиции в слове в отношении как гласного, так и согласного элементов его составляющих может быть образован всеми основными гласными и согласными фонемами и их аллофонами, например:

I. 1. ног. ab-du-га- 'недоумевать'; 2. ккалп. em-gek 'труд';

II. 1. туркм. ај-ууг 'жеребец'; 2. туркм. ö:t-te 'в желчи'; 3. кум. es-ki 'старый'; 4. кирг. ач-ту 'он открыл'; 5. алт. üš-kür- 'вздыхать'; 6. каз. уз-уаг 'стужа'; 7. уйг. ol-dža 'добыча'; 8. кирг. er-kek 'мужчина'; 9. туркм. i:n-di 'он спустился'; 10. тур. диал. in-le- 'стонать';

III. 1. гаг. 'ek-mek 'хлеб'; 2. туркм. ау-таг-'искать'; хак. üg-re 'похлебка'.

При сочетании данного типа слога с последующим слогом с начальным гласным слог типа ГС- расщепляется, и согласный элемент переходит в состав последующего слога, ср. например: ач-ту 'он открыл', но а-сүр 'открыл'; ö:t-te 'в желчи', но ö:-ti 'его желчь'.

Слог типа ГСС-

Этот тип слога ограничен сочетаемостью консонантных элементов — наиболее частыми сочетаниями являются сочетания сонорных или проточных согласных с смычными или аффрикатами:

г + смычный или аффриката: др.-тюрк. аq-qa 'виску', art-ta 'на спине', ert-ti 'он пришел', ört-te 'в огне', örk-ke 'узде', кум. ars-lan 'лев', алт. art-tum 'я навьючил', ног. ürk-ken 'вздвогнувший';

л + смычный или аффриката: др.-тюрк. alp-ta 'у стрелка', elt-ti 'он принес'; тур. alt-муш 'шестьдесят'; аз. ölc-ti 'он смерил, взвесил';

ј + смычный или аффриката: каз. ijt-ke 'собаке'; ккалп. ајт-ту 'он сказал'; п + смычный или аффриката: кирг. ant-ta 'в клятве'; др.-тюрк. епч ~ inč-te 'в покое';

с + смычный или аффриката: др.-тюрк. ast-ta 'внизу'; üst-te 'вверху'.

При сочетании с последующим слогом, начинающимся с гласного, этот тип слога расщепляется, как и предыдущий, и второй согласный элемент в структуре ГСС- переходит к последующему слогу, ср. например: üst-te 'вверху', но üs-ti 'его верх'; ајт-ту 'он скалал', но ај-тур 'сказав'.

НАЧАЛЬНО-ЗАКРЫТЫЕ — КОНЕЧНО-ОТКРЫТЫЕ СЛОГИ

К данной группе слогов относится один тип слога — СГ, встречающийся во всех позициях в слове, т.е. в начале (СГ-), в середине (-СГ-) в конце (-СГ) слова. Для начальной позиции в начально-закрытых слогах характерны следующие звуковые типы или фонемы и их аллофоны.

I. Передние или губные согласные: 1. b/p (v, m, f, w); 2. m (b, p).

II. Средние или среднеязычно-небные согласные: 1. j (dj, tj, d, t, dž, č, ž, š, dz, c, z, s, s', n, n'); 2. t/d; 3. č (š, s); 4. s (s', h, 0); 5. s (s); 6. n.

III. Задние или заднеязычно-небные согласные: 1. q(ġ, k, x); 2. h (p, b, f, v, 0).

Слог типа СГ-

I. 1. ног. ba-la 'ребенок'; ккалп. ру-šaġ 'нож'; 2. алт. me-ni 'меня'.

II. 1. кум. ja-гур 'расколов'; 2. узб. ta-yu 'его гора'; 3. кирг. čö-qu- 'клевать'; алт. čе-čек 'цветок'; 4. узб. su-yaġ- 'орошать'; 5. др.-тюрк. ša-šyl- 'теряться'; 6. ккалп. ne-ge 'зачем'.

III. 1. ккалп. qa-га 'черный'; 2. узб. hō-küz 'бык'.

Слоги типа -СГ, -СГ-

Слоги этой группы отличаются от предыдущей только своей позицией и большим разнообразием консонантного начала, поскольку они могут быть выражены всеми фонемами и их аллофонами, характерными как для начальной так и для конечной позиции в слове, ср., например: ккалп. ba-la-ya 'ребенку'; алт. ba-žu-ma 'моей голове'; др.-тюрк. a-ja-ya 'ладони'; bu-yu 'олень'; bō-gi-ge 'волку'; ja-ga-dy 'он подходит, гонится'.

НАЧАЛЬНО- И КОНЕЧНО-ЗАКРЫТЫЕ СЛОГИ

К начально- и конечно-закрытым слогам, встречающимся в всех позициях в слове, относятся два основных типа слогов: СГС- (-СГС-, -СГС) и СГСС- (-СГСС-, -СГСС). Для них характерны все гласные как нормальные, так и долгие. Что же касается согласных, то они являются общими для начальной позиции со слогами типа СГ- (см. выше), а для конечной позиции — со слогами типа ГС- (см. также соответствующий раздел). Для сочетаний СС в конце слогов типа СГСС характерны те же закономерности, что и для слогов типа ГСС.

Слог типа СГС-

Слог типа СГС- является общим с характерной для тюркских языков структурой корневой морфемы. В отношении сочетаемости гласных и согласных в этом типе слога действуют закономерности, общие с закономерностями звуковой структуры корневой морфемы; ср., например, слоги, совпадающие с корневой морфемой: baš 'голова', čer 'сено, трава', juq ~ juγ- 'валить, свалить', kir- 'входить', sol 'левый', tōš ~ tös 'грудь'; šul 'тот', neç 'вещь'.

Все эти слоги сохраняют свою структуру и при присоединении последующих слогов с начальными согласными, например: bas 'голова', bas-ta 'в голове' и т.п., при присоединении же слогов аффиксов, начинающихся

с гласного, конечный согласный слога СГС присоединяется к начальному гласному второго слога, например: baʒ 'голова', но ba-ʃu 'его голова', ʃer 'сено, трава', но ʃe-riɕ 'твое сено'.

Слоги типа -СГС-, -СГС

Слог типа СГС встречается как в начале слова (СГС-), так и в середине (-СГС-) и конце (-СГС) слова в соответствии с закономерностями, определяющими состав его гласных и согласных, ср., например: а) в середине слова: bar-yan-da 'когда он пошел'; ba-ʃym-nan: 'из моей головы'; bi-lim-ge 'знанию'; б) в конце слов: bar-dym 'я пошел'; ber-gen 'давший'; qyz-dun(-nun) 'девушки' и т.п.

Состав слогов этого типа характеризуется тем, что, представляя в большинстве случаев аффиксальные морфемы или части этих морфем, гласные в них ограничены двумя основными фонемами типа [a] и [y] и их лабилизированными аллофонами в языках с последовательной губной гармонией, например киргизском и алтайском.

Слог типа СГСС-

Слоги данного типа ограничены сочетаемостью в конце слога, как и в слогѣ типа ГСС-, только сонорных или проточных согласных со смычными или аффрикатами, например:

г + смычный или аффриката: др.-тюрк.: jurt-ta 'в доме'; kert-ti 'он надрезал', qoɣ-tu 'он испугался'; süɾc-ti 'он споткнулся';

л + смычный или аффриката: др.-тюрк. julq-maq 'обдирать'; кар. qolt-xa 'молитва';

ј + смычный или аффриката: др.-тюрк. qajt-maq 'возвращаться'; ккалп. büjt-tip 'сделав так';

п + смычный или аффриката: др.-тюрк. jont ~jond-da 'на лошади', sanɕ-tu 'он проколол'.

Слоги типа -СГСС-, -СГСС

Эти тип слогов в середине и конце слова встречается как редкое исключение и характеризуется теми же закономерностями, что и предыдущий тип слога (СГСС-), ср., например:

г + второй смычный или аффрикативный согласный: ккалп. bil-dirt 'заставь сообщить', pi-sirt 'заставь приготовить пищу', öl-türt 'заставь убить' и, соответственно, в середине слова: bil-dirt-ti 'он не заставлял сообщать', pi-sirt-ti 'он не заставлял готовить пищу';

ј + второй согласный того же типа: ккалп. ke-nejt 'расширь, распространяй' и ke-ne jt-ti 'он расширил, распространил'.

Как видно из перечисления всех типов слогов, к специфическим особенностям начально-открытых слогов Г-, ГС, ГСС относится ограничение их функционирования только начальной позицией (анлаутом) слова, кроме условий хиатуса в заимствованных словах типа sa-at 'часы', которые встречаются как редкие исключения в некоторых тюркских языках, в то время как начально-закрытые слоги могут выступать в любой позиции в слове, т.е. в начале (анлауте), середине (инлауте) и конце (ауслауте).

Более сложная слоговая структура характерна для слов, заимствованных тюркскими языками из других языков и, в частности, из русского.

И их слоговой анализ не входит в задачу настоящего исследования. Здесь можно только отметить, что основной особенностью слоговой структуры заимствованных слов является увеличение количества в составе слога согласных элементов при общей, определяющей количество слогов в слове, роли гласных.

По своей позиции в слове слоги разделяются на начальные, средние и конечные. Начальный слог за незначительными исключениями в некоторых языках (ср., например, слова с префиксальным отрицанием *bi ~bij*, заимствованным из персидского языка: *bij-ya'm* 'беспечный') совпадает с корневым слогом или его частью; ср., например: тур. *gel-mis* 'пришел', *ge-lip* 'придя'. Начальный слог в слове при сингармонизме слога во всех тюркских языках и слова в большинстве тюркских языков определяет в первых аллофоны не только консонантов первого слога, но также и аллофоны согласных и гласных последующих слогов по палатализации, а для некоторых языков (киргизского, алтайского и проч.) также и по лабиализации, ср., например: ккалп. *a-wyl-lar-ya* 'аулам', где начальный слог определяет все гласные и согласные по заднему ряду; *til-ler-i-miz* 'наши языки', где первый слог определяет все гласные и согласные по переднему ряду; алт. *tol-bo-yan* (*tol-ma-yan*) 'не наполнивший', где первый слог определяет все последующие гласные и согласные по заднему ряду и лабиализации; *öl-bö-gön* 'не умеревший' (< *öl-me-gen*), где первый слог определяет все гласные и согласные последующих слогов по переднему ряду и лабиализации.

В зависимости же от ударения в каждом двусложном и многосложном слове слоги разделяются на ударные, на которые падает ударение и безударные, а последние, в свою очередь, — на восходящие или доударные и нисходящие заударные, ср., например, каз. *qa-ğaj-maj-myn* 'я не смотрю', где слог *qa-* — восходящий сильный, носитель второстепенного ударения, *ga-* — восходящий слабый редуцированный (предударный), *-maj-* ударный и *-myn* — нисходящий (заударный).

Однако для тюркских языков, где господствует главное ударение на последнем слоге, нисходящие (заударные) слоги встречаются только в различного рода исключениях, когда ударение в слове переносится с последующего слога на предыдущие.

Восходящие (предударные) слоги, в свою очередь, разделяются на безударные слабые редуцированные и безударные сильные, на которые в трехсложных и многосложных словах падает второстепенное ударение; ср., например, н.-уйг. *qū-lī-mān* 'я сделаю', где слог *qu-* — безударный сильный, носитель второстепенного ударения, *-lī-* — безударный, слабый редуцированный и *mān* — ударный слог, носитель главного ударения.

Редукция безударного слога в некоторых языках, например в указанном выше примере из новоуйгурского языка, достигает значительной интенсивности, ведущей к изменению ударного гласного, в данном случае к переходу *a > i*.

В тюркских языках, имеющих первичные или вторичные долгие гласные, последние не влияют на обычное слоговое деление. Слоги с долгими гласными имеют те же закономерности, что и слоги с нормальными гласными, ср., например, туркм. *i:š-ke* 'делу', *ö:t-te* 'в желчи', кирг. *su:-da* 'в воде', *ba-ru:ya* 'чтобы пойти'.

При явлениях хиатуса, который встречается в тюркских языках как редкое исключение в заимствованных словах, гласные, составляющие его, как правило расчленяются по разным слогам; ср., например, узб. араб. *sa-a-dät* 'счастье', ккалп. *sa-at ~sa-yat* 'часы'.

Если количество слогов в слове легко определяется количеством в нем гласных звуков, то слоговая структура слова и границы слогов между собой в потоке речи не являются постоянными и твердо установленными, и в зависимости от присоединения аффиксов слоговая структура и строение соседнего слога могут видоизмениться; ср., например, ног. *öz* 'сам', но *ö-zi* 'он сам'; *qol-ya* 'руке', но *qo-ly-na* 'его руке'.

Из приведенных примеров видно, что членение слова на слоги не зависит от морфологической структуры слова. Так, если морфологическая структура туркменского слова *bala-lar-um-a* 'моим детям' состоит из четырех элементов — корневой морфемы *bala*, аффикса мн. числа *-lar*, аффикса принадлежности 1-го лица *-um* и аффикса дат. падежа *-a*, то при слоговом делении то же слово состоит из пяти сегментов, не совпадающих с предыдущими: *ba-la-la-ry-ma*.

Со слоговой структурой тюркского слова связаны следующие закономерности.

1. Слоговая структура слова в некотором отношении изоморфна структуре тюркского словосочетания. В ней как и в словосочетании препозиционные элементы служат определяющими, а постпозиционные — определяемыми. Начальный слог в слове по существу определяет характер последующих слогов, в большинстве языков — уподобляет все последующие слоги либо по заднему, либо по переднему ряду, а в некоторых языках также и по степени лабиализации.

2. Слог как и самостоятельное слово не допускает стяжения двух согласных в начале слога, которое, однако, возможно в конце слога, ср., например, каз. *tart-tum* 'я тащил, тянул', где на границе слогоделения образуется стечение трех согласных *rtt*, разделенных слогоразделом: *rt-t*. Стечение двух согласных в конце слога возможно только при условиях сочетаний сонорного согласного с другими согласными, т.е. в сочетаниях типа *nk*, *nq*, *nk*, *nq*, *st*, *rt*, *jt*, *lt*, *rs*, *ns*. Слоги со стяженными двумя согласными в конце слога характерны только для начальной позиции в слове и не встречаются в середине и конце слов; ср., например, узб. *ajt-tu* 'он сказал', *qart-ta* 'у старика', *ast-tan* 'снизу', *üst-ten* 'сверху'.

При присоединении слогов, начинающихся с гласного, конечные согласные в слогах этого типа расщеплялись и второй согласный отходил ко второму слогу; ср., например, *as-tyn-da* 'в низу его', *aj-ta-man* 'я скажу', *qar-tum* 'мой старик'.

В некоторых тюркских языках в двухсложных словах имеется тенденция редукции и выпадения узких негубных гласных, образующих первый безударный слог и тогда слово как бы сокращается на один слог; ср., например: ккалп. *qu-zyl* > *q(y)zyl* 'красный', *bir-aq* > *b(i)raq* 'но', *qu-la-man* > *q(y)la-man* 'я сделал, я буду делать'.

3. Подвергаются редукции и выпадению узкие гласные второго слога в двухсложных словах в тех случаях, когда начальный слога предствлен сорным согласным *ɾ*, *l*, *j*, *n* и проч., ср., например: каз. *qu-ruq* > *qur(y)q* 'сорок', *xa-lyq ~qa-lyq* > *qal(y)q ~xal(y)q* 'народ', *börük* > *bör(ü)k* 'шапка'.

Этой же тенденцией могут быть объяснены слоги, состоящие из ГСС или СГСС как собственно тюркские типа *ald* 'перед', *ast* 'низ', *üst* 'верх', *tinç* 'мир', *tört* 'четыре', так и заимствованные — *ant* 'клятва', *dost* 'друг' и проч.

4. Наконец, явления редукции и выпадения узких слоговых гласных в некоторых языках встречаются и в середине слова в безударной позиции, когда конечный слог — сонорные *r, l, n, j* и проч., например н.-уйг. *qa-ɣun* > *qe-rin* 'живот', *qar-ɣu* 'его живот', *o-ɣul* 'сын' *oɣ-lu* 'его сын', *bo-ɣun* 'шея', *boɣ-nu* 'его шея', а также в заимствованных словах: *i-sim* 'имя', *is-mi* 'его имя' и др.

5. Если в слоге согласный предшествует гласному, то слоговая граница находится всегда перед согласным, например: ккалп. *qa-la-da* 'в городе', *ba-la-lar* 'дети'. Этой закономерностью объясняется отсутствие в тюркских языках начально-открытых слогов типа -Г, -Г- или -ГС, -ГС- в середине и конце слова, за исключением условий хиагуса в заимствованных словах.

6. Если в середине слова встречаются два согласных, то они распадаются поразным слогам, например: *bar-dym* 'я пошел', *kün-düz* 'полдень', *qyl-ɣan* 'сделавший'. Слогоделение в этих случаях характеризуется имплозией согласного в конце слога и эксплозией в начале.

УДАРЕНИЕ

Фонологические структуры слова и слога и их развитие тесно связаны с ударением. Существующие исследования по ударению в тюркских языках свидетельствуют о том, что в процессе формирования структуры слова, на первых этапах развития агглютинативного строя, когда компоненты сложного слова еще не вполне грамматикализировались и постпозиционные его элементы не превратились в аффиксы, лишенные реального лексического значения знаменательных слов, от которых они происходили, ударение было на первой, основной (resp. корневой) морфеме, точно также как современное фразовое ударение в детерминативных словосочетаниях типа *älmä äɣas* 'яблоневое дерево, яблоня' или *qol tıjırmen* 'ручная мельница' падает на первый компонент словосочетания. А поскольку сложное слово, состоящее из корневой морфемы и аффикса является изоморфным в отношении словосочетания, то первоначально и место ударения было общим как для словосочетания, так и для сложного слова.

Только в более поздний период, когда тюркские языки приобрели агглютинативный характер и аффиксы вполне грамматикализировались, силовое ударение переместилось на последний слог слова. Историческая последовательность перехода ударения с первого слова на последний и тесная зависимость силового ударения и логического, музыкального ударения в значительной мере определили и сложность изучения проблемы ударения в этих языках.

В настоящее время существуют две основные теории о природе и характере ударения в тюркских языках. Первая из них утверждает, что главным ударением является силовое, экспираторное, которое, по мнению части представителей этого направления, может сопровождаться повышением тона, т.е. музыкальным ударением. Такой точки зрения придерживается подавляющее большинство советских тюркологов — авторов грамматик и специальных исследований по фонетике. К этой группе исследователей

можно отнести также русских ученых О. Бетлингк (Böhtlingk, 1851) и В. Радлова (Radloff, 1882) и некоторых зарубежных тюркологов И. Куноша (Kunos, 1905), Л. Бонелли (Bonelli, 1893), К. Нильсена (Nielsen, 1907), В. Прёле (Pröhle, 1911), Ж. Дени, (Deny, 1938), К. Грёнбека (Grönbeck, 1940) и др.

Каждый из представителей этого направления, соглашаясь с тем, что основное ударение в тюркских языках — экспираторное, имеет свою точку зрения относительно его места в слове. Так, например, О. Бетлингк, В. Радлов, В. Прёле и другие считали, что главное ударение падает на последний слог в слове. И. Кунош находил, что главное ударение в турецком языке падает на первый слог, а второстепенное — на последний. К. Нильсен и Ж. Дени полагают, что место главного ударения определяется типом (открытым или закрытым) слога и качеством (широким и более долгим или узким и более кратким) гласного и т.д.

Сущность второй теории, выдвинутой Г. Ракеттом (Raquette, 1927) и Б. Коллиндером (Collinder, 1939), заключается в том, что в тюркских языках, и в частности турецком, главным в слове является не экспираторное, а музыкальное ударение, причем Г. Ракетт утверждает, что основное, музыкальное, ударение падает на последний слог слова, а экспираторное — на первый. Как считает Б. Коллиндер, музыкальное и экспираторное главные ударения в большинстве слов падают на последний слог. Однако эта, последняя, теория не получила широкого признания. Факты многочисленных тюркских языков Советского Союза опровергают наличие музыкального ударения в слове в качестве главного ударения, хотя значительная часть тюркологов и не отрицает того, что главное и второстепенные ударения также сопровождаются движением музыкального тона, характерного для фразового ударения.

Изучение ударения в тюркских языках серьезно велось русской казанской школой во главе с В.А. Богородицким. Работы В.А. Богородицкого (1927–1934), Г. Щарафа (1927; 1928), основанные на экспериментальных данных, дали ряд весьма ценных наблюдений по ударению в татарском языке, часть которых подтверждается также и на материале других тюркских языков (Батманов, 1946). Последний итоговый обзор исследований по изучению проблемы ударения в тюркских языках был дан А.М. Щербаком (1970) и В.Д. Аракиным (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984, раздел "Ударение").

Ударение как фонетическое явление следует рассматривать в двух планах — как динамическое, силовое, экспираторное внутри отдельного слова, т.е. как силовое выделение отдельных его слогов, и как логическое, смысловое в отношении фразы, отдельного высказывания, предложения, словосочетания, т.е. в плане логического выделения отдельных слов, составляющих данное высказывание, данную фразу, предложение или словосочетание. В соответствии с этим первое является словесным, экспираторным, силовым ударением в слове, а второе — фразовым, логическим, музыкальным ударением внутри целого высказывания.

Ударение в слове, или словесное ударение, выделяет в слове различные по силе экспирации слоги, составляющие слово. Известно, что не все слоги в слове произносятся одинаково. В двухсложных и многосложных словах некоторые слоги произносятся слабее, другие же — более энергично. Более сильное произношение и выделение в слове какого-либо слога, а в многосложных — двух или нескольких слогов, называется ударением. В зависимости от количества слогов в слове ударение может быть различным по силе экспирации, а именно — главным, т.е. наиболее сильным, второстепенным и третьестепенным — наиболее слабым. По своему характеру словесное ударение является силовым, экспираторным, так как достигается более сильным мускульным напряжением, сопровождаемым усилением выдоха, в результате которого ударяемый слог произносится более громко, чем остальные слоги в слове. Ударение в тюркских языках фиксированное и в подавляющем большинстве слов падает на последний слог. Таким образом, ударение, наряду с гармонией гласных и согласных, служит как бы одним из признаков, определяющих границы слова в общем потоке речи (Корш, 1909, Radloff, 1882).

В двухсложных словах, имеющих ударение на последнем слоге, гласный первого слова, и в особенности узкий, в значительной степени редуцируется, например ккалп *b(i)lím* 'знание'. В трехсложных и многосложных словах кроме сильного ударения на последнем слоге возникают дополнительные более слабые второстепенные и третьестепенные ударения. Из-за различной степени экспирации, выражающейся в сильном, главном, и второстепенных ударениях, естественно возникает непроизвольное изменение музыкального тона, который повышается при второстепенных ударениях и понижается при главном ударении. В трехсложных и многосложных словах, как правило, главное ударение падает на последний слог, а второстепенное — на первые слоги, причем гласные в неударных позициях подвергаются редуции, а в некоторых позициях даже выпадают, например: *bälälär* > *bällär* 'дети', *öğünü* > *ögnü* 'его место'. В многосложных словах главное ударение также падает, как правило, на последний слог, остальные же слоги не являясь одинаковыми по ударению, но представляют собой чередование неударных слабых слогов со слогами более сильными по экспирации, т.е. со слогами, имеющими второстепенное ударение, чаще всего на первом слоге, и третьестепенное на первой основе слова, т.е. до аффиксов словоизменения (числа, принадлежности, падежа и лица), например ккалп. *sätüwşylärümüz* 'наши продавцы'.

Как в двухсложных, так и в многосложных словах качество гласных в разных слогах не является одинаковым. Как правило, гласные слабых, неударных слогов являются редуцированными и более краткими, чем гласные сильных слогов и в особенности ударного слога, несущего на себе главное силовое ударение. Закон редуции безударных слогов в различных тюркских языках проявляется различно. Наиболее ярко она выражена, например, в уйгурском языке, где широкие гласные безударных слогов редуцируются так сильно, что переходят в соответствующие узкие: *ätliri* < *ätlärü* 'его лошади' (Ср. Батманов, 1946).

Выше мы рассмотрели общие закономерности, связанные с ударением,

которое, как правило, фиксируется на последнем слоге слова. Однако существуют и некоторые исключения, характерные как для всех тюркских языков, так и для отдельных из них. К общим исключениям относятся следующие.

1. Перенос ударения с последнего слога на предыдущие характерен для некоторых аффиксов словообразования и аффиксов словоизменения. Например, к аффиксам словообразования, не принимающих на себя ударение, относятся: а) аффикс отрицания *-ma/-me*: *álmā* 'не бери', *álmānyz* 'не берите', *álmāsın* 'пусть он не берет', *álmādım* 'я не взял', *álmāsam* 'если я не возьму' и т.д.; б) аффикс уподобления *-daj/-taj*: *bāladaj* 'как дитя', *attaj* 'как лошадь'; в) аффикс наречий *-sa/-ša*: *örüssä* 'по-русски', *mēnşē*, *mēnişē* 'по-моему'; г) аффиксы лица в спрягаемых формах глагола: *alamān* 'я возьму', *alğanmān* 'я взял' и т.д. по всем лицам.

2. Перенос ударения с последнего слога на предыдущие характерны для логического выделения слов в различного рода интонациях, например: а) в числительных при интонации перечисления: *altı* 'шесть', *džeti* 'семь', *ségiz* 'восемь', *toğuz* 'девять'; б) вопросительные местоимения, логически выделяющиеся интонацией вопроса: *qajsı* 'который', *qandaj* 'какой, как', *qanşa* 'сколько'; в) в форме повелительного наклонения глагола: *ötür* 'садись', *ójlā* 'подумай'; г) в некоторых формах обращения: *džānyım!* 'душенька моя!', *jārānlār!* 'друзья!'

3. Перенос ударения в различного рода словосочетаниях со служебными словами (*at pēnēn* 'с лошадью', *siŋden başqa* 'кроме вас', *kitapta hām* 'также в книге', *džazdın bā?* 'написал ли ты?', *kēlgen ēken* 'он, оказывается, пришел', а также в различного рода сложных словах *dım džāqsı* 'очень хороший', *qır-qızıl* 'самый красный' и проч.).

Таким образом, перенос ударения с последнего слога на один из предыдущих реализуется в тех случаях, когда в сложном слове логически выделяется основа слова, а аффиксы словообразования и словоизменения не несут на себе основной смысловой нагрузки; когда в аналитическом сложном слове второй компонент потерял свое самостоятельное значение и превратился либо в служебное слово, либо в элемент со слабой логической значимостью, когда словосочетание образует единое лексическое целое с логическим выделением первого компонента.

УДАРЕНИЕ ВО ФРАЗЕ

Ударение во фразе, или фразовое ударение, по природе своей является музыкальным, или тоническим, ударением. Оно служит средством логического выделения основных по смыслу слов в предложении и словосочетании, а также в более сложных высказываниях. Логическая мелодия в том или ином высказывании образует ритмическое единство, разделяющееся логическими паузами на несколько ритмических групп или единиц, имеющих дополнительные, второстепенные логические ударения.

Интонация и фразовое ударение — один из наименее изученных вопросов фонетики тюркских языков. Имеющиеся отдельные исследования не дают цельного представления о всей сложности логико-ритмической и интонационной структуры тюркского предложения и словосочетания, ограничи-

ваясь лишь изложением частных наблюдений над той или иной конкретной группой интонаций без установления общей системы (Каскаров, Аралбаев, 1969; Калиев, 1969; Туркенбаев, 1969). Интонационная структура высказываний в тюркских языках и фразовое ударение тесно связаны с логической, грамматической и фонетической структурой слова, словосочетания и предложения.

В советском языкознании проблемой интонации и фразового ударения на материале главным образом французского и русского языков занимался Л.В. Щерба (1948). Он установил сложную природу интонации и фразового ударения как силового и в то же время музыкального, рассматривал интонацию и фразовое ударение в связи с анализом ритмической структуры фразы, с членением ее на ритмические части или синтагмы, обладающие в то же время смысловой законченностью. По определению Л.В. Щербы, синтагма — "это фонетическое единство, отражающее единое смысловое целое и процессы речи — мысли, и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их".

Позже теория синтагм Л.В. Щербы была подвергнута критике В.В. Виноградовым (1951), который, признавая правильной основу учения Л.В. Щербы о фразовом ударении и синтагме, считал, однако, что оно недостаточно развито и уточнено, в частности неясны отношения между смысловой стороной фразы и ритмической ее структурой и т.д.

Что же представляет собой интонация и фразовое ударение и каково их отношение к структуре предложения в современных тюркских языках?

По своей структуре предложение в тюркских, как и в других языках, состоит из двух зон: а) зоны подлежащего и б) зоны сказуемого. Каждая зона, в свою очередь, образуется из синтаксических единств — синтагм, представляющих собой различного рода словосочетания, относящиеся либо к сказуемому, либо к подлежащему. Синтагмы составляют так называемые конструктивные члены предложения и при инверсии могут перемещаться, причем позиция их в этом случае независима по отношению к основным членам предложения. Каждая синтагма состоит из определяемого и одного или нескольких определений. Последние не являются конструктивными членами предложения и находятся в тесной зависимости от определяемого.

В зависимости от характера высказывания, от обращения к тому или иному лицу, от цели общения каждое предложение произносится с определенной логической мелодией или интонацией, которая не только превращает отвлеченное предложение во фразу, в конкретное высказывание, но вместе с тем служит также средством максимальной конкретизации общего содержания, заключенного в данном предложении, преобразуя его в живую речь.

Таким образом, фраза, обладающая интонацией или логической мелодией, всегда выполняет определенную конкретную задачу общения и сочетает в себе единство смыслового содержания и интонационной структуры.

Интонация, или логическая мелодия фразы, представляет собой музыкальное движение тона, возникающее в речевом потоке и вытекающее из смысла и содержания данной фразы. Логическая мелодия образует вместе со смысловым содержанием ритмически организованное единство, разделяющееся логическими паузами на несколько ритмических групп

единиц, из которых каждая, в зависимости от задачи высказывания, имеет главное логическое ударение для выделения основного по смыслу слова, а также и дополнительное второстепенное ударение. Характер второстепенных ударений зависит от их позиции по отношению к главному. Главное ударение характеризуется либо апогеем, т.е. наиболее высоким тоном, либо перигеем — наиболее низким тоном. Второстепенные же ударения, кроме логического выделения в различной степени важных в смысловом отношении слов, несут также вместе с логическими паузами разграничительную функцию, т.е. отделяют одну ритмическую группу слов от другой. Второстепенные ударения вместе с главным логическим ударением во фразе составляют одну систему — они подчинены главному — вершине логической мелодии.

Весьма часто ритмические группы слов, ограниченные логическими паузами, совпадают с синтагмами, но это совпадение не является обязательным.

Значительную роль в логическом членении речи и интонации играют логические паузы, являющиеся как бы границами между логически значимыми ритмическими группами слов в данном предложении или высказывании (Баскаков, 1952, 115–126). Главные логические паузы (||) делят речь на речевые звенья, составляющие единую и цельную логическую мелодию, характерную для выражения данной мысли и имеющие одно главное логическое ударение; второстепенные логические паузы (|) делят речевые звенья на ритмические (или музыкально-логические) группы слов, объединенные одним второстепенным ударением, которые в данном речевом звене могут быть различны по высоте тона, но представляют собой единую систему, подчиненную главному ударению; и, наконец, третьестепенные логические паузы (¹), встречающиеся внутри ритмической группы, характеризующиеся весьма слабым логическим ударением, подчиненным второстепенному ударению данной ритмической группы; ср., например, следующий текст:

Bajayy ötken ajjem zamanda | bir xan bolıan eken. || Sol xan | erikken xan eken. || Sol xannyñ | aj dese¹ awzy bar | kün dese¹ közi bar¹ suluw qyzy bar eken. || Bir künleri xan | kimde kim | dżüz awuz ötirik ajtsa||qyzymdy¹ soyan beremen||eger de¹ dżüz awuz ötirik ajtalmaj qalsa | basyn kesemen — dep|| ||qalaya dżar urdyrupty. 'В прежние давние времена | жил-был некий хан. || || Хан тот¹, оказывается, скучал от безделья. || У хана¹ была красавица дочь, у которой рот¹ был красив как луна, | а глаза¹ — как солнце. Однажды¹ хан приказал кликнуть клич | о том, что если кто¹ расскажет сто небылиц, | то тому¹ он отдаст (в жены) свою дочь|если же не сможет рассказать сто небылиц, | то он отрубит ему голову'.

Логические паузы по своей длительности и выразительности могут быть трех типов. Первый тип составляют наиболее длительные паузы, определяющие границы участка речевого потока, который характеризуется единством логической мелодии и включает одно главное логическое ударение — логическую вершину с подчиненными ей второстепенными логическими ударениями. Второй тип составляют второстепенные паузы внутри каждой отдельной системы или участка речевого потока, объединенного одной логической мелодией. Второстепенные паузы определяют границы ритмических групп слов, объединенных одним второстепенным

логическим ударением. Наконец, последний тип составляют третьестепенные паузы, самые краткие по своей длительности, не имеющие принципиального значения и встречающиеся внутри более крупных ритмических групп с одним главным или второстепенным ударением.

Интонация, или логическая мелодия, высказывания или фразы, независимо от того, выражена ли она одним словом, словосочетанием или предложением, может иметь разную структуру и выражать различное отношение говорящего к действительности, быть по-разному эмоционально окрашенной. При этом логическая структура фразы и некоторые формы отношения говорящего к действительности (модальность) выражаются кроме интонации и логического ударения также и другими грамматическими (морфологическими) средствами (аффиксами, частицами, модальными словами и т.д.). Что же касается эмоциональной стороны интонации, то она служит как бы вторичной сопутствующей окраской логической стороны фразы.

Таким образом, каждая интонация содержит в себе первичную логико-грамматическую основу и вторичные, сопутствующие ей, интонационные эмоционально-экспрессивные окраски.

К первичным, основным типам логической мелодии интонации относятся: 1) утвердительно-повествовательный; 2) вопросительный; 3) восклицательный; 4) побудительный; каждый из них имеет дополнительные интонации, либо логические категории, выражающие: а) соединение; б) разделение; в) противопоставление; г) перечисление и т.д., либо различного рода модальные отношения (сомнения, вероятности, предположения, намерения, условия, долженствования, желания и т.д.).

Ко вторичным же эмоционально-экспрессивным интонациям относятся интонации выражения радости, горя, печали, злорадства, гнева и т.д.

Каждая из основных первичных групп интонаций, кроме определенной логической мелодии, выражается обычно и некоторыми языковыми средствами, характерными для каждой из перечисленных логических структур фразы. Эти грамматические средства служат выражению как характера фразы (утверждение, вопрос, восклицание, побуждение), так и ее модальной окраски (сомнение, вероятность, предположение, намерение, долженствование, желание и т.д.).

Вторичная же эмоциональная сторона, заключенная во фразе, не нарушая основы перечисленных выше типов фразы, придает основной логической интонации дополнительную экспрессивно-эмоциональную окраску, выражающую такие чувства, как радость, горе, печаль, самодовольство, пренебрежение, презрение, злорадство, обида, досада, удивление, гнев, нежность и т.д.

Эмоциональные нюансы и экспрессия фразы не имеют, помимо междометий, иных грамматических средств их выражения, и эти вторичные, сопутствующие элементы передаются главным образом интонацией. Таким образом, каждая фраза по своей интонации (логической мелодике) относится, во-первых, к одному из перечисленных выше четырех основных типов интонации с соответствующими частными видами логических оттенков и грамматически выраженной модельной окраской и, во-вторых, с теми или иными эмоционально-экспрессивными нюансами. При этом последние, как правило, относятся ко всему контексту, в то время как

основная логическая интонация связана с грамматической структурой каждой фразы конкретного высказывания.

И основная, утвердительно-повествовательная интонация не всегда является постоянной и одинаковой. В зависимости от простоты или сложности своего смыслового содержания фраза может быть простой и логически осложненной дополнительными сочинительными и подчинительными частными интонациями, сохраняя при этом свою основу, отличную, например, от логической основы вопросительной, восклицательной или побудительной интонации.

К дополнительным — сочинительным и подчинительным — частным интонациям, как было указано выше, относятся:

а) интонация соединения, например: *sol bajdyň | bir baltasy, | žāne bir qylyşy | qaldy* 'У этого бая | остались *топор* и *меч*. Логическое содержание этого типа фраз, кроме интонации, выражено также союзами *hām* или *žāne*;

б) интонация разделения или выделения, например: *sol džerde džatpaň || ja ōtip | ja kejin¹ džatyn* 'ты тут не ложишься, || или *proïdu |* или *pozadi* его 'ночуй'; интонация эта подкрепляется разделительными союзами *ja, jākī, nā, gej de*; ср. *gej de artqa awup || gej de alya qarap | džyylajyn* 'то падая свешиваюсь, | то вперед падаю.

в) интонация противопоставления, например: *bir kisi küši menen emes || bālki ōz küšimiz benen | turamys,* 'мы живем не чужими, | но своими собственными силами'; ярким примером характерной интонации противопоставления с логическим выделением противопоставляемых понятий могут служить следующие пословицы: *adam | — tilinen (bajlanady) || mal — šaqynan (bajlanady)* человек (привязывается) | за язык (т.е. за то, что лишнее болтает), || а скот (привязывается) | за рога (т.е. за то, что бодает); или *ō lenli dzerde | ōgiz semiredi || olimli džerde | molla semiredi* 'в местности, изобилующей травой, | бык жиреет, || а в местности, где много умирают, | мулла жиреет и т.д.; мелодия интонации противопоставления сложнее предыдущих. Здесь первые из противопоставляемых слов — *tilinen* 'за язык' в первом примере и *ōgiz* 'бык' во втором — имеют более высокий тон, сохраняемый и для последующих сказуемых *bajlanady* и *semiredi*, чем вторые противопоставляемые слова *šaqynan* 'за рога' и *molla* 'мулла', имеющие характерную понижающуюся интонацию с полным падением тона вниз в последующих сказуемых;

г) интонация условия, например: *eger de mende¹ yxtyjar bolsa || keter edim* 'если бы была моя воля, || я ушел бы.

Характерным и обычным движением музыкального тона в логической мелодии утвердительно-повествовательного предложения является повышение тона при развитии мысли и понижение его при завершении последней.

Особенно многочисленны эмоционально-экспрессивные оттенки интонаций вопроса, восклицания и побуждения. Так, вопросительное предложение, с грамматическим выражением вопроса посредством особой вопросительной частицы, кроме основной вопросительной интонации, может выражать ее различные эмоционально-экспрессивные оттенки: предупреждение, предостережение, удивление, досаду, обиду, злорадство, презрение, пренебрежение и т.д.

Во фразе с вопросительной интонацией высокий тон мелодии падает на логически ударяемое слово, заключающее в себе смысл вопроса, и этот высокий тон сохраняется до конца фразы, например: *Bügün keldin be?* 'Вы *сегодня* приехали?' В данном вопросительном предложении мелодия обрывается на высоком тоне, так как вопросительное предложение не представляет собой законченной мысли и требует утверждения — ответа, являющегося завершением мысли и имеющего характерное понижение тона в конце: *Awa | bügün keldim* 'Да, | я приехал *сегодня*'. В вопросительных предложениях без вопросительной частицы, где вопрос заключен в вопросительном местоимении, например *Sen bügün qaşan keldin?* 'Ты сегодня *когда* пришел?', высокий тон фразовой мелодии приходится обычно на вопросительное местоимение, в данном случае на слово *qaşan* 'когда'.

Восклицательное предложение с морфологическим выражением восклицания посредством инверсии или лексических средств (междометий), кроме основной восклицательной интонации, в экспрессивно-эмоциональном аспекте может выражать те же оттенки: предупреждение, предостережение, удивление, досаду и т.д.

В восклицательном предложении, например *Dzasasyn birinsi maj!* 'Да *здравствует* Первое мая!', мысль является законченной, логическая мелодия приходится на центральное, логически выделенное слово *Dzasasyn* и хотя и направляется потом вниз, но остается все же на более высоком уровне, чем в обычных утвердительно-повествовательных предложениях.

Побудительное предложение с грамматическим выражением побуждения в виде специальных форм сказуемого, которые сами по себе имеют много оттенков значения и выражают вместе с соответствующей интонацией увещание, просьбу, поучение, приказание, угрозу и т.д., кроме основной побудительной интонации во всем ее многообразии может выражать те же различные эмоционально-экспрессивные оттенки: досаду, зло-радство, радость и т.д., ср., например, фразу, выражающую в эмоциональном плане увещание и поучение: *Balam | sayan qyjsyq džol siltemejin | | düzüw džol siltejim || — dedi* 'Она сказала: || *сын*ок мой, | я тебя не *направляю по обходной* дороге, | а *направляю по прямому* пути'.

В зависимости от структуры и характера интонации каждое высказывание имеет одно или несколько логических ударений, из которых главное фразовое ударение выделяет и подчеркивает в предложении основное по смыслу слово. Второстепенные же фразовые ударения, кроме логического выделения важных в смысловом отношении слов, выполняют также вместе с логическими паузами разграничительную функцию, т.е. отделяют одну ритмическую группу слов от другой. Второстепенные ударения вместе с главным логическим ударением составляют как бы одну систему. Они подчиняются главному ударению, как вершине, как кульминационному пункту логической мелодии. Будучи подчинены закону центростремительности, второстепенные ударения имеют различную логическую значимость и как бы подготавливают выражение главной мысли, заключенной в данном предложении. Так, например, в предложениях *Buryuу zamanda | bir qarry bar eken* 'В прежние времена жил-был некий *старик*'; *Toyajlary duzaq salyp aň awlap džüredi eken* 'Он занимался *охотой*, | ставя в лесу капканы' — главные фразовые ударения падают на логически выделяющиеся слова:

qarry в первом предложении и *añ awlap* — во втором; второстепенные фразовые ударения падают на слова *zamanda* и *duzaq*, которые делят каждое предложение на две группы слов, разделенные, кроме того, и полными паузами. Оба предложения имеют примерно одинаковую логическую мелодию, характерную для повествовательных предложений.

Все перечисленные выше основные логические интонации, как это видно из примеров, носят своеобразный национальный характер, специфический для каждого языка, особенно в тех случаях, когда та или иная интонация сопровождается специальными морфологическими показателями.

Иной характер носят дополнительные, второстепенные интонационные оттенки, связанные со вторичной эмоционально-экспрессивной окраской. Они в меньшей степени, а в большинстве случаев только частично зависят от специфики языка и поэтому понятны не только носителям данного языка, но и тем, кто не знает его. Эти второстепенные оттенки являются универсальными, поскольку выражают общие для всех людей эмоции: гнев, радость, угрозу, страх и т.д.

Итак, образуются как бы два интонационных плана: логический и экспрессивно-эмоциональный, имеющие сложную мелодическую структуру, одновременно выражающую и соответствующий основной логический тип фразы, и ее эмоционально-экспрессивную окраску.

Наконец, общий мелодический рисунок каждой фразы зависит также от распределения главного и второстепенных логических ударений, т.е. логического выделения того или иного тона предложения в данном высказывании. Так, во фразе *Bügün | sen¹ awylyla bardyn ba?* 'Сегодня ты ездил ли в аул?' основная логическая интонация — вопросительная. Сопутствующая эмоционально-экспрессивная окраска — удивление — интонационно может быть выражена по-разному, в зависимости от того, на какой из членов предложения падает логическое ударение — на *bügün* 'сегодня', *sen* 'ты', *awylyla* 'в аул' или *bardyn ba* 'ездил ли', а именно:

Bügün sen awylyla bardyn ba?

Sen awylyla bügün bardyn ba?

Bügün awylyla sen bardyn ba?

Sen bügün awylyla bardyn ba?

Причем в зависимости от основного логического ударения данная фраза, как видно из примеров, может быть построена с соответствующей инверсией — перестановкой членов предложения. Таким образом, в тюркских языках логическое ударение в предложении может быть выражено грамматически. Слово с главным логическим ударением стоит, как правило, в позиции перед сказуемым, поэтому центральное слово в предложении, являющееся носителем живого логического ударения, переносится в позицию перед сказуемым, хотя возможно и сохранение стандартного порядка слов с соответствующим интонационным подчеркиванием логически выделенного слова.

Как уже отмечалось выше, второстепенные логические ударения во фразе объединяют ритмические группы слов, которые, однако, не всегда совпадают с так называемыми синтагмами, то есть с грамматическими группами слов, составляющими конструктивные члены предложения: подлежащее, дополнение, обстоятельство и сказуемое вместе с относящимися к каждому из них определениями. Ритмическая группа, как правило, шире

по своему объему, нежели синтагма; последняя является неделимым минимумом, входящим в ритмическую группу.

Таким образом, минимальными по своему объему ритмическими группами, объединенными единым логическим ударением, являются все сочетания определений и определяемых, в которых логическое ударение в обычных условиях падает, как правило, на первый компонент сочетания, т.е. на определение в сочетании с определяемым и на дополнение и обстоятельство в сочетании со сказуемым, например:

а) в сочетаниях с предметными, детерминативными определениями: ккалп. *alma ayaš* 'яблоневое дерево'; *temir dzol* 'железная дорога'; *qol tijirmen* 'ручная мельница'; *arqa dža* 'северная сторона';

б) в сочетаниях с качественными определениями: *Džaman džigit* | *kojlek-tiñ aru* | *kötere almajdı* 'Плохой парень | не может носить | белых рубашек'; *Aryq qojdan* | *tòslik al* 'У тощего барана | бери (всегда) грудинку';

в) в сочетаниях с количественными определениями: *Quryq qulaš¹ žipek arqandy alyp* | *bajau džylanı bardy* 'Он взял сорок локтей шелковой веревки | и пошел к той змее'.

Однако логическое ударение на определении является обычным, но не обязательным, например при логическом выделении слов, при противопоставлении и проч. ударение с определения может перейти и на определяемое, например: *Tüjenin ülkeni* | *köpirde tajaq džejdı* 'Самый крупный из верблюдов | бывает бит на мосту'.

Ритмическими группами, выходящими за пределы синтагм, являются все сочетания дополнений и обстоятельств со сказуемым в тех случаях, когда эти категории находятся в предложении рядом. Логическое ударение в этих сочетаниях также обычно падает на предшествующий член предложения, например:

а) в сочетаниях дополнения и сказуемого: *Oj, šeš* | *senin bergeninizdi džejmiz* — || *dedi* 'О, матушка, | мы едим то, что ты нам дала — || сказали они'; *Tawuq¹ körgönün šoqujdu* | *mulla¹ bilgenin oqujdu* 'Курица¹ клюет, что видит, | а мулла¹ читает то, что знает';

б) в сочетаниях обстоятельства и сказуемого: *Bajau adam* | *sol džerde¹ džylaj bergen* 'Тот человек | тут же заплакал'.

Однако как объем ритмической группы, так и место логического ударения в движении тона логической мелодии не являются постоянными и в зависимости от задачи и содержания мысли могут меняться. Так, в одну ритмическую группу в потоке речи может входить целое предложение с одним логическим ударением, например: *Bügün Džumanijaz bazaryı barady* 'Сегодня Джуманияз поедет на базар'.

В зависимости от высказываемой мысли логическое ударение, а вместе с ним и порядок слов могут изменяться. Это изменение, инверсия, в тюркских языках связано с логическим ударением в большей степени, нежели в русском, где логическое ударение может быть перенесено с одного слова на другое без изменения порядка слов в предложении. Так, например, в приведенном выше предложении: *Bügün bazar ı a D ž u m a n i j a z barady* 'Сегодня на базар поедет Джуманияз' с изменением акцента мысли и при соответствующей инверсии логическое ударение падает уже на другое слово *Džumanijaz bazaryı b ü g ü n barady* 'Джуманияз поедет на базар'.

с е г о д н я' — логически подчеркнутым словом здесь является уже обстоятельство *bügün* 'сегодня' (а не в другое время).

Эмоциональная окраска фразы не изменяет позиции логического ударения. С каким бы оттенком чувства ни была произнесена фраза, логическое ударение будет постоянно приходиться на один и тот же член предложения, выражающий данную задачу мысли.

Известно, что в зависимости от ударения и разделения слогов в слове на слабые и сильные, некоторые звуки в слабых слогах либо произносятся неясно, либо вообще выпадают. Аналогичную картину можно наблюдать также в ритмических группах слов и целых предложениях. Часть словосочетания или предложения, попадающая в зону слабого логического ударения, также редуцируется. Следствием этого является: 1) выпадение отдельных звуков и слогов, в результате чего сочетания слов приобретают характер стяженных слов, в которых отдельные, фонетически наиболее слабые, стирающиеся элементы выпадают, и состав звуков этих сочетаний изменяется; 2) выпадение целых слов, играющих нередко в грамматическом отношении ведущую роль в данном предложении, т.е. выступающих в качестве основных и главных членов предложения — подлежащего, сказуемого, дополнения, — но логически не выделенных, не подчеркнутых.

Первое явление, т.е. выпадение отдельных звуков и слогов, часто совпадающих с морфологическими формантами, наблюдается в ритмических группах слов. Условно назовем его явлением фонетико-морфологической редукции. Выпадение же целых слов — отдельных членов предложения — явлением синтаксической редукции.

Фонетико-морфологическая редукция представлена двумя основными типами: а) собственно фонетической редукцией и б) фонетико-морфологической редукцией. Первый тип характеризуется чисто фонетическим стяжением звуков в слове или словосочетании, связанным с экспираторным ударением, в то время как фонетико-морфологическая редукция связана с логической структурой высказывания, когда редуцируется тот или иной аффикс, определяющий ту или иную словообразовательную модель и даже словоизменительную категорию из-за слабой логической ее значимости.

Фонетическая редукция или фонетическое стяжение встречается в речи довольно часто и представлено различными типами. В живой разговорной речи слова, соединяющиеся в ритмические группы — единые произносительные комплексы, часто не сохраняют свой слабильный состав звуков. Последние в слабых звеньях речевого потока, а именно в безударных слогах логически не выделенных слов, редуцируются вплоть до выпадения их, что влечет за собою изменение фонетического состава слов, в результате чего происходят соединения или стяжения двух или нескольких лексем.

Наиболее часто встречающимся типом стяжения является выпадение на границе слов одного из рядом стоящих гласных, например: *al(a) at* 'пестрая лошадь', *tor (y) at* 'гнедая лошадь', *ajt(a) almady* 'не мог сказать', *sar(y) altyn* 'желтое (чистое) золото' и т.д.

Слабыми слогами, подвергающимися в стяжениях выпадению, обычно бывают слоги, содержащие сонорные согласные *l, n*, причем последний, т.е. *n*, вместе со слоговым гласным выпадает чаще в тех случаях, когда находится в позиции рядом с аналогичным слогом, содержащим *m, n, ŋ*, например: *Aker perejin* (< *alyp kelip berejin*) 'Принесу-ка я'; *Ne yyp* (< *ne qu-*

lyp) oturyan bala saŋ — dedi 'Он сказал: чем ты занимаешься, дитя?'; bütip (< bulaj etip) 'таким образом'; bütpejik (< bulaj etpejik) 'не будем так делать'; söjtip (< solaj etip) 'так сделав'; qajtemis (< qandaj etemiz) 'как сделаем?'; toŋdy (< tonyŋdy) 'твою шубу'; qatyna (< qatynyna) 'его жене'; ma tawda (< myna tawda) 'на этой горе' и т.д.

Фонетические стяжения часто служат средством и видом семантической дифференциации некоторых грамматических форм, которые иногда сохраняют несколько ступеней эволюции фонетического стяжения данной грамматической формы и за каждой из них закрепляется особое грамматическое значение, ср., например: bara turyan 'идуший в данный момент', форма причастия на -уан от основы bara tur- — полная фонетическая форма; baŋatuyun (< bara turyan) 'идуший вообще, долженствующий пойти' — форма, получившая уже особый семантический оттенок и фонетически дифференцированная с предыдущей формой, хотя и имеет общее с ней происхождение — первая степень фонетической редукции, ослабления и выпадения отдельных элементов; barayan (< bara turyan) 'часто отправляющийся', ср. также аналогичные формы qaŋayan at 'лошадь, которая часто убегает', beregen 'дающий, часто дающий' и т.д., формы, получившие также особый оттенок значения и фонетически выделившиеся, отличные от двух предыдущих, хотя и являющиеся общими по происхождению.

К фонетическим стяжениям этой группы относятся многие аффиксы словообразования, а также многие формы спряжения глагола, ср., например, форму настояще-будущего времени al-a man (< al-a tur-ur man), форму прошедшего в настоящем alup ran (< al-up tur-ur man).

Фонетические стяжения весьма часто не учитываются тюркологами при анализе отдельных грамматических форм, что приводит к ошибочным выводам и обобщениям; ср., например, неправильное понимание формы настоящего времени в татарском языке — ед. число, 1л. al-a-m, 2л. al-a-syn, 3л. al-a и т.д. (как формы, образованной от деепричастия на -a/-e, -j, в то время как изменение деепричастия аффиксами принадлежности или лица для языков тюркской системы, да и для других языков, невозможно). Точно так же, как и рассмотренные выше, данная форма подверглась в процессе своего развития значительному фонетическому видоизменению и фактически восходит к той же полной форме, общей для ряда языков тюркской системы, а именно: 1л. al-a-tur-ur-man; 2л. al-a-tur-ur-syn; 3л. al-a-tur-ur ('я возьму, ты возьмешь, он возьмет' и т.д.).

Этот процесс превращения одной более полной формы в другую, редуцированную, следует учитывать при анализе и изучении вопросов генезиса каждой грамматической формы.

Процесс фонетического развития, редукция и стирание отдельных элементов в аффиксах, происходящие благодаря семантическому развитию и филиации значения данной грамматической формы, являются одним из средств развития и обогащения языка новыми грамматическими понятиями и формами, а значит, одним из мощных факторов прогресса языка.

Выше были рассмотрены случаи фонетической редукции звуков в словосочетаниях, принципиально не отличающиеся от выпадения в определенных позициях звуков в отдельных словах. Однако существуют также и принципиально иные явления редукции, связанные не с экспираторным, а исключительно с фразовым или логическим ударением, причем редуцируются

при этом не отдельные звуки и слоги, а полные грамматические форманты (фонетико-морфологическая редукция) и целые слова — члены предложения (синтаксическая редукция).

Фонетико-морфологическая редукция — явление уже не фонетического, а логического характера, связанное не с экспираторным, а исключительно с логическим или фразовым ударением. Явление ослабления логического значения отдельных грамматических форм и фонетического выпадения соответствующих грамматических формантов вызывается также развитием значения этих грамматических форм, изменяющихся в связи с появлением новых синтаксических конструкций словосочетаний и предложений, а также развитием других грамматических категорий.

Редукции, т.е. выпадению, подвергаются аффиксы словозименения: мн. числа, принадлежность, склонения и спряжения; реально же наиболее частыми случаями редукции этого типа являются: а) выпадение аффиксов родительного и винительного падежей, связанное не только с логическим или фразовым ударением, но и с рядом других грамматических категорий; б) выпадение аффиксов принадлежности, главным образом 1-го лица ед. и мн. числа: Taqsyr | menin bir aryz bar — || dedi Сударь, | у меня¹ есть просьба — сказал он'; Bizin üjdegi kisi — || dijdı 'Человек, который находится в нашем доме, || — сказал он' и т.д., где определяемые не согласованы с определениями соответствующими аффиксами принадлежности, исчезнувшими по причине ослабления их грамматической значимости.

Синтаксическая редукция. Логическая мелодия предложения, как отмечалось выше, представляет собой ритмическое единство, разделяющееся логическими паузами на несколько разных по логической значимости ритмических групп, имеющих на одной из них главное, а на остальных второстепенные ударения, различные по своей значимости по отношению к главному ударению.

Наиболее слабые в логическом отношении ритмические группы подвергаются вначале логической редукции, а затем и выпадению отдельных логически наиболее слабых, не выделенных слов. Это явление наиболее ярко выражается в диалогической речи, хотя часто встречается и в монологах.

Выпадению подвергаются и слова, выступающие в качестве главных членов предложения, если они имеют слабую логическую значимость.

1. Выпадение слов, выступающих в качестве сказуемого главного предложения¹. Er | timyan džerine (keler), || ijt | tojyan džerine (keler) 'человек | (стремится) к родине, || а собака | к месту насыщения; Sayaday | suw (işedi) || ajaqtay | uw (işedi) te¹, кто у истока¹ (пьют) | воду, || а te¹, кто у устья | (пьют) яд'; At | erinli (keler) || er | murunly (keler) 'лошади | лучше быть губастой, || а мужчине | — носатым'; Ötkir ruşaq | qunğa (dos) || ötirik söz | qanğa (dos) 'острый нож | (друг) ножам, || а живые слова | (друзья) хану'.

Во всех приведенных выше примерах (главным образом пословицах) язык достигает крайней своей выразительности. В предложении остаются только логически значимые слова, в то время как слова, на которые логическое ударение не падает — выпадают, замещаясь логическими паузами.

2. Выпадение слов, выражающих подлежащее главного предложения.

¹ Здесь и далее выпадающие слова приведены в скобках.

Выпадение подлежащего, выраженного личным местоимением 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа, в предложениях, где подлежащее логически не подчеркивается, является общей нормой для тюркских языков, так как идея субъекта заключена в форме сказуемого. Так, предложения *At aldym* или *Men at aldym* 'я купил лошадь' отличаются только логическим выделением субъекта во втором предложении, в то время как в предложении *At aldym* логически выделяется прямой объект.

Однако нередки случаи, когда выпадает подлежащее, представленное другой частью речи, чаще всего с абстрактной семантикой, например, *narise* 'вещь, предмет' или *kisi ~ adam* 'человек' и т.п. Могут выпадать и прочие слова, если их семантика остается во фразе очевидной, благодаря окружающим его определениям. Обычно в этом случае происходит замещение выпадающего подлежащего ближайшим к нему определением, которое субстантивизируется, принимая на себя функцию подлежащего, например: а) выпадение слова — подлежащего, выраженного именем предмета: *onun dymu dżoq* 'у него нет ничего', где субстантивированное усилительное слово *dymu* замещает подлежащее *dym nârsesi*; *Ajdun on besi* | — *qaranıy*, || *on besi* | — *dżaqtı* 'У месяца пятнадцать дней | темные, а пятнадцать дней | светлые', где субстантивированные числительные *on besi* замещают подлежащее *on bes künü*; б) выпадение слова — подлежащего, выраженного именем человека: *Ajary dżaman* | *tördi bylyajdy*, || *özi dżaman* | *eldi bylyajdy* 'Человек | с грязными ногами | загрязняет почетное место в юрте, || а сам если грязный, | то загрязняет народ' — здесь субстантивированы в функции подлежащих целые сочетания *Ajary dżaman* (*adam*), *özi dżaman* (*adam*); *Bar* | *baryn ajtady*, || *dżoq* | *dżorın ajtady* 'Имущий говорит о том, | что у него есть, || а неимущий говорит о своем (тяжелом) положении'. Здесь субстантивированы слова *bar* (< *dunjasy bar adam*) и *dżoq* (< *heş nârsesi dżoq adam*).

3. Выпадение слова, выступающего в функции прямого дополнения и замещение его субстантивированно-определятельной формой, например: *Dżamandy* | (< *dżaman adamdy*) | *tüjenin üstinen¹ ijt qabady* 'Плохого (человека) | собака кусает даже в том случае | если он сидит на верблюде'; *Kişkentajdy* (< *kişkentaj kisini*) | *maqta* || *ülkendi* (< *ülken kisini*) | *min* 'Младшего | хвали, || а старшего посади (на лошадь)'; *Anasy balany oturtyrup* | *sorady* || *bul nârselerni*) | *qajdan aldy* — || *dedi* 'Мать посадила своего сына | и спросила |, откуда он взял эти вещи'; *Bilegi dżuwan* | *birdi* (< *bir kisini*) *dżyady*, || *bilimi dżuwan* | *myndy* (< *myñ kisini*) *dżyady* 'Имеющий сильную руку | одного свалит, а обладающий большими знаниями | тысячу (человек) свалит'.

Таким образом, логико-ритмическая структура высказывания, соответствующие фразовые ударения, логические паузы и связанная со смысловой сущностью высказывания редукция (фонетическая, фонетико-морфологическая и синтаксическая), т.е. выпадение отдельных соответствующих структурных элементов, занимают в анализе языковых категорий тюркских языков значительное место, а следовательно, должны учитываться при изучении генезиса структуры слова, словосочетания и предложения.

В практическом же плане изучение данной проблематики призвано способствовать разработке соответствующих пособий логически и интонационно правильного чтения различных по жанру и стилю текстов выступлений, а также пособий по художественному чтению и сценической речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования диахронии развития фонологической структуры тюркских языков от более древнего ее состояния до конкретных ее типов и моделей современных языков не имеют прецедентов, поэтому, как это видно из содержания настоящей монографии, данное исследование представляет собой первый опыт историко-типологической фонологии — опыт, базирующийся не на изолированном рассмотрении отдельных фонем и их развитии, а на системном анализе всей фонологической структуры вокализма и консонантизма как части общей структуры всех уровней языка в их взаимосвязи и взаимодействии.

Системная взаимосвязь всех уровней языка выражается в органическом и последовательном их изоморфизме от синтаксического уровня, устанавливающего общий строй языка, до морфологического уровня, определяющего морфологическую структуру слова, изоморфную структуре словосочетания, и, наконец, до фонологической структуры слова, в котором отношения корневой морфемы и морфем аффиксальных подчиняются общим закономерностям.

Последовательный изоморфизм всех уровней языка — фактор, способствующий восставлению диахронических процессов развития не только синтаксических и морфологических категорий, но и фонологической структуры тюркских языков на всех этапах их развития, а использование типологически общих закономерностей, характерных как для более ранних периодов, так и для более позднего состояния, позволяет гипотетически представить и более глубокое состояние фонологической структуры, чем это возможно при применении только сравнительно-исторического метода.

Поэтому вместе с последним в настоящем исследовании использован также и метод ретроспективной реконструкции древнего состояния фонологии тюркских языков, который и базируется, с одной стороны, на явлениях изоморфизма всех уровней языка, а с другой — на общих типологических закономерностях, определяющих те или иные явления как в современном состоянии тюркских языков, так и на более ранних этапах развития.

Ярким примером развития первичных долгих гласных, которые, как это показывают аналогичные явления в современных языках, а именно вторичные долгие гласные, безусловно также произошли из стяжений кратких гласных или нормальных и некоторых согласных, т.е. соответственно $CG > G$: или $GC > G$: или $GCG > G$:, что находит свое подтверждение в современных чувашском и туркменском языках. Для первого из них характерны сочетания согласных и гласных — CG , GC , GCG , а для которого — только G :. Ср., например: чув. *vut* ~ туркм. *o:t* 'огонь', чув. *kyvak* ~ туркм. *gö:k* 'синий, голубой', чув. *tyvak* ~ туркм. *du:z* 'соль'.

Гипотетическая реконструкция фонологической структуры тюркских языков позволила установить пять основных периодов, или диахронических срезов, которые представляют собой четыре основные системы вокализма и консонантизма, объединенные одним общим процессом фонематизации аллофонов, т.е. усложнением вокализма и консонантизма от ограниченного количества фонем с множеством различных аллофонов для каждой фонемы к большему составу фонем за счет фонематизации аллофонов и превращения их в самостоятельные фонемы. Причем вокализм развивался от моновокалической структуры, т.е. от одной гласной фонемы с единственной функцией слогообразования, к двум гласным фонемам — широкой и узкой, определяющим общий тембр слова по дифференциальному признаку — подъему (такая структура сохранилась в современных тюркских языках в отношении аффиксальных морфем), и далее к восьми гласным фонемам — эта структура характерна для всех современных тюркских языков в отношении корневых морфем, с незначительными особенностями для последующего пятого периода, характеризующегося некоторыми специфическими изменениями, вызванными как внутренними закономерностями, так и воздействием различного рода субстратных и адстратных языков.

Консонантизм в те же четыре периода характеризовался соответственно последовательными процессами фонематизации аллофонов от ограниченного количества согласных фонем, но со значительным количеством аллофонов, обладающих всеми тремя дифференциальными признаками — тембр (подъем), палатализация и лабиализация — в первый период, до постепенного увеличения количества согласных фонем сначала, во втором периоде, за счет выделения в самостоятельные фонемы сонорных аллофонов, затем, в третьем периоде, — спирантов и, наконец, в четвертый период — выделения глухих и звонких согласных фонем с постепенным уменьшением соответствующих аллофонов, а именно: для второго периода — аллофонов сонорных, для третьего — аллофонов спирантов и для четвертого — аллофонов глухих и звонких согласных, причем последний четвертый период еще сохранил свои черты в некоторых современных языках, например алтайском, в котором глухие и звонкие согласные до сих пор слабо дифференцированы.

Итак, сочетание сравнительно-исторического метода и метода ретроспективной внутренней реконструкции, заключающийся, во-первых, в использовании явлений изоморфизма на всех уровнях языка и, во-вторых, в сопоставлении существующих в современных конкретных языках, в их современной синхронной структуре, фонологических закономерностей, характерных для различных этапов их развития, и установлении, таким образом, хронологической их последовательности, а затем перенесении этих закономерностей с соответствующей корреляцией на более ранние периоды развития аналогичных явлений, позволяет реконструировать все этапы последовательного развития фонологической структуры тюркских языков.

Предложенная реконструкция процессов развития фонологической структуры тюркских языков представляет собой только рабочую гипотезу, вероятность которой является столь же относительной, сколь и реконструкция праязыка, установленные сравнительно-историческим методом. Вместе с тем каждое из гипотетических построений, независимо от степени их вероятности, служит относительным приближением к определению истинных процессов развития языка даже и в том случае, если предложенные гипотезы являются маловероятными и даже антивероятными.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев Ф. О кыпчакско-огузских соответствиях *п/б, б/м, б/в* // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.
- Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
- Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1962.
- Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940.
- Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. II.
- Баскаков Н.А. Структура слога в тюркских языках // ИСГТЯ. 1955. Т. I.
- Баскаков Н.А. Тюркские языки: Общие сведения и типологическая характеристика // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II.
- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Баскаков Н.А. Делабиялизация передних гласных в тюркских языках // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
- Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975.
- Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
- Батманов И.А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946.
- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.
- Бертагаев Т.А. Чередования фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М., 1965.
- Бишиев А. Первичные долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.
- Богородицкий В.А. Законы сингармонизма в тюркских языках // ВНОТ. 1927. № 6.
- Богородицкий В.А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // ВНОТ. 1928. № 8.
- Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933.
- Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934 (Изд. 2-е — 1953).
- Бодуэн де-Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, 1871. Т. I, II.
- Будилович А. Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения // Изв. историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине за 1877. Киев, 1877.
- Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Виноградов В.А. Сингармонизм и фонология слова // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
- Виноградов В.В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы // Памяти акад. Л.В. Щербы. Л., 1951.
- Владимирцов Б.Я., Понпе Н.Н. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // Докл. Российской академии наук. Сер. В. 1924. Апрель—июнь.
- Гафаров Б.Г. О явлении йотации в гагаузском языке // Балканское языкознание. София, 1969. Т. XI, вып. 2.
- Дёрффер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков // ВЯ. 1972. № 1.
- Джунисбеков А. Акустико-артикулярные характеристики гласных казахского языка // Фонетика казахского языка, Алма-Ата, 1969.

- Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. А., 1940.
- Дмитриев Н.К. Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков // ИСГТЯ. 1955. Т. I.
- Дмитриев Н.К. Вторичные долготы в тюркских языках // ИСГТЯ. 1955. Т. I.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Журавлев В.К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.
- Журавлев В.К. Генезис протезов в славянских языках // ВЯ. 1965. № 4.
- Журавлев В.К. Группофонема как основная фонологическая единица // Исследования по фонологии. М., 1966.
- Ибрагимов Т.И. Изучение образования слогов и структуры их сочетаний: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.
- Исхаков Ф.Г. Гармония гласных в тюркских языках // ИСГТЯ. 1955. Т. I.
- Калиев Ж.К. К вопросу об интонации вопросительных предложений // Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969.
- Каскаров М.Г., Аралбаев Ж.А. Об изучении интонации казахского языка // Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969.
- Киекбаев Дж.Г. Вариантные слова или сингармонические параллелизмы в башкирском языке // Учен. зап. Башк. пед. ин-та. 1955. Т. 7.
- Киекбаев Дж.Г. О передвижении гласных в башкирском языке // Учен. зап. Башк. пед. ин-та. 1956. Т. 8.
- Кононов А.Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
- Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации // ВЯ. 1976. № 4.
- Кормушин И.В. Явление фузии в истории алтайских языков и ее значение для решения проблемы общности алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. М.; Л., 1971.
- Корш Ф.Е. Слово "балдак" и долгота гласных в турецких языках // Живая Старина. Спб., 1909. № 70–71.
- Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки // ВЯ. 1973. № 6.
- Лекомцева М.И. Типология структуры слога в славянских языках. М., 1968.
- Макаев Э.А. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1964.
- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Матвеев Т.М. Краткое обозрение чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960.
- Мельников Г.П. О некоторых типах слогоразличительных сигналов в языках тюркских и банту // НАА. 1962. № 6.
- Мельников Г.П. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках // ВЯ. 1962. № 6.
- Мельников Г.П. Классификация гласных, способ их описания и причины перебоя татарско-башкирских гласных: Тез. науч. конф. аспирантов Ин-та языкознания АН СССР. М., 1963.
- Мельников Г.П. Причины нарушения симметрии киргизского вокализма // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
- Моллова М. К истории тюркского вокализма // ВЯ. 1966. № 2.
- Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
- Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1963.
- Ойротско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1947.
- Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Поливанов Е.Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке // Докл. АН СССР-В. 1927. № 7.
- Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.
- Поливанов Е.Д. Субъективный характер восприятия звуков языка // Избранные работы. М., 1968.
- Постовалова В.И. Фонологическая структура слога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1911. Т. I–IV.

- Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уде, 1971.
- Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики: (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Реформатский А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Реформатский А.А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
- Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II.
- Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.
- Степанов Ю.С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // ВЯ. 1974. № 5.
- Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М., 1976¹.
- Тенишев Э.Р. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.
- Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976².
- Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. М., 1975.
- Трофимов М.И. Некоторые фонетические особенности слога в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.
- Трофимова Е.Б. Очерк теории фонетического и интуитивного слогоделения. Самарканд, 1972.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
- Туркенаев Н.У. Об интонации вопросительных предложений // Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969.
- Туркменско-русский словарь. М., 1968.
- Хасенова А.К. Қазақ бир буынды негізгі түбір етістіктер // Каз. ССР ғылым академиясының хабарлары. 1960. № 3.
- Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // ВЯ. 1980. № 3.
- Чуркин Т.Я. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района ЧАССР // Тюркологические исследования. Л., 1963.
- Шаабдурахманов Ш.Ш., Абдуазизов А.А. К проблеме теории и метода фонетико-фонологического анализа в исследованиях тюркских языков // Общественные науки в Узбекистане. 1976. № 10.
- Шараф Г. Палатограммы звуков татарского языка. Казань, 1927.
- Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных // ВНОТ. 1928. № 8.
- Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1948.
- Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношениях. СПб., 1912.
- Щербак А.М. О тюркском вокализме // Тюркологические исследования. М., 1963.
- Щербак А.М. О тюркском консонантизме // ВЯ. 1964. № 5.
- Щербак А.М. Тюркские гласные в количественном отношении // Тюркологический сборник: К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966.
- Щербак А.М. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках // ВЯ. 1967. № 6.
- Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Щербак А.М. Слог и его структура: (на материале тюркских языков) // Вопросы тюркологии: К 60-летию акад. АН Азерб. ССР М.Ш. Ширалиева. Баку, 1971.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959.
- Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948.
- Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972.
- Allen W.S. On one-vowel systems // Lingua. Vol. 13. N. 2. 1965.
- Atalay B. Divanü-Lügat it-türk tercümesi. Ankara, 1939–1941. I–III.
- Baskakov N.A. Sur la reconstruction des archetypes des morphemes radicaux dans les anci-

- ennes Langues turques // XXIX Intern. Congress of orientalis (Paris, 1973, July 16–22). M., 1973.
- Bazin L. Y a-t-il en turc des alternances vocaliques // UAJB. 1961. XXXIII, 1–2.
- Bombaci A. Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache // UAJB. 1952. XXIV. 3–4.
- Bonelli L. Del movimento dell' accento nel turco-osmanli // Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Ser. 5. Roma, 1893. Vol. 2.
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851.
- Clauson G. The initial labial sounds in the Turkish languages // BSOAs. 1961. XXIV. 2.
- Collinder B. Reichstürkische Lautstudien. Uppsala; Leipzig, 1939.
- Collinder B. Gibt es im türkischen keinen Akzent? // ZDMG. 1941. Bd. 95.
- Deny J. Role de l'harmonie vocalique dans la formation des mots turcs // Atti XIX Congresso Intern. degli orientalisti. Roma, 1938.
- Doerfer G. Zwei wichtige Probleme der Altaistik // J. Société Finn-Ougrienne. Helsinki, 1963. T. 69.
- Doerfer G. Khalaj materials // Indiana Univ. publications: Uralic and Altaic series. Bloomington, 1971. Vol. 115.
- Emre A.C. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme). 1 kitap. Fonetik. Istanbul, 1949.
- Eren H. A török magáhangzóváltak ozaók. Budapest, 1942.
- Fischer A. Die Vocalharmonie der Endungen an den Fremdwörtern des Türkischen. Leipzig, 1920.
- Foy K. Türkische Vocalstudien besonders das köktürkischen und osmanische betreffend // MSOS. 1900. T. 3. H. 2.
- Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
- Gabain A. von. Zur Geschichte der türkischen Vocalharmonie // UAJB. 1952. XXIV. 1–2.
- Ginneken J. van. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939.
- Ginneken J. van. Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1939, 8.
- Grönbech V. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. Kopenhagen, 1902.
- Grönbech K. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen // ZDMG. 1940. Bd. 94.
- Hamp E. Vowel harmony in classical mongolian // Word. 1958. 14. 2–3.
- Hattori Shiro. Phonological interpretation of tatar high vowels // Eurasia Nostratica: Festschrift für K. Menges. Wiesbaden, 1977.
- Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund; Leipzig, 1933.
- Kowalski T. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Krakow, 1933.
- Kramski J. Über den Ursprung und die Funktion der Vocalharmonie in den ural-altaischen Sprachen // ZDMG. 1956. Bd. 106.
- Kunos I. Adalékok a jarkendi keletázsiai törökség ismértéhez // KSz. 1905. N 6.
- Ligeti L. Les voyelles longues en turc // JA. 1938. CCXXX.
- Menges K.H. Zu den Xaqassischen i-Lauten // UAJB. 1964. XXXV.
- Menges K.H. Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen // Archiv Orientalni. Praha, 1938.
- Nemeth J. Die langen Vokale in Jakutischen // KSz. 1914–1915. XV.
- Nemeth J. Zu den e-Lauten in Türkischen // Studia Orientalia. Budapest. 1964. XXVIII. 14.
- Nielsen K. Accentueringen i Türkisk (Osmanisk) // Forhandlingene i Videnskabselskabet i Christiania. 1906. N 9. Christiania, 1907.
- Pallo M.J. Zur Frage der tschuwaschischen v-Prothese // Acta Orientalia. Budapest, 1961. XII. Fasc. 1–3.
- Pedersen H. Türkische Lautgesetze // ZDMG. 1903. Bd. 57.
- Pelliot P. Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII et XIV siècles // JA. 1925. 206.
- Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- Poppe N. Altaic studies in the United States // Amer. studies in Altaic linguistics. Indiana, 1962. Vol. 13.
- Poppe N. Introduction to altaic linguistics. Wiesbaden, 1965.
- Prohle W. Zur Frage des Wortsakzents im Osmanisch-Türkischen // KSz. 1911. 12.

- Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1982.
- Radloff W.* Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems // Изв. Академии наук. Сер. V 1901. T. XIV. № 14.
- Rahmati A.* Zur Klassifikation der Türksprachen // UJ. 1929. Bd. 9.
- Ramstedt G.J.* Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. III. Der J-Laut und damit zusammenhängende Fragen // KSz. 1915. XVI.
- Ramstedt G.J.* Einführung in die altaischen Sprachwissenschaft. I. Lautlehre // MSFOu. 1957.
- Raquette G.* The accent problem in Turkish. Lund; Leipzig, 1927.
- Rasanen M.* Beiträge zur Frage der türkischen Vocalharmonie // J. Société Finno-Ougrienne. 1937. T. 24.
- Serebrennikov B.A.* Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwassischen // Acta Orientalia. Budapest, 1966. XIX. Fasc. 1.
- Thomsen K.T.* The closed "e" in Turkish // Acta Orientalia. Havniae, 1957. XXII.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ И ИЗДАНИЯ

- ВНОТ — Вестник научного общества татароведения, Казань.
 ВЯ — Вопросы языкознания, М.
 ДТС — Древнетюркский словарь, Л., 1969.
 ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, М., 1955, т. I. Фонетика.
 КирРС — см. Юдахин, 1965.
 ККРС — Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, М., 1958.
 КРПС — Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала, М., 1974.
 КРС — Казахско-русский словарь / Под ред. Х. Махмудова, Г. Мусабаева, Алма-Ата, 1954.
 МК — Словарь Махмуда Кашгарского (см.: Atalay, 1939–1941).
 НАА — Народы Азии и Африки, М.
 НРС — Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, М., 1963.
 ОРС — Ойротско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, М., 1947.
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, L.
 FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki.
 JA — Journal Asiatique, P.
 KSz — Keleti Szemle, Bp.
 MSFou — Memoire de la Societe Finno-Ougrienne, Helsinki.
 MSOS — Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, B.
 UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
 UJ — Ungarische Jahrbücher, B.; Leipzig.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абак.	— абаканский	монгор.	— монгорский
аз.	— азербайджанский	ног.	— ногайский
алт.	— алтайский	н.-уйг.	— новоуйгурский
араб.	— арабский	огуз.	— огузский
башк.	— башкирский	перс.	— персидский
булг.	— болгарский	с.-юг.	— сары-югурский
гаг.	— гагаузский	тат.	— татарский
гольд.	— гольдский	тоф.	— тофаларский
др.-тюрк.	— древнетюркский	тув.	— тувинский
каз.	— казахский	тунг.	— тунгусский
кар.	— караимский	тур.	— турецкий
кбалк.	— карачаево-балкарский	туркм.	— туркменский
ккалп.	— каракалпакский	тюрк.	— тюркский
коман.	— команский	узб.	— узбекский
конд.	— кондомский	уйг.	— уйгурский
кр.-тат.	— крымско-татарский	хак.	— хакасский
кум.	— кумыкский	халадж.	— халаджский
куманд.	— кумандинский	чаг.	— чагатайский
кызыл.	— кызыльский	чув.	— чувашский
кыпч.	— кыпчакский	чул.	— чулымский
маньчж.	— маньчжурский	шор.	— шорский
монг.	— монгольский	як.	— якутский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава I</i>	
Фонологическая структура корневой морфемы	26
<i>Глава II</i>	
Процессы развития гласных и согласных фонем и формирование основных типов фонологической структуры	72
Периодизация развития фонематической структуры тюркских языков в связи с развитием вокализма	72
Некоторые особенности развития консонантизма	97
<i>Глава III</i>	
Основные типы и модели фонологической структуры	109
Западно-хуннская ветвь	112
Булгарская группа	112
Огузская группа	115
Кыпчакская группа	126
Карлукская группа	148
Восточно-хуннская ветвь	154
Уйгуро-огузская группа	155
Киргизско-кыпчакская группа	168
<i>Глава IV</i>	
Фонологическая структура слова, слога и ударение	174
Структура слова	175
Структура слога	176
Ударение	185
Заключение	200
Литература	202
Принятые сокращения	207

Научное издание

Б а с к а к о в Николай Александрович

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Р.М. Залесковская*. Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*

Технический редактор *И.И. Джиоева*. Корректор *Р.Г. Ухина*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 37929

Подписано к печати 18.11.88. Формат 60 × 90 1/16. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печл. 13,0. Усл.кр.-отт. 13,3. Уч.-издл. 15,4
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 831. Цена 3р. 20к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Н.А. Баскаков — старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, Туркменской и Казахской ССР, доктор филологических наук, профессор. Основные его работы в области типологии тюркских языков: "Введение в изучение тюркских языков" (М., 1969); "Историко-типологическая характеристика тюркских языков" (М., 1975); "Историко-типологическая морфология тюркских языков" (М., 1979); "Алтайская семья языков и ее изучение" (М., 1982) и др.

Затронутые в данной работе проблемы представляют интерес не только для научных работников, аспирантов и студентов-тюркологов и языковедов, занимающихся вопросами фонологии других языков, но и для широкого круга учителей и практических работников наших тюркоязычных республик и областей, связанных с изучением вопросов языкознания.

